

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

№ 4(4) 2025

- Теоретические и методологические проблемы ономастики
- Региональные ономастические исследования
- Имя в пространстве текста
- Прагматический аспект имятворчества
- Онимная периферия
- Ономастика в лицах
- События, обзоры, рецензии

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

№ 4(4) 2025

- Theoretical and methodological problems of onomastics
- Regional onomastic studies
- Name in the text space
- Pragmatic aspect of name creation
- Onym periphery
- Onomastics in faces
- Events and reviews

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

М.Р. Багомедов – доктор филологических наук – Махачкала, Россия; **М.Ю. Беляева** – доктор филологических наук – Славянск-на-Кубани, Россия; **В.Л. Васильев** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **Н.В. Васильева** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Борисоглебск, Россия; **В.В. Вязовская** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Дамбуев** – кандидат филологических наук – Улан-Удэ, Россия; **З.М. Дударева** – доктор филологических наук – Стерлитамак, Россия; **Г.А. Заварзина** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.М. Калинкин** – доктор филологических наук – Донецк, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Меркулова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **С.А. Мызников** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **Ф. Пашаева** – доктор филологических наук – Карс, Турция; **С.А. Попов** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Попова** – доктор филологических наук – Липецк, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Р.В. Разумов** – кандидат филологических наук – Ярославль, Россия; **И.Э. Ратникова** – доктор филологических наук – Минск, Республика Беларусь; **О.А. Селеменева** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В.И. Супрун** – доктор филологических наук – Волгоград, Россия; **А.С. Щербак** – доктор филологических наук – Тамбов, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

M.R. Bagomedov – Doctor of Philology – Makhachkala, Russia; **M.Yu. Belyaeva** – doctor of philology – Slavyansk on the Kuban, Russia; **V.L. Vasiliev** – Doctor of Philology – Veliky Novgorod, Russia; **N.V. Vasilyeva** – doctor of philology – Moscow, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Borisoglebsk, Russia; **V.V. Vyazovskaya** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Dambuev** – PhD in philology – Ulan-Ude, Russia; **Z.M. Dudareva** – doctor of philology – Sterlitamak, Russia; **G.A. Zavarzina** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.M. Kalinkin** – doctor of philology – Donetsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Merkulova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **S.A. Myznikov** – Doctor of Philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **F. Pashayeva** – Doctor of Philology – Kars, Turkey; **S.A. Popov** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **E.A. Popova** – doctor of philology – Lipetsk, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **R.V. Razumov** – PhD in philology – Yaroslavl, Russia; **I.E. Ratnikova** – Doctor of Philology – Minsk, Republic of Belarus; **O.A. Selemeneva** – doctor of philology – Yelets, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V.I. Suprun** – doctor of philology – Volgograd, Russia; **A.S. Shcherbak** – Doctor of Philology, Tambov, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Скуридина С.А. Вступительное слово главного редактора.....	6
Теоретические и методологические проблемы ономастики	
Скуридина С.А. Факт биографии автора как ономастический импульс.....	7
Щербак А.С. Этимологические истоки фамилии Замятин.....	14
Королева И.А. Фамилии и родословные: перспективы изучения.....	18
Региональные ономастические исследования	
Кошарная С.А., Сайненко Ю.В. Региональное ойконимическое пространство в лингвокультурологическом осмыслении.....	23
Имя в пространстве текста	
Попова Е.А., Елистратов А.К. Образы национальной персоносферы в военной лирике П.Н. Шубина.....	30
Вязовская В.В. «...Замечательное явление в природе»: зооморфный компонент антропонимов в повести Н.С. Лескова «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874).....	40
Новикова М.В. Специфика личных имен героев художественного фильма Ш. Бейкера «Анора» (2024).....	46
Липатова Е.В. Поэтизация топонима <i>Самарканд</i>	51
Королева А.С. Антропонимы второстепенных женских образов в сериале В. Мирзоева «Преступление и наказание» (2024).....	55
Бугакова Н.Б. О некоторых смысловых оттенках библионимов военной прозы А. Платонова.....	65
Саратова М.В. Структурно-семантический аспект художественных антропонимов в романистике Марселя Байера.....	70
Писатели-юбиляры 2025 года	
Ковалев Г.Ф. А Чехов – тоже воронежский!.....	76
Яковлева О.И. Формулы именования персонажей М.А. Шолохова в прозе о Великой Отечественной войне.....	86
Трубицина Н.А. Библейские антропонимы в микротопонимике «палестинских глав» цикла И.А. Бунина «Тень птицы».....	94
Прагматический аспект имятворчества	
Беляева М.Ю. Урбанонимы г. Краснодара: динамика номинаций жилых комплексов и микрорайонов.....	100
Новикова Д.Д. Модели образования сценических имен.....	107
Катермина В.В. Топонимы-блэнды как отражение социокультурных явлений действительности англоязычного неологического дискурса.....	118
Тимофеева Е.В. Особенности употребления фитонимов в «детских» эргонимах республики Башкортостан.....	123
Меренкова О.В., Скуридина С.А. Фамилия Карамазов как прецедентный оним в названиях сообществ в социальной сети «ВКонтакте».....	127
Мишинёва Е.М. Ономастическое пространство мультипликационного фильма «Головоломка».....	132
Онимная периферия	
Заварзина Г.А., Буасаенг Р. Новые приметы с антропонимическим компонентом в современных СМИ.....	136
Ономастика в лицах	
Супрун В.И. Незаменимый человек: памяти Михаила Викторовича Горбаневского (21.5.1953 – 20.9.2025).....	140
События, обзоры, рецензии	
Попов С.А. XXIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья».....	145
Правила оформления статей	
	148

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Theoretical and methodological problems of onomastics	
<i>Skuridina S.A.</i> The fact of the author's biography as an onomastic impulse.....	7
<i>Shcherbak A.S.</i> Etymological origins of the surname Zamyatin.....	14
<i>Koroleva I.A.</i> Surnames and genealogies: study prospects.....	18
Regional onomastic studies	
<i>Kosharnaya S.A., Sainenko Yu.V.</i> Regional Oikonymic space in linguistic and cultural understanding.....	23
Name in the text space	
<i>Popova E.A., Elistratov A.K.</i> Images of the national personosphere in P.N. Shubin's lyrics.....	30
<i>Vyazovskaya V.V.</i> "...A remarkable phenomenon in nature": zoomorphic component of antroponyms in N.S. Leskov's story "Years of childhood (from Merkul Praotcev's memories)" (1874).....	40
<i>Novikova M.V.</i> The specifics of personal names of the characters in the feature film «ANORA» BY S.Baker (2024).....	46
<i>Lipatova E.V.</i> Poetization of the toponym <i>Samarkand</i>	51
<i>Koroleva A.S.</i> Anthroponyms of secondary female images in V. Mirzoev's series "Crime and punishment" (2024).....	55
<i>Bugakova N.B.</i> On some semantic tone bibliographical names of A. Platonov's military prose.....	65
<i>Saratova M.V.</i> Artistic anthroponymics in the romantic writing of Marcel Bayer.....	70
Jubilee writers of 2025	
<i>Kovalev G.F.</i> And Chekhov is also from Voronezh!.....	76
<i>Yakovleva O.I.</i> Formulas for naming characters in M.A. Sholokhov's prose about the Great Patriotic war.....	86
<i>Trubitsina N.A.</i> Biblical anthroponyms in the microtoponymics of the "Palestinian chapters" of I.A. Bunin's "The shadow of a fly" cycle.....	94
Pragmatic aspect of name creation	
<i>Belyaeva M.Yu.</i> Urbanonyms of Krasnodar: dynamics of nominations of residential complexes and microdistricts.....	100
<i>Novikova D.D.</i> Models of a stage name formation.....	107
<i>Katermina V.V.</i> Toponyms-blends as a reflection of sociocultural phenomena of the reality of English neological discourse.....	118
<i>Timofeeva E.V.</i> Features of the use of phytonyms in "children's" ergonyms of the republic of Bashkortostan.....	123
<i>Merenkova O.V., Skuridina S.A.</i> The surname <i>Karamazov</i> as a precedent onym in the names of communities on the «VKontakte» social network.....	127
<i>Mishnyova E.M.</i> Onomastic space of the animation film "Inside out".....	132
Onym periphery	
<i>Zavarzina G.A., Buasaeng R.</i> New sign with an anthroponymic component in modern media.....	136
Onomastics in fases	
<i>Suprun V.I.</i> An irreplaceable person: in memory of Mikhail Viktorovich Gorbanevsky (21.5.1953 – 20.9.2025).....	140
Events and reviews	
<i>Popov S.A.</i> XXIII International scientific conference "Onomastics of the Volga region"	145
Layout of the articles	148

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей четвертый выпуск научного журнала «Ономастический вестник» Воронежского государственного технического университета, который включает работы, посвященные актуальным проблемам ономастики.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Теоретические и методологические проблемы ономастики», II – «Региональные ономастические исследования», III – «Прагматический аспект имятворчества», IV – «Имя в пространстве текста», V – «Онимная периферия», – VI «Ономастика в лицах», VII – «События, обзоры, рецензии». Отдельный раздел посвящен ономастическому творчеству писателей-юбиляров.

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 23 научные работы.

Раздел «Теоретические и методологические проблемы ономастики» включает статьи, рассматривающие факт биографии автора как ономастический импульс (С.А. Скуридина), выявляющие этимологические источники фамилии Замятин (А.С. Щербак), открывавшие перспективы изучения фамилий и родословных (И.А. Королева).

Раздел «Региональные ономастические исследования» содержит статью, представляющую региональное ойконимическое пространство в лингвокультурологическом осмыслении (С.А. Кошарная, Ю.В. Сайченко).

В раздел «Имя в пространстве текста» включены работы, описывающие образы национальной персоносферы в военной лирике П.Н. Шубина (Е.А. Попова, А.К. Елистратов), выявляющие зооморфный компонент антропонимов в повести Н.С. Лескова «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (В.В. Вязовская), рассматривающие специфику личных имен героев художественного фильма Ш. Бейкера «Анора» (М.В. Новикова), исследующие поэтизацию топонима Самарканда (Е.В. Липатова), анализирующие антропонимы второстепенных женских образов в сериале В. Мирзоева «Преступление и наказание» (А.С. Королева), определяющие смысловые оттенки библионимов военной прозы А. Платонова (Н.Б. Бугакова) и структурно-семантические особенности художественных антропонимов в романтике Марселя Байера (М.В. Саратова).

В статьях раздела «Писатели-юбиляры 2025 года» рассматривается происхождение фамилии Чехов (Г.Ф. Ковалев), выводятся формулы именования персонажей М.А. Шолохова в прозе о Великой Отечественной войне (О.И. Яковлева), анализируются библейские антропонимы в микротопонимике «палестинских глав» цикла И.А. Бунина «Тень птицы» (Н.А. Трубицина).

Раздел «Прагматический аспект имятворчества» содержит работы, раскрывающие специфику урбанонимов г. Краснодара (М.Ю. Беляева), представляющие модели образования сценических имен (Д.Д. Новикова), исследующие топонимы-блэнды как отражение социокультурных явлений действительности англоязычного неологического дискурса (В.В. Катермина), выявляющие особенности употребления фитонимов в «детских» эргонимах республики Башкортостан (Е.В. Тимофеева), рассматривающие фамилию Карамазов как прецедентный оним в названиях сообществ в социальной сети «ВКонтакте» (О.В. Меренкова, С.А. Скуридина), описывающие ономастическое пространство мультипликационного фильма «Головоломка» (Е.М. Мишинёва).

В разделе «Онимная периферия» представлены новые приметы с антропонимическим компонентом в современных СМИ (Г.А. Заварзина, Р. Буасенг).

Новый раздел «Ономастика в лицах» рассказывает историю творческого пути известного ономатолога Михаила Викторовича Горбаневского (21.5.1953 – 20.9.2025) (В.И. Супрун).

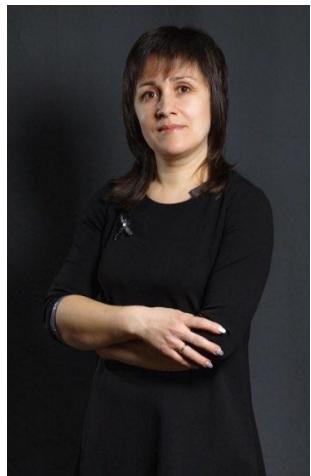
В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (С.А. Попов).

Содержащиеся в выпуске 4(4) научные работы затрагивают проблемы современной ономастики, рассматриваемые на основе анализа разнопланового материала, что обусловлено особым положением имен собственных в языке. Данное издание может быть интересно специалистам-ономатологам, историкам, географам, преподавателям русского языка, литературы и краеведения, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кого интересует имя как знаменательный элемент лингвокультуры.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ**
**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF ONOMASTICS**

УДК 81

С.А. Скуридина
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российской Федерации)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

ФАКТ БИОГРАФИИ АВТОРА КАК ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ИМПУЛЬС

В настоящей работе рассматривается проблема соотнесения биографического факта и творческого процесса и ее преломление в авторском ономастиконе: факты биографии нередко становятся источником имен собственных, порождая новые номинации и закрепляя события жизненного текста автора в художественном тексте. Автобиографизм – это воспроизведение в художественных текстах собственного жизненного опыта писателя, реальных фактов его биографии или биографии знакомых писателю людей, то есть за понятием автобиографизма скрывается проблема взаимосвязи художественной и внехудожественной реальности. Отмечается, что в основе создания любого имени собственного лежит ономастический импульс – внутреннее побуждение, интеллектуальный или эмоциональный толчок к созданию имени собственного, обусловленный любыми фактами авторской биографии – значительными или незначительными. Одним из вариантов проявления ономастического автобиографизма является использование в художественном тексте прономинов или имен прототипов, однако некоторые авторы избегают узнаваемости их персонажей.

Ключевые слова: ономастический импульс, ономастика, автобиографизм, хронотоп, факт биографии, ономастический код.

S.A. Skuridina
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

THE FACT OF THE AUTHOR'S BIOGRAPHY AS AN ONOMASTIC IMPULSE

This paper examines the problem of correlating a biographical fact and the creative process and its refraction in the author's onomasticon: the facts of biography often become a source of proper names, generating new nominations and consolidating the events of the author's life text in the literary text. Autobiography is the reproduction in literary texts of a writer's own life experience, the real facts of his biography or the biography of people familiar to the writer, that is, the concept of autobiography hides the problem of the relationship between artistic and non-artistic reality. It is noted that the creation of any proper name is based on an onomastic impulse – an inner urge, an intellectual or emotional impetus to create a proper name, due to any facts of the author's biography, significant or insignificant. One of the ways in which onomastic autobiography manifests itself is the use of protonyms or prototype names in a literary text, but some authors avoid recognizing their characters.

Key words: onomastic impulse, onomastics, autobiography, chronotope, fact of biography, onomastic code.

Проблема соотнесения и взаимообусловленности жизни и творчества художников слова до сих пор является одной из самых актуальных для исследователей, поскольку жизнь и творчество неразрывно связаны друг с другом, образуя взаимозависимый цикл, который формирует личность творца и одновременно отражается в его произведениях. Однако проникновение жизненных событий в творчество у каждого писателя или поэта определяется

индивидуальными особенностями его художественной лаборатории. Например, И.А. Гончаров о своем творческом процессе писал: «То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, – то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний – и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, – словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало» [И.А. Гончаров-критик 1981 : 193].

Творческий процесс каждого писателя индивидуален. А. Белый в письме 1–3 марта 1927 года отмечает: «Для меня тема этапов писаний не может не слиться с другой темой: этапов жизни; ...я... чрезвычайно удивлялся тому, как мудро устроена жизнь, что в ней есть подгляды в ритм... я – сторонник «семизма» в моей жизни, т.е. схемы семилетий, но иногда бываешь в затруднении, где подлинное...» [Белый Андрей и Иванов-Разумник 1998 : 481].

В.В. Вересаев относительно источника произведений Л. Андреева вспоминает: «Андреев мне говорил, что первый замысел, первый смутный облик нового произведения возникает у него нередко в звуковой форме. Например, им замышлена была пьеса «Революция». Содержание ее было ему еще совершенно неясно. Исходной же точкой служил протяжный и ровный звук: «у-у-у-у-у!..» Этим звуком, все нараставшим из темной дали, и должна была начинаться пьеса» [Вересаев 1948 : 472]. В связи с этим вспоминается ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...».

Как видим, сами художники слова ощущали неразрывное сосуществование жизни и творчества, однако отметим, что реальные события включаются в художественный текст с разными целями: с одной стороны, автобиографические факты в художественном тексте отражают стремление писателя к рефлексии, к переосмыслинию произошедших событий, с другой – являются подтверждением достоверности изображаемого. В художественных текстах автобиографический прием выполняет три основные функции: функцию самовыражения, функцию проблематизации текста и игровую функцию [Медарич 1998 : 54].

Автобиографизм – это воспроизведение в художественных текстах собственного жизненного опыта писателя, реальных фактов его биографии или биографии знакомых писателю людей, то есть за понятием автобиографизм скрывается проблема взаимосвязи художественной и внехудожественной реальности. По верному замечанию И.П. Карпова, «любое художественное изображение трансформативно: жизненный материал преобразуется в связи с особенностями авторского мировосприятия» [Карпов 2011 : 215], в связи с чем, на наш взгляд, творчество любого автора можно рассматривать с позиций автобиографизма. Автобиографические факты являются своего рода элементами конструктора, с помощью которого автор не только строит мир художественного текста, но и исследует собственное «Я», заново переживая реальные эпизоды и выражая собственные чувства. Автобиографизм, расширяя границы человеческой памяти, позволяет развернуть пространство художественного текста до бесконечности.

Как указывает Р. Якобсон, «нельзя, естественно, впадать ни в вульгарный биографизм, рассматривающий литературное произведение как воспроизведение ситуации, из которой оно возникло, и выводящий из текста произведения то или иное событие, ни в вульгарный автобиографизм, догматически отрицающий любую связь между литературным произведением и жизненной ситуацией» [Якобсон 1987 : 146].

И. Голубович, обращаясь к работам П.М. Бицилли о феномене биографии, говорит о «новом биографизме», который «фиксирует переориентацию внимания с «внешней биографии» на биографию внутреннюю», то есть стремление «видеть именно внутреннюю историю духовной жизни, «внутреннюю плоть смысла» «в биографических и автобиографических актах», которые можно назвать «автобиографической памятью» [Голубович 2013 : 66].

Ю.М. Лотман, излагая суть проблем, возникающих при создании биографии, отмечает, что «одна и та же физическая жизнь включает в себя две, три, несколько биографий разной

ценности, достоинства и творческой одухотворенности», но при этом «одно просвечивает сквозь другое, вдохновенье – сквозь глыбы жизненных обстоятельств, свет – сквозь дым» [Лотман 1985 : 236].

По мнению М. Медарич, «автобиографизм – стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он проявляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии» [Медарич 1998 : 5].

Сложность выявления автобиографизма заключается в том, что основой творческого процесса могут выступать не только реальные события, но и явления, относимые к бессознательному, например, сны, которые, выступив в роли творческого импульса наряду с мечтаниями, нереализованными планами и другими событиями внутренней жизни писателя, визуализируются в виде художественного текста. Об этом говорит О.А. Мельничук: «с личным опытом писателя связано не только то, что было действительно пережито, но и то, что он желал и даже воображал, поскольку воображение является частью его самого» [Мельничук 2002 : 78].

В связи с явлением автобиографизма можно говорить об одной из наиболее важных функций – функции рефлексии. Автобиографический текст – это возможность переосмыслиния и переоценки произошедших событий, возможность возвращения в прошлое с целью его воссоздания и пересоздания, что, соответственно, проецирует иное настоящее, а вслед за ним и иное будущее, то есть создается совершенно иной биографический текст: «внешние» факты биографии становятся «внутренними» событиями произведения.

Как следует из вышесказанного, под автобиографизмом принято понимать преобразование писателем реалий личного опыта, как внешнего, так и внутреннего, обусловленного жизненными событиями, в художественно-образную систему литературного произведения. А.А. Холиков представляет биографию в виде трехуровневой системы, выделяя бытовой (исследование биографии безотносительно творческой деятельности), сверхбытовой (изучение жизненных фактов того или иного писателя с точки зрения влияния на творческий процесс) и сущностный («творческая личность неделима и представлена во всех своих текстах независимо от их жанровой принадлежности») уровня [Холиков 2009].

Творческий процесс, по мнению Р. Станкевич, «требует от автора использования опыта собственной жизни, ибо искусство вообще... – обязательно и всегда воспоминание» [Станкевич 1987 : 10]. А.О. Большев разграничивает понятия автобиографический текст и автобиографизм: «Автобиографический текст основан на следовании фактической канве биографии писателя, тогда как автобиографизм предполагает использование ситуаций, достоверных по внутренней мотивировке, но не происходивших в действительности» [Большев 2003 : 3].

В данном случае интересна работа Т.А. Касаткиной относительно вопроса, что считать событием биографии: «истинная биография – это не ряд внешних событий, но ряд внутренних трансформаций, и внешние события могут рассматриваться только или как вехи этих трансформаций, или как их катализаторы. Биография – в соответствии с точным значением слова – это не *сведения о жизни*, а – буквально – *запись в живом*, запись пережитых субъектом изменений – и совсем не важно, послужили причиной этих изменений события, фиксируемые или нефиксруемые независимым наблюдателем» [Касаткина 2016 : 46]. Т.А. Касаткина рассматривает биографию и творчество как «единий жизненный текст, сплетенный из событий самых разных уровней» [Касаткина 2016].

Ярким проявлением ономастического автобиографизма является использование в художественном тексте протонимов или имен прототипов (идентичных или несколько измененных), что представляется, несомненно важным, и, по мнению ряда исследователей, должно быть отмечено при составлении словарей литературной ономастики [Сталтмане 1989 : 95-96]. В творчестве большинства писателей можно найти примеры создания образов, ориентированных на реальное лицо, причем у некоторых персонажей может быть несколько прототипов. Имя героя художественного произведения может дублировать имя прототипа, что

обуславливается разными целями автора – привлечение внимания, иронизация, стремление к достоверности и т.д., но в большинстве случаев для персонажа используется имя, отличное от имени прототипа, в связи с чем можно говорить о двух вариантах авторского намерения: прототип не должен быть узнан / читатель должен актуализировать скрытую информацию о прототипе. В последнем случае автор обращается к приему языковой игры, например, используя синонимичный или созвучный корень в фамилии персонажа, или повторяя фонетический рисунок реально существующего онима, или вводя в текст детали, позволяющие со-поставить художественный образ с образом прототипа, и т.д.

Понятие *жизненный текст*, введенное Т.А. Касаткиной, подразумевает восприятие любого биографического эпизода как знаменательного события, без которого жизненный текст выглядел бы иначе. Данный подход позволяет говорить об ономастическом пространстве произведений разных писателей и поэтов как о явлении, глубоко автобиографичном, но не сводимом только к поиску прототипов, так как любое имя собственное в художественном тексте может быть результатом внутреннего импульса, вызванного глубоким переживанием какого-либо факта. Выделение основных принципов ономастического кода каждого автора немыслимо без знакомства с документальными источниками (дневниками, заметками, черновиками, набросками, перепиской). Воспоминания близких людей и современников, а также тех, кто находился в авторском окружении, являются источником исследования творческих импульсов.

Понятие жизненный путь личности, рассматриваемое в социальной психологии и психологии личности, связано с автобиографической памятью, представленной особым хроно-топом: «Время представлено в воспоминании через изменение пространственных отношений и конкретные действия непосредственных участников» [Сергиева 2010 : 23].

Т.И. Ерохина, анализируя соотношение понятий личность и текст в эпоху символизма, предлагает ввести понятие «текст личности» как культурологическую дефиницию, отличную от таких понятий, как «духовный мир», «внутренний мир», «творческий мир». По мнению исследователя, «текст личности» ориентирован на потенциального внешнего реципиента, то есть явно прописан, а духовный мир, наоборот, скрыт от восприятия [Ерохина 2009]. Еще одно понятие, важное для понимания творчества автора, – «контекст личности»: окружение, позитивные и негативные отклики читательской аудитории, любопытствующие обыватели, противники [Ерохина : 2009].

В работах самих художников слова звучит мысль о единстве жизненного и творческого пути талантливого человека. В.Ф. Одоевский в рассказе «Себастьян Бах» рассматривает произведение как источник подлинной биографии человека искусства: «Материалы для жизни художника одни: его произведения. Будь он музыкант, стихотворец, живописец – в них найдете его дух, его характер, его физиономию, в них найдете даже те происшествия, которые ускользнули от метрического пера историков. Трудно выпытать творца из творения <...> одни произведения говорят о художнике. Не ищите в его жизни происшествий простолюдина, – их не было; нет минут непоэтических в жизни поэта; все явления бытия освещены для него незаходимым солнцем души его» [Одоевский : URL].

Подобное восприятие жизни и творчества характерно для А. Ремизова: «Писатель и человек. Так повелось судить человека, ремесло которого – слово. О художниках, музыкантах тоже говорят – судят. О Диккенсе говорят, что это был суровый человек, то же и про Андерсена, а чего только не говорят о Достоевском, о Некрасове. Правильно ли такое деление: человек и писатель? Писатель в своих произведениях дает все заветное, человеческое» [цит. по: Кодрянская 1959 : 111].

Ф.М. Достоевский в «Петербургской летописи» отмечает, «что жить значит сделать художественное произведение из самого себя» [Достоевский 1972–1988 : 18 : 13]. По мнению писателя, «творчество, основание всякого искусства живет в человеке как проявление части его организма, но живет нераздельно с человеком. А следственно, творчество и не может

иметь других стремлений, кроме тех, к которым стремится весь человек» [Достоевский 1972–1988 : 18 : 101].

В связи с этим показательно наблюдение Н.Ю. Тяпугиной, констатирующей необходимость особого чтения текстов Ф.М. Достоевского, в которых, начиная с раннего периода творчества, «происходит такое сближение художника со своими творением, что в результате оно становится фактом не только литературы, но и важнейшей материальной вехой, ощущимым этапом личной жизни писателя» [Тяпугина 2014 : 19]. К подобному выводу исследователь приходит, основываясь на сопоставлении фактов биографии Ф.М. Достоевского с текстом его раннего рассказа «Господин Прохарчин», мистериальность жизни которого закреплена опорными словами-образами – угол, ширма, сундук, тюфяк [Тяпугина 2014 : 20].

По мнению Н.С. Трубецкого существуют Достоевский-человек, Достоевский-мыслитель и Достоевский-писатель, между которыми имеется, «известная связь», «так что, с какой бы из указанных точек зрения ни исследовать его литературное наследие, обе другие непременно должны быть приняты во внимание» [Трубецкой 1995 : 617]. Тем не менее, при использовании биографических фактов исследователь творчества должен уметь делить их на важные и второстепенные, выявлять достоверные и те, достоверность которых невозможно проверить. К тому же, необходимо учитывать, что «подробности и элементы, которые писатель черпает из своей жизни, из своих воспоминаний, имеют в его произведениях совершенно иную функцию, чем в его жизни», поэтому «существенны не сами эти элементы, а их функция в произведении», при этом «происхождение их для литературоведа совершенно неважно» [Трубецкой 1995 : 622].

Важным аспектом в рассмотрении феномена автобиографизма является исследование ономастических единиц, которые представляются нам ключевыми элементами автобиографических событий, кодирующими информацию в силу своей хронотопичности: имя собственное позволяет соотнести время и место произошедшего в жизни каждого индивидуума.

М.Ю. Лотман ввел понятие *мир собственных имен* для обозначения мира любого человека (в том числе и автора), представленного определенными номинациями. Размышляя над работами М.Ю. Лотмана, И.В. Голубович указывает, что «литературное произведение, которое сознательно строится как автобиографическое, намеренно имитирует свою принадлежность миру «собственных имен» [Голубович 2007 : 140]. На наш взгляд, можно рассмотреть понятие *мир собственных имен* более узко, и тогда утверждение М.Ю. Лотмана о том, что существует прямая зависимость между глубиной извлекаемого из текста смысла и «удаленностью» (временной, тезаурусной и т.д.) читателя от мира автора, становится применимо к разноуровневым ономастическим единицам, входящим в художественный текст (в первую очередь, к онимам, участвующим в формировании историко-культурного фона).

Жизненный опыт проявляется как организующее начало на разных уровнях художественного текста, в том числе, на ономастическом. Автобиографическое начало, как указывает Г.Ф.Ковалев, является одной из отличительных черт многих русских и зарубежных писателей [Ковалев 2018]. Различные жизненные импульсы: воспоминания о каких-то, казалось бы, незначительных фактах, детские мечты и желания, увиденное однажды во сне, случайные знакомства и важные встречи, семейные традиции – все это визуализируется, переосмысляется, преобразуется в творческом процессе, оформляясь в художественный текст, ономастическая система которого нередко является своего рода связующим звеном между реальными событиями и авторским вымыслом. Использование автобиографичных ономастических единиц, предполагающих возможность возвращения автора к прошлым переживаниям, способствует созданию более емких художественных образов, раскрытие которых происходит через погружение читателя в мир важных для писателя жизненных фактов [Скуридина 2022].

Имя собственное запускает механизмы разных видов памяти и способствует вербализации воспоминаний в тексте: образной (оним может выступать обозначением разных образов), ассоциативной (например, топоним может активировать в памяти имя человека, с кото-

рым он связан), логически-смысловой (выстраивание умозаключений вокруг какого-либо имени), эмоциональной (имя собственное – его фонетический облик, этимология, выстраиваемый на его основе ассоциативный ряд – может вызывать определенные эмоции) и даже двигательной (например, движения какого-либо танца могут быть закодированы в памяти президентным именем композитора). «Человек вспоминающий представляет свой субъективный мир, запечатлевший сумму фактов, событий и впечатлений, претворяя его в текст», – отмечает Л.Н. Нюбина [Нюбина 2010 : 114].

Н.В. Васильева отмечает, что «одной из возможностей проследить личную ономастическую историю человека, охватывающую разные периоды и миры его жизни, является довольно редкий жанр ономастической автобиографии». Данный термин был введен в научный обиход филологом Биллом Николайсеном, который представил в этом жанре собственную линию жизни как путь, состоящий из множества ономастических станций» [Васильева 2024 : 28-36.].

Таким образом, имя собственное может выступать средством введения в художественный текст мнемонического дискурса, а для обозначения особого вида мотивации выбора имени собственного (антропонима, топонима и др.) в культурном пространстве, полагаем, удобно использовать термин *ономастический импульс*.

Размышления об автобиографизме литературной ономастики будут нерепрезентативными, если не затронуть проблему имени автора и его текст, к которой одним из первых обратился В.В. Мароши: «Поэтическая ономастика имен героев и персонажей может быть дополнена «ономапоэтикой» автора, которая обуславливается степенью рефлексии над произведением и словом, стремлением к метатекстовой игре с читателем» [Мароши 2013: 19]. Имя автора предопределяет восприятие текста читателем, а семантическая наполненность имени автора задается его текстами, поэтому размышления об имени художников слова, в том числе и Ф.М. Достоевского, не являются редкостью.

Как видим, факты биографии нередко становятся источником имен собственных, порождая новые номинации и закрепляя события жизненного текста автора в художественном тексте. Ономастический импульс – это внутреннее побуждение, интеллектуальный или эмоциональный толчок к созданию имени собственного, обусловленный любыми фактами авторской биографии – значительными или незначительными.

Библиографический список

1. Белый Андрей и Иванов-Разумник. Переписка. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
2. Большев А.О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века: автореф... д-ра филол. наук: 10.01.01. СПб, 2003.
3. Васильева Н.В. Человек в разных мирах и пространствах: ономастическая автобиография как антропограмма // Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой. Москва, 2024. С. 28-36.
4. Вересаев В.В. Сочинения в 4-х тт.. М.: Гослитиздат, 1948. Т. 4. 515 с.
5. Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании). Одесса: СПД Фридман, 2007. 372 с.
6. Голубович И.П. М.Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение: сборник докладов. М, 2013. С. 66.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
8. Ерохина Т.И. Личность и текст в культуре русского символизма: автореферат дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Ярославль, 2009. 50 с.

9. И.А. Гончаров-критик / Вступит. статья и comment. Е.А. Краснощековой. М.: Советская Россия, 1981. 236 с.
10. Карпов И.П. Авторология русской литературы: И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов: монография. Москва: Флинта, 2011. 464 с.
11. Касаткина Т.А. Что считать событием биографии? // Вопросы литературы. 2016. №2. С. 44-78.
12. Ковалев Г.Ф. К пониманию автобиографизма в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. №4. С. 10-18.
13. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. 328 с.
14. Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. №2. С.228-236.
15. Мароши В.В. Имя автора в русской литературе: поэтическая семантика, прагматика, этимология: монография: в 3 ч. Часть 1. Семантика и прагматика имени автора в литературе и тексте. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 201 с.
16. Медарич М. Автобиография/автобиографизм/автоинтерпретация. СПб., 1998. С. 54.
17. Мельничук О.А. Повествование от первого лица: интерпретация текста. М., 2002. С. 78.
18. Нюбина Л.Н. Человек вспоминающий // Человек. 2010. №2. С. 107-114.
19. Одоевский, В.Ф. Себастьян Бах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/proza/russkie-nochi/sebastiyan-bah.htm> (дата обращения – 29.08.2025).
20. Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2010. 43 с.
21. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 341 с.
22. Стальмане В.Э. Ономастическая лексикография. М.: Наука, 1989. 115 с.
23. Станкевич Р. Автобиографизм особого рода // Болгарская русистика. 1987. № 6. С. 10.
24. Трубецкой Н.С. О методах изучения Достоевского // История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 617-628.
25. Тяпугина Н.Ю. Поэтика Ф. М. Достоевского: опыт интерпретации. М., 2014. 224 с.
26. Холиков А.А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема: на материале жизни и творчества Д.С.Мережковского с 1865 по 1919 год: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 2009. С. 10.
27. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного технического
университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

A.C. Щербак

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
(Тамбов, Российская Федерация)
e-mail: ant_scherbak@mail.ru*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ФАМИЛИИ ЗАМЯТИН

Рассматривается происхождение фамилии *Замятин*, распространенной на территории Тамбовского края, устанавливается её мотивирующая лексема. Доказывается, что ученые анализировали происхождение фамилии *Замятин* не в аспекте словообразовательного состава фамилии, а в контексте нехристианского личного прозвищного имени *Замятня*. Словообразовательный анализ фамилий *Замятин* и *Замятнин*, которые традиционно ставятся в один ряд, показал, что они имеют разные мотивированные лексемы.

Ключевые слова: этимология, фамильный антропоним, *Замятин*, Тамбовская область.

A.S. Shcherbak

*Tambov State University named after G.R. Derzhavina
(Tambov, Russian Federation)
e-mail: ant_scherbak@mail.ru*

ETYMOLOGICAL ORIGINS OF THE SURNAME ZAMYATIN

The origin of the surname *Zamyatin*, common in the Tambov Territory, is considered, and its motivating lexeme is established. It is proven that scientists analyzed the origin of the surname *Zamyatin* not in terms of the word-formation of the surname, but in the context of the non-Christian personal nickname *Zamyatnya*. A word-formation analysis of the surnames *Zamyatin* and *Zamyatnin*, which are traditionally placed on the same page, showed that they have different motivated lexemes.

Keywords: etymology, family anthroponym, *Zamyatin*, Tambov region.

Евгений Иванович *Замятин*, автор первого в мировой литературе романа -антиутопии «МЫ», тесно связан Тамбовским краем. Писатель родился в городе Лебедянь, который в то время входил в состав Тамбовской губернии (ныне Липецкая область). В 2009 г. в этом городе в доме его деда, священника Александра Платонова, создан Дом-музей Е.И. *Замятин*а. Издано первое в мире справочное издание, посвященное жизни и творчеству писателя Е.И. *Замятин*а [«Замятинская энциклопедия» 2019].

К этимологии фамилии *Замятин* неоднократно обращались лингвисты, что нашло отражение в лексикографических источниках [Ганжина 2001], [Дмитриева 1999], [Никонов 1993], [Тупиков 2004], [Унбегаун 1989]. Однако некоторые обстоятельства позволяют вновь обратиться к осмыслению её этимологии.

Ученые рассматривали происхождение фамилии *Замятин*, во-первых, в контексте прозвищных и отыменных фамилий, во-вторых, при сопоставлении первоначального или базового имени, которое легло в основу фамилии, игнорировали словообразовательный состав фамилии.

Б.О. Унбегаун при рассмотрении фамилий, образованных от охранительных имен, в один ряд помещает фамилии *Замятин* и *Замятнин*. Отмечается, что «детям давали имена со значением прямо противоположным тому, что ожидали или желали родители для детей». В качестве доказательства такого суждения приведённые две фамилии вряд ли убедительны, поскольку мотивирующие имена не указываются [Унбегаун 1989: 165]. Осталось неясным,

почему эта фамилия относится к охранительным именам.

В.А. Никонов объясняет происхождение фамилии *Замятнин* (заметим, не *Замятин*) от диалектного слова «зАмять» в значении «метель» и отмечает, что «вариант *Замятин* стал самостоятельной фамилией» [Никонов 1993: 44]. Иными словами, ученый считает, что в основе фамилии *Замятнин* лежит диалектное слово «замять».

В словаре тамбовских фамилий указано: «*Замятин* – прозвищная фамилия. Восходит к нехристианскому личному прозвищному имени *Замятня*, которое давали либо крикливому ребенку, либо в качестве имени-оберега [Дмитриева 1999: 52].

Аналогичное мнение, со ссылкой на словарь Н.М. Тупикова, отражено словаре русских фамилий И.М. Ганжиной [Ганжина 2001: 211].

В электронных справочниках указывается, что фамилии *Замятин* «является вариантом фамилии *Замятнин*, которая произошла от нецерковного мужского личного имени *Замятня*. *Замять* означает «метель», поэтому имя могли давать мальчику, рожденному зимой в такую погоду». Приводится ссылка на Словарь В.И. Даля, «замятня – метель, выюга» [URL: <https://familio.org/surnames/4a956073-ebc8-4fc0-9790-e9f67866b5a8>].

Однако авторы тамбовского словаря фамилий и другие ученые не учитывали тот факт, что имя *Замятня* может лежать только в основе фамилии *Замятнин*, а в основу фамилии *Замятин* могло лечь только прозвищное имя *Замята*. Между тем такое имя ни в одном из ономастических словаре не зафиксировано. Из этого следует, что возводить фамилии *Замятин* и *Замятнин* к одному имени *Замятня* нет никаких оснований.

Обращает на себя внимание «Энциклопедии русских фамилий» Т.Ф. Вединой, в которой указано следующее «Первое упоминание о фамилии *Замятня* относится к началу XV в. С помощью суффиксов впоследствии она приобрела формы *Замятин*, *Замяткин*, *Замятнин*, *Замятов*, *Замятовский*» [Энциклопедии русских фамилий: URL].

Прозвищное имя *Замятня*, по Тупикову, было отмечено на территории юго-восточнее Москвы. Ср.: *Замятня Кондауров* рязанский помещик 1651 г. [Тупиков 2004: 156-157].

В воронежских и орловских говорах зафиксирован диалектный метеорологический термин **ЗАМЯТЬ** в значении: «Метель, пурга, снежная буря. По снегу носилась легкая сероватая пыль: можно было ожидать замяты. Орл., 1863. Ворон [СРНГ 2002: 272].

Как известно, Лебедянь исторически была связана с районами вокруг рек Дон и Воронеж. По историческим причинам город Лебедянь, где жили предки *Замятин*, переходил из одной губернии в другую. Из этого следует, что распространенное некогда диалектное слово **ЗАМЯТЬ** послужило основой появления фамилии **ЗАМЯТИН**. Это диалектное слово имеет свою территорию распространения.

Региональные фамилии часто формировались от диалектных слов, характерных для тех или иных регионов, что дает возможность проследить географическое происхождение фамилий и их носителей.

Диалектная лексема «замять» отражает поэтический язык Сергея Есенина, уроженца Рязанской губернии и связано с областями, где употребляется это слово в диалектной речи, т.е. совпадает с регионами исторического проживания предков Е.И. *Замятин*.

«Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка».

«Снежная замять дробится и колется...
Сверху озябшая светит луна»

Таким образом, выясняя этимологические истоки фамилии *Замятин*, следует обратить внимание на словообразовательный анализ потенциально мотивирующих основ фамильных антропонимов. Ошибочным суждением является утверждение, что фамилия *Замятин* является упрощенным вариантом фамилии *Замятнин*, образованной от полного некалендарного русского имени *Замятня*.

На карте России отмечены многочисленные названия населённых пунктов *Замятино* и *Замятины*, которые, по всей видимости, образованы от фамилии Замятин, ср.: деревни Замятин (Архангельская, Ивановская, Московская, Кировская, Тверская, Тульская, Нижегородская обл. Красноярский край Горномарийский районе Марий Эл.), сёла *Замятино* (Липецкая, Московская, Нижегородская), деревня *Замятины* (Кировская обл.). На территории Центрального Черноземья село под названием Замятин отмечено только в Липецкой области [Щербак 2013].

В «Платежных книгах Елецкого уезда Засосенского стана 1615 года» (ныне Липецкая область) записано: «село Егорьевское, Замятнина поляна тож».

В «Списке населенных мест Российской империи по сведениям 1859-1873» записано: «деревня Замятин при р. Дон и располагалась по правую сторону Воронежско-Задонского шоссе и входило в состав волости 2-го стана Задонского уезда Воронежской губернии».

В настоящее время среди названий населённых пунктов наиболее распространённой формой является Замятин, связанное с фамилией и прозвищем, название Замятнино практически не встречается.

Итак, возводить фамилии Замятин и Замятнина к одному этимологическому гнезду ошибочно.

Библиографический список

1. «Замятинская энциклопедия» в международной дискуссии. Неофилиология. 2019. Т. 5(18). С. 221-260.
2. Ведина Т.Ф. Энциклопедия русских фамилий: тайны происхождения и значения. Москва: АСТ: Астрель, 2008.
3. Ведина Т.Ф. Словарь фамилий. М: АСТ, 1999.
4. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001. 671 с..
5. Дмитриева Л.И., Голузо Л.В., Голузо И.Г., Щербак А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, Ч. 2. 1999. 164 с.
6. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-пресс, 1993. 224 с.
7. СРНГ вып. 10 «Заглазки – Заросить» (Словарь русских народных говоров). СПб: Наука, 2002. 392 с.
8. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Русский путь, 2004.
9. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
10. Щербак А.С., Бурыкин А.А. Названия населенных пунктов Центрального Черноземья. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державин, 2013. 356 с.
11. Энциклопедия русских фамилий. [Электронный ресурс]: URL: //https://royallib.com/read/vedina_tamara/entsiklopediya_russkih_familiy_tayni_proishodeniya_i_znacheniya.html#348160

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Щербак Антонина Семеновна,
доктор филологических наук, профессор;
профессор кафедры русского языка,
русской и зарубежной литературы
Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина
SPIN-код: 3884-9777
e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Shcherbak Antonina Semyonovna,
Doctor of Philology, Professor;
professor of the Department of Russian
Language, russian and foreign literature
Tambov State University named after
G.R. Derzhavina
SPIN-код: 3884-9777
e-mail: ant_scherbak@mail.ru

*География распространения фамилии Замятин

Источник: <https://familio.org/surnames/4a956073-e6e8-4fc0-9790-e9f67866b5a8>

И.А. Королева

Смоленский государственный университет

(Смоленск, Российская Федерация)

e-mail: innakor@mail.ru

ФАМИЛИИ И РОДОСЛОВНЫЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос о связи антропонимических исследований и генеалогических разысканий. Материалом является описание смоленских дворянских родов. Показывается, как историко-лингвистический анализ фамилии помогает изучать родословные дворян, углубляет понимание роли дворянства в истории региона и России.

Ключевые слова: антропонимика, генеалогия, дворянство, фамилия, родословная.

I.A. Koroleva

Smolensk State University

(Smolensk, Russian Federation)

e-mail: innakor@mail.ru

SURNAMES AND GENEALOGIES: STUDY PROSPECTS

This article examines the relationship between anthroponymic research and genealogical research. The material is a description of Smolensk noble families. It demonstrates how historical and linguistic analysis of surnames helps study noble genealogies and deepens understanding of the role of the nobility in the history of the region and Russia

Key words: anthroponomy, genealogy, nobility, surname, family tree.

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя фактограмами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014: 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975: 234].

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на одну специфическую особенность смоленского региона, которая сегодня привлекает самое пристальное внимание исследователей самого разного профиля: историков, культурологов, социологов, работников социально-культурной сферы и сферы туризма и многих других специалистов. Это история смоленской шляхты, шляхетских дворянских родов, определение и рассмотрение их роли в истории края и Отечества, в создании и сохранении культурных ценностей региона. В частности, материалы о родословных смоленских дворянских родов могут быть интересны и вос требованы при составлении и проведении экскурсий по старым дворянским усадьбам (Новоспасское, Хмелита, Талашкино и др.). Переоценивается роль личности в истории, а смоленские дворяне, многие исконные шляхтичи по происхождению, прославили Смоленщину в веках. Вспомним имена образованнейшего шляхтича Стефана Каховского, автора знаменитого «Мемориала» (1746г.) и книги «Сынъ блудный» (1766г.); Михаила Евграфовича Храповицкого, участника швейцарского похода Суворова; Александра Николаевича Энгельгардта, ученого, писателя, общественного деятеля, военного; известного педагога Сергея Александровича Рачинского; прославленного русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского и многих других... Названные почти легендарные люди – представи-

тели известных смоленских дворянских родов, среди которых немало и других выдающихся деятелей в самых разнообразных сферах жизни общества. Так, в роду Энгельгардтов известны дети А.Н. Энгельгардта, Михаил Александрович, писатель и переводчик, и Николай Александрович, писатель, литературный критик, ученый-библиофил; племянник Александра Николаевича, Вадим Платонович, активный общественный деятель; жена Александра Николаевича, Анна Николаевна, писательница, переводчица, одна из первых начинателей женского движения в России, и т.д. Род Энгельгардтов дал России целую плеяду имен. Сам род – один из древнейших. Его истоки относятся к XIY веку, а родоначальник смоленской ветви – Вернер Энгельгардт – в 1611 г. в составе московского посольства был направлен в Смоленск к королю Сигизмунду III, где он вступил в польскую службу. В 1633-1640 гг. был пожалован от польских королей поместьями близ Смоленска. В черновом варианте VI части дворянской родословной книги, составленной в 1858г. и ныне хранящейся в Государственном архиве Смоленской области, смолян Энгельгардтов указано 110 человек [Резун 1993: 287-288].

Многие дворянские роды теснейшим образом связаны со своими родовыми усадьбами, которые являются историческими памятниками. Например, усадьба княгини Марии Клавдиевны Тенишевой известна во всем мире – знаменитое Талашкино входит во многие экскурсионные маршруты. И, конечно же, знать о роде Тенишевых и умело подать сведения о родословной князей – значит, украсить маршрут, воздействовать на сознание экскурсантов, усилить их восприятие фактического материала экскурсии.

ТЕНИШЕВЫ. Княжеский род Т. происходит от татарского мурзы Тениша Кугушева, пожалованного поместьями в Мещере в 1528 году. Его потомки в XVI-XVII веках служили стольниками. В XVIII-XIX веках несколько представителей рода сделали административную карьеру: князь Василий Борисович (1709-?) назначался губернатором Казани; князь Дмитрий Васильевич (1769-?) служил астраханским Главой. Самыми знаменитыми представителями Т. являются: Вячеслав Николаевич Т. (1844-1903) - предприниматель, организатор реального училища в Санкт-Петербурге, этнограф, владелец имения Талашкино в Смоленской уезде, похоронен во Фленинской церкви Святого Духа; его жена Мария Клавдиевна Т. (1864-1928), художник, коллекционер, меценат, превратившая имение Талашкино в художественный центр (в Талашкино работали Малютин, Врубель и другие художники), в 1911 году Мария Клавдиевна передала Смоленску свой личный музей-коллекцию "Русская старина". Сейчас в здании находится художественная галерея. Мария Клавдиевна избрана почетной гражданкой города Смоленска, в 1990 году ее именем названа улица. Род Т. не был включен в дворянские родословные книги Смоленской губернии, так как они приобрели Талашкино только в 1893 году. Но Т. оставили огромный след в культуре Смоленского края.

Фамилия Т. тюркского происхождения. Как считает Н.А. Баскаков [Баскаков 1979], родоначальник Т. был выходцем из Золотой Орды, первые земли получил в Мещерском крае. Фамилия образована либо от тюрк. *tiniš* 1) "смирный, тихий", 2) "прямой, хорошо сложенный", либо от тюрк. *teneš* "ровесник". Менее вероятно диалектное происхождение фамилии. У Даля находим глагол *теншить* "клянчить" с пометой "ниж." [Баскаков 1979: IV: 398].

В полных и серьезных исследованиях по родословным немалое место должно отводиться изучению фамилий. Как пишет С.И. Выродов, «в комплексе приемов генеалогического исследования присутствует изучение этимологии фамилий – их происхождения. Ответ на вопрос о происхождении фамилии может стать первым, хотя и туманным указанием на возможное происхождение рода» [Выродов 1997: 158]. Интересны наблюдения Н.В. Лопатина по вопросу изучения фамилии. Он считает, что необходимо обобщающее исследование – историко-лингвистическое, которое в целом будет успешной попыткой объяснить значение и установить происхождение фамилии. Причем лингвистический аспект должен быть четко обозначен: написание фамилии, произношение фамилии, реконструкция производящего существительного, поиски возможного первого носителя [Кобрин 1977: 160].

Родословные и фамилии, таким образом, объединяются в комплексное единое исследование. Одним из первых выдвинул это перспективное направление в изыскательской работе В.Б.Кобрин в своей статье «Генеалогия и антропонимика» [Кобрин: 1977], в которой он обратил внимание на важность и взаимосвязанность генеалогических и антропонимических исследований.

В последние годы это направление активизируется. Так, вышла книга Д.Я. Резуна «Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных» [Резун 1993]. Автор постоянно подчеркивает связь генеалогии и фамилии, связь генеалогии с биографией носителя той или иной фамилии и т.п. В целом в фамилии, в ее историческом бытении отчетливо проявляется связь человека как индивидуума с историей общества [Резун 1993: 245].

Кстати, материал названной книги небезынтересен для смолян. Сибирь, как известно, - места вторичного заселения, и формировался состав населения Сибирского края в результате сильнейших миграционных процессов. Как отмечает Д.Я. Резун, в Сибири осело много поляков, которые оказались там в результате не только ссылки после польского восстания 1830-31 гг., но и гораздо ранее, когда Алексей Михайлович расселял смоленскую шляхту. Так в Сибири появились смоленские Тухачевские [Резун 1993: 82, 189 и др.].

Ценный материал по фамилиям и родословным можно найти в старых дореволюционных изданиях.

Очень хорошо описаны понятия РОДОСЛОВИЕ и РОДОСЛОВНЫЕ КНИГИ в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана [Энциклопедический словарь 1899].

Родословцы или **родословники** относятся к первой половине XVI века и носят частный характер (например, «Государев Родословец» Ивана Грозного 1555-1556 гг.). Позднее они называются «РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ» и РОДОСЛОВНАЯ КНИГА» – это списки одной фамилии (рода) или нескольких по порядку нисходящих колен. Самой известной считается «Бархатная книга» - родословная книга знатных и дворянских фамилий, составленная в 1687 году.

Учрежденная была РОДОСЛОВНЫХ ДЕЛ ПАЛАТА (1682-1700 гг.) при Разряде для официального составления общей родословной русских служилых родов на основании старых родословцев и родословных росписей. Составленная БАРХАТНАЯ книга тем не менее содержала в себе только родословные наиболее знатных родов, хотя было подано 750 родословных служилых дворян, доказывавших свое происхождение. Все делопроизводство по составлению родословных, хранящееся в архиве Разряда, в 1812 году сгорело. Оставшиеся материалы были переданы в архив Министерства юстиции в 1863 году – это 163 родословных столбца.

Бархатную книгу российского дворянства издал Н.И. Новиков в 1785 г. к дате принятия Екатериной Второй Жалованной грамоты российскому дворянству. Эта книга постоянно пополнялась. Источники: родословцы и родословные росписи, разрядные книги, боярские книги, послужные дворянские списки по годам (1668-1713 гг.), родословные книги Дворянских депутатских собраний.

С.В. Любимов в своем капитальном труде «Титулованные роды Российской Империи» постоянно указывает прозвищные имена, от которых возникали фамилии русских дворян. Так, смоленские ХИЛКОВЫ ведут свой род от князя Ивана Федоровича Ряполовского по прозвищу Хилок (данного по состоянию здоровья), ПУТЯТИНЫ – от князя Ивана Семеновича Друцкого по прозвищу Путята и пр. [Любимов 1910: 1: 22, 26].

При работе с родословными с учетом образцов дворянских родословных следует иметь представление о законодательной стороне. Для этого можно воспользоваться материалами юридического характера [Законодательство Российской империи 1996].

Смоленские дворянские роды в историко-культурном ареале стали предметом описания и лексикографирования. Еще в 2006 году вышел «Словарь фамилий Смоленского края» И.А. Королевой [Королева 2006], в котором смоленские дворянские фамилии рассмотрены в

историческом и лингвокультурологическом аспектах. Возможно, такое исследование будет небезынтересно носителям дворянских фамилий, многие из которых ономастический аспект своей фамилии просто не знают. Вместе с тем именно в фамилии, ее историческом бытovanии очень отчетливо проявляется связь человека как индивидуума с историей Отечества. Изучение фамильных связей в свою очередь имеет большое культурно-историческое значение, помогает объяснить многие вопросы культурной и политической истории России. Знание своей родословной не только в генеалогическом, но и лингвокультурологическом плане дает возможность носителю фамилии по-новому взглянуть на свои корни, на преемственность в генетическом развитии нации, лучшими представителями которой по праву считаются российские - в частности, смоленские - дворяне.

Помимо данных об этимологии фамилии, в комплексных словарных статьях в Словаре даются главные историко-культурологические сведения о смоленских дворянских родах и их важнейших представителях. Таким образом, делается первая попытка соединить генеалогический и антропонимический аспекты исследования истории смоленских дворянских родов. Для некоторых фамилий этимология ясна и достаточно прозрачна; возникновение других - до сих пор загадочно и лишь "приближенно" объяснимо. В заголовочных статьях дана форма множественного числа, что подчеркивает именно родовые корни именования.

Конечно же, все смоленские дворянские фамилии описать в одном словаре невозможно - это лишь первое исследование, которое имеет продолжение. В 2018 году вышла монография И.А. Королевой [Королева 2018]. Книга состоит из пяти разделов. В первом рассматривается появление института дворянства в России. Во втором представлен терминологический аппарат исследования. Третий раздел посвящен описанию исторических корней смоленского дворянства. В четвертом разделе представлен материал о фамильной системе дворянства. Выбраны фамилии смоленских дворянских родов, широко засвидетельствованных в историко-культурном ареале Смоленского края. Пятый раздел содержит материал исторического и культурологического характера о роли отдельных смоленских дворянских родов и их представителей в жизни Российского государства и Смоленского края.

Итак, всестороннее изучение фамилии в рамках работы по родословным, безусловно, способствует более глубокому и содержательному знакомству с жизнью семьи и рода, ибо фамилия – по образному выражению известного российского исследователя фамилий В.А. Никонова - «флаг семьи», то, под чем объединяются члены семьи, и то, чем семьи отличаются друг от друга. Каждая фамилия имеет свою историю – это целый мир, заключенный в одном слове, содержащем лингвистическую, историческую, культурологическую, этнографическую, психологическую и социальную информацию.

Библиографический список

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
2. Выродов С.И. Версии происхождения фамилии Потанин // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 4-5 (48-49). М., 1997. С.158-159.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I-IV.
4. Законодательство Российской Империи о дворянстве и современное российское дворянство. СПб, 1996
5. Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика // история и антропонимия С.Б. Веселовского и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, 1977. С. 80 – 115.
6. Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск: СГПУ, 2006. 366 с.
7. Королева И.А. Смоленское дворянство в историко-культурологическом и лингвистическом освещении. Смоленск: СмолГУ, 2018.
8. Лопатин Н.В. О происхождении фамилии «Чебышев» // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 4-5 (48-49). М., 1997. С. 160-164.

9. Любимов С.В. Титулованные роды Российской Империи. СПб., 1910. Т.1 – 2..
10. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
11. Смоленская область. Энциклопедия. Персоналии. Смоленск, 2001.
12. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона. Спб, 1899. Т. XXV1 а (52).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Королева Инна Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка Смоленского
государственного университета,
SPIN-код: 6213-0633
e-mail: innakor@mail.ru

Koroleva Inna Alexandrovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language,
Smolensk State University,
SPIN-code: 6213-0633
e-mail: innakor@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ **REGIONAL ONOMASTIC STUDIES**

УДК 81

C.A. Кошарная

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)
e-mail: kosharnaja@bsuedu.ru

Ю.В. Сайненко

МАОУ «Центр образования № 1
имени Героя Российской Федерации А.Г. Копейкина»
(Белгород, Россия)
e-mail: iuliasainenko@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОЙКОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В настоящей работе рассматривается лингвокультурная специфика ойконимической системы Белгородской области. Изучение ономастических единиц отдельно взятого региона, в особенности – пограничного, продолжает оставаться одной из важнейших задач современного языкоznания, ориентированного на решение лингвокультурологических, лингвокраеведческих, историко-языковых, этнолингвистических проблем. Стало уже общим местом признание факта отражения в топонимике истории страны, межкультурных контактов и духовных традиций народа. Тем не менее, в этой области ещё немало «белых» пятен, заполнение которых полученными данными позволяет надёжно реконструировать более ранние и не всегда зафиксированные в историографии этносостояния, рубежные взаимодействия народов, географические, ландшафтные и др. «приметы» местности. В силу этого всякий ойконим есть объективное свидетельство истории. Именно в таком – интегративном – осмыслении в данной работе представлены ойконимы Белгородской области, репрезентирующие генетически неоднородную языковую, в том числе диалектную палитру региона. Синхронно-диахроническое исследование ойконимической лексики, предпринятое авторами работы, позволяет проследить законы развития языковой системы, включая словообразование; объективирует внутреннюю форму номинаций, реконструируя их этимологическую историю и обнаруживая связь с другими языками и – как следствие – этнокультурами. Помимо прочего, анализируемые номинации отражают языковую архаику, актуализируя лексику, уже исчезнувшую из общенародного словаря.

Ключевые слова: ойконим, Белгородская область, лингвокультурология, этимология, внутренняя форма этимона, диахрония.

S.A. Kosharnaya

Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)
e-mail: kosharnaja@bsuedu.ru

Yu.V. Sainenko

MAEI «Education Center № 1
named after Hero of the Russian Federation A.G. Kopeikin»
(Belgorod, Russia)
e-mail: iuliasainenko@yandex.ru

REGIONAL OIKONYMIC SPACE IN LINGUISTIC AND CULTURAL UNDERSTANDING

This article examines the linguistic and cultural specifics of the oikonymic system of the Belgorod region. The study of onomastic units of a particular region, especially the border region, continues to be one of the most important tasks of modern linguistics, focused on solving linguistic, cultural, local history, historical, linguistic and ethnolinguistic problems. It has become generally accepted to recognize the fact that toponymy reflects the history of the country, intercultural contacts and spiritual traditions of the people. Nevertheless, there are still many «white» spots in this area, the filling of which with the data obtained makes it possible to reliably reconstruct ethnic conditions, intercultural interactions of peoples, geographical, landscape, etc. «signs» of the area that were not always recorded in historiography. Due to this, each oikonym is an objective evidence of history. It is in this integrative understanding that the oikonyms of the Belgorod region are presented in this work, representing a genetically heterogeneous linguistic, including dialectal, palette of the region. The synchronous-diachronic study of oikonymic vocabulary undertaken by the authors of the work makes it possible to trace the patterns of development of the language system, including the features of word formation; objectifies the internal form of nominations, reconstructing their etymological history and revealing their connection with other languages and, as a result, ethnocultures. Among other things, the analyzed nominations reflect linguistic archaism, updating vocabulary that has already disappeared from the national dictionary.

Keywords: oikonym, Belgorod region, linguoculturology, etymology, internal form of the etymon, diachrony.

Ойкономическая лексика выполняет не только номинативную, но и кумулятивную функцию, и лингвокультурологический подход к региональному материалу априори призван подтвердить, что ойкономия является культуроносным лексическим пластом. Являясь номинативным знаком, ойконим в то же время обладает внешней (план выражения) и внутренней (план содержания) сторонами, в которых отражаются результаты познания человека. Лингвокультурное содержание ойконома составляет сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических сведений. Так, Н.И. Толстой утверждал, что собственные имена географических объектов имеют полярные планы содержания: содержательный – сумма знаний о свойствах этого объекта – и семантический – о семантике имени собственного можно говорить в той мере, в какой топоним связан с именем нарицательным [Толстой 1997 : 201].

Исходя из этого, ойконим может быть квалифицирован как *лингвокультурэма* – комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания [Воробьев 1997]. Ойконим как лингвокультурэма аккумулирует и собственно языковое представление, и неразрывно связанную с ним «внезыковую, культурную среду» – устойчивую сеть ассоциаций (по крайней мере – на уровне этимона). При этом лингвокультурологически значимой является энциклопедическая (экстралингвистическая) информация, которая стоит за данным конкретным онимом и детерминирует его мотивационные источники – внутреннюю форму, причём зачастую не только самого ойконима, но и его этимона. Так, наименование городов *Старый Оскол* и *Новый Оскол* этимологизируется в сопоставлении с гидронимом *Оскол*, который является заимствованным и в структуре которого этимологически вычленяется осетинский корень *kol* – ‘река’, репрезентируя тем самым присутствие соответствующего этноса на данной территории в более ранний исторический период.

Формирование топонимической системы региона зависит от различных факторов экстралингвистического и лингвистического содержания. При этом мотивы номинации в большинстве случаев универсальны, поэтому мы наблюдаем схожие модели образования топонимов и тождественные ойкономы в различных районах области: *Ивановка* (12 населённых пунктов), *Александровка*, *Дмитриевка*, *Калинин*, *Новосёловка*, *Красное* (10), *Петровский* (6), *Николаевка*, *Веселый* (8), *Алексеевка*, *Борисовка*, *Васильевка*, *Становое* (5), *Андреевка*, *Бондарев* (4).

Как показали наблюдения над фактическим материалом, в ойкономической системе Белгородской области возникновение единиц происходит в соответствии с тремя основными процессами: *онимизации имени нарицательного*, выступающего в качестве имени собствен-

ного: *х. Байрак* (Грайворонский район) – *диал. байрак* ‘сухой овраг, водороина, водомоина, росточь, вертепижина’; *трансонимизации иного имени собственного: Осколец* (село, Губкинский район) – *Осколец* (река), *Песковатка* (хутор, Красненский район) – *Песковатка* (река), *Валуй* (село, Красногвардейский район) – *Валуй* (река), *Ворсклица* (хутор, Ракитянский район) – *Ворсклица* (река), *Айдар* (село, Ровеньский район) – *Айдар* (река); *смешанный путь образования ойконимических единиц* : *Нижний Ольшанец* – от *р. Ольшанец*; *х. Зелёная Дубрава* (зелёный + апеллятив дубрава).

Между синхроническим и диахроническим словообразованием онимов отсутствует строгая граница. Исторический характер ойконимической лексики позволяет отнести словообразовательные процессы, происходящие в области ойконимической системы, к диахроническим: большинство ойконимов выполняют свою функцию на протяжении длительного периода и образуются по устоявшимся, традиционным, продуктивным моделям.

В целом, ойконимическая система Белгородской области репрезентирована традиционными структурными типами ойконимов: *однословные* (простые и сложные образования) и *составные (бинарные)*: *Александровка, Новоалександровка, Нижний Ольшанец* (трёхкомпонентные ойконимы единичны: *с. Нижнее Берёзово-Второе* и т. п.).

Большинство однословных ойконимов Белгородской области образованы посредством морфологического способа словообразования от разных основ с помощью определённых словообразовательных морфем (суффиксы *-ов-/ев-, -ин-, -к-, -н-, -ск-, -ј(е)-*, префиксы *за-, под-, при-* и их комбинаций): *х. Заяровка, х. Залесье, пос. Прибрежный, с. Приосколье* и т. д.

Наиболее продуктивным является суффиксальный способ образования ойконимических единиц: *с. Кустовое, с. Бондарево, х. Сёмин, пос. Ракитное* и подоб.

Ойкономическая лексика Белгородской области семантически соотносится с двумя концептуальными полями: «Природа» и «Человек», репрезентируя эту онтологическую взаимосвязь на уровне внутренней формы производящих основ.

В системе ойконимов, репрезентирующих концептуальное поле «Природа», преобладает базовая апеллятивная лексика с исконными общеславянскими, общевосточнославянскими и общерусскими корнями.

Так, ойконимы, отражающие особенности географического и топографического положения населенных пунктов, включают такие единицы, как *х. Кривой* (Корочанский район), *с. Кривые Балки* (Прохоровский район), *с. Кривая Роща* (Ракитянский район), *х. Плоский* (Губкинский район, Прохоровский район), *х. Плоское* (Волоконовский район), *с. Плоское* (Корочанский район), *пос. Ровное* (Валуйский район), *с. Ровны* (Валуйский район), *с. Круглое* (Красненский район), *х. Кругленькое* (Корочанский район); *с. Клиновец* (Корочанский район), *х. Зеленый Клин* (Волоконовский район), *х. Клиновый* (Прохоровский район), *х. Клиновый* (Ровеньский район) – от *клин* – «часть земли, вдавшаяся куда-либо языком или узкою полосою» [Даль 2006 : II : 119].

Ойконимы, отражающие особенности рельефа местности, представлены следующими номинантами, например: *х. Дубовая Балка* (Корочанский район), *х. Балки* (Шебекинский район), *с. Кривые Балки* (Прохоровский район) – от *балка*.

Значительная часть ойконимов восходит к гидронимической лексике исследуемого региона, составляющей обширный топонимический пласт: *г. Валуики* (Валуйский район), *с. Валуй* (Красногвардейский район), *с. Валуйчик* (Красногвардейский район) – *р. Валуй*, *пос. Илён-Пенькова* (Краснояржевский район), *с. Илён-Кошары* (Ракитянский район) – *р. Илён*, *с. Нежеголь* (Шебекинский район) – *р. Нежеголь, Старый Оскол* – *р. Оскол* и подоб.

Ойконимы с фитонимическими основами также весьма характерны для региона, в частности, одним из самых распространенных видов деревьев в регионе был дуб, что обусловило появление соответствующих производных ойконимических лексем: *пос. Дубки* (Красногвардейский район), *пос. Дубовое* (Белгородский район), *с. Дубино* (Борисовский район), *с. Дубянка* (Губкинский район), *х. Дубовая Балка* (Корочанский район), *х. Старый*

Редкодуб (Красненский район), *пос. Редкодуб* (Красногвардейский район) и др. Исконная общеславянская лексема дуб (**dóbъ*) является мотивационной основой регионального термина *дубрава* – «чернолесье, лиственный лес» [Даль 2006 : I: 451], который, в свою очередь, был использован при образовании ойконимов: *х. Дубравка* (Губкинский район), *х. Дубровка* (Валуйский район), *х. Дубровки* (Валуйский район), *с. Вислая Дубрава* (Губкинский район).

Ряд ойконимов образован от диалектных синонимов общеславянской лексемы *лес* (*карашиник* – *колок* – *остров* – *стенки*): *х. Караешный* (Алексеевский район, Красненский район), *с. Караичное* (Шебекинский район), «в основе которых лежат, соответственно, основы производящих существительных *карашиник* (*караичник*) и *караич* – ‘вязовый криворослый лес’» [Кошарная, Сайненко 2022]; *пос. Красный Остров* (Шебекинский район); *х. Стенки* (Ровеньский район), *с. Пристень* (Ровеньский район; Шебекинский район), *х. Пристень* (Шебекинский район). По мнению И.И. Жиленковой, «в основе названия хутора *Стенки* (Ровеньский район) лежит территориально ограниченная лексема *стенки* – ‘лес на склоне’» [Жиленкова 2012 : 105].

Отдельную группу составляют ойконимы, образованные от общеупотребительной и диалектной гидрографической апеллятивной лексики: *брод* – *х. Долгий Бродок* (Корочанский район), *с. Меловой Бродок* (Губкинский район) и т. п.

Ойконимы отражают региональные особенности почвенного покрова и грунта: *с. Иловка* (Алексеевский район) – от *ил*; *с. Глиное* (Новооскольский район), *с. Новая Глинка* и *с. Старая Глинка* (Яковлевский район) и *х. Гнилица* (Новооскольский район) в качестве мотиватора имеют слово *глина* и его архаичный – др.-рус.– вариант *гнила*. Заметим, что архаичный вариант «проясняет» этимологию и мотивационное основание производящей номинации – нарицательного существительного *гнила*.

Подгруппа ойконимов с зоонимным компонентом в производящей основе менее характерна для региона, однако такие онимы базируются на наименованиях типичных представителей региональной фауны: *заяц* – *с. Заячье* (Корочанский район), *медведь* – *х. Медвежье* (Чернянский район), *окунь* – *с. Окуни* (с. Чернянский район), *орёл* – *х. Орлиное* (Волоконовский район) и др.

В кластере «Человек» основной корпус составляет пласт отфамильных названий, в ряду которых вычленяются восходящие к прозвищным, каноническим и неканоническим личным именам, названиям лиц по роду деятельности и т.д. Что касается словообразования онимов, то здесь используются типовые (продуктивные) словообразовательные способы и модели, свойственные русскому языку, и преобладают патронимические суффиксы *-ов/ -ев*, а также суффиксы *-ин, -к-, -ск-*. При этом следует отметить различную степень продуктивности использованных топонимических суффиксов и топоформантов при их несомненном разнообразии. Например, ойконим *Шебекино* – город возник как *Слобода Шебекина*, которая была основана в 1713 г. крепостными крестьянами подполковника И.Д. *Шибеко* (в южнорусском акающем произношении – *Шебека*), который приобрел здесь землю.

В целом, именования, восходящие к фамильным антропонимам, составляют значительную группу: *Александровка, Александровский, Борисовка* и подоб. Историко-краеведческие сведения позволяют верифицировать собственно этимологические версии: так, краеведы на основании архивных сведений связывают историю ойконима *п. Борисовка* с фамилией первопоселенца *Петра Борисова*.

Отмечены ойконимы, мотивированные женскими личными каноническими именами и их народными вариантами: *с. Зинаидино, х. Новозинаидинский, с. Новозинаидинское* в Ракитянском районе и др. Примечательна история данных «женских» наименований. Достоверно известно, что возникновение перечисленных ойконимов связано с именем княгини Зинаиды Николаевны *Юсуповой*. Также историческим фактом является, что в XVIII веке в Корочанском районе поселился богатый помещик, у которого было три дочери – *Нина, Татьяна* и

Анна, в честь которых были названы поселения Корочанского уезда: *Нина, Ниновка, Татьяновка, Анновка*.

В корпусе производящих основ отантропонимических ойконимов присутствуют прозвищные имена (отражающие внешний вид владельца имени (*пос. Некрасовка*); указывающие на внутренние качества владельца имени, особенности его характера и поведения, например: с. *Храпово* (Валуйский район) восходит к фамильному антопониму, восходящему к прозвищному имени *Храп*, производному от нарицательного *храп*, которое либо соотносится с глаголом *храпеть*, либо связано с диалектным существительным *храп* (курск.) – «нахал, наглец, буян» [Даль 2006 : IV : 564], ср.: разг. *нахрапом* – ‘дерзко, нагло, бесцеремонно’. Таким прозвищем могли именовать человека эмоционально неустойчивого, склонного к бурному выяснению отношений.

В ходе лингвокультурологического анализа выявлено, что в ойконимии Белогорья находят отражение исторические и социально-экономические явления, характеризующие этапы развития Белгородчины. Такие наименования выступают как своеобразные идеологемы, которые реализуют не только свою номинативную функцию, но содержат характерологический или оценочный признак, детерминирующий культурную коннотацию ойкона. В этом ключе ойконимикон преломляет объективную реальность в ценностном восприятии человека. Так, к числу пореволюционных относятся такие наименования, как: *пос. Дружба* (Валуйский район), *х. Дружный* (Яковлевский район), *х. Дружный-Первый* и *х. Дружный-Второй* (Корочанский район), *х. Братство* (Красненский район), *х. Зарницы* (Прохоровский район), *х. Приветный* (Вейделевский район), *х. Рассвет* (Волоконовский район), *х. Труд* (Корочанский район) и др. К идеологическим наименованиям относится ойконим *пос. Кировский* (Ивнянский район) – до 1968 года посёлок имел название *Петровское*.

Ойконимы, восходящие к именам, отражающим характер бытовой жизни, служебной и хозяйственной деятельности человека, репрезентируют основные виды деятельности владельцев или основного профессионального состава жителей поселений: *с. Дегтярное*, *х. Киселёв*, *х. Ковалёв*, *с. Косилово*, *х. Кравцов* (от *кравец* – ‘портной’), *х. Гончаровка*, *х. Дудчин*, *с. Коновалово*, *с. Масловка* и др.

В ряду ойконимических образований выделяется подгруппа номинаций, восходящих к наименованиям лиц по воинской профессии: *Пушкарное* – село в Белгородском районе БО. Село возникло как слобода пушкарей города-крепости Белгородской черты. Также к наименованиям служивых людей восходят ойконимы *с. Стрелецкое*, *с. Казацкое* Белгородского района, образованные по модели полных имен прилагательных среднего рода с суффиксом –*к-*.

С территориальной спецификой региона связана семантика производящих основ ойконимов *х. Рубежный*, *с. Сторожевое*.

Религиозные культурные объекты также детерминировали возникновение целого ряда ойконимических номинаций. Например: название *Архангельской церкви* (во имя Архангела Михаила) стало мотивирующей основой ойконимов *с. Архангельское* (Старооскольский район), *с. Архангельское* (Шебекинский район) и др. По именованию церкви *Святого Николая* получило своё название село *Никольское*.

Наряду с «прозрачным» этимоном в основах ойконимов могут сохраняться историзмы: *с. Долбино* – от *долбня* – ‘колотушка, род большого деревянного молота’; *с. Бехтеевка* – от фамилии *Бахтеев*, ср. *бахта* – ‘набивная бязь, обычно мутно-красная’.

В то же время в качестве ойконимических этимонов могут выступать так называемые «тёмные» слова (в терминологии В.И. Чернышёва и др.). По мнению А.В. Суперанской, многие ойконы «могут относиться к архаичным, что существенно усложняет установление мотивационных основ имен собственных географических названий» [Суперанская 1985 : 11]. В отношении таковых следует исходить из принципа множественной этимологии (данный принцип был обоснован О.Н. Трубачёвым [Трубачёв 1994]), согласно которому не всегда можно однозначно выстроить этимологическую перспективу, а потому следует учитывать

все возможные этимологизации: с течением времени внутренняя форма может утрачиваться, что неблагоприятно оказывается на процессе определения исходного значения подобных единиц. Отсутствие обязательности исходной внутренней формы онимов и одновременно потребность в ней нередко получают своеобразное отражение в фактах народной этимологии, являющейся продуктом ментальной деятельности рядовых носителей языка» [Голев 2008 : 12].

Так, ойконим *Уколо́во* (село в Губкинском районе) этимологически может быть связан с диалектным нарицательным существительным *у́кол* – «втыкаемый в землю шест, вокруг которого сметывается стог» или «мера земли, тягло, надел» [СРНГ 2014 : 47 : 74-75]. Как следствие, в основе семантики ойконима может лежать значение «мера земли»: *у́кол* + суф. -ов- =>*Уколо́во*. В то же время производящее слово *у́кол* в силу этнокультурных контактов региона соотносимо с гидронимом *О́скол*, в котором исследователями вычленяются две части: «ос» и «кол», где «ос» – имя народа, а «кол» – тюркское слово с гидронимическими значениями: «река», «озеро». Иными словами, *О́скол* может быть этимологизирован как «Река осов». В этой связи номанта *у́кол* могла быть построена по той же модели и выполнять функцию гидронима – *У́кол* с тем же корневым элементом «кол» – река. Название реки могло утратиться за давностью лет, но ойконим запечатлел память о нём. Авторы «Белгородской энциклопедии» [БЭ 2000 : 225] выдвигают ещё одну версию: «По лесу *Ку́ков* получило название *Уколо́во*, с 1660 – *Староуколо́во*, Царёво *Уколо́во*». А краевед Б.И. Осыков [Осыков 2012] отмечает среди первопоселенцев области детей боярских, присланных на строительство Белгородской черты, Григория Фёдорова сына *Уколо́ва*. Если ойконим *Уколо́во* восходит к фамильному антропониму *Уколо́в*, то речь идет о лексико-семантическом способе образования онима: *Уколо́в* (антропоним) >*Уколо́во* (ойконим). Далее на базе данного ойконима возникает составное наименование – бинарный ойконим *Лесное Уколо́во*.

Несколько онимов области образованы от фамильных антропонимов, восходящих к архаичным славянским именам: *с. Белозорово* – в Алексеевском районе – от фамилии *Белозоров*, восходящей к имени *Белозор*; *с. Ладомировка* – в Ровеньском районе (в первой половине XIX века село стало владением помещиков *Ладомирских* и было переименовано в *Ладомировку*).

Архаичные славянские имена непродуктивны в качестве оснований ойконимов, но всё же фиксируются в анализируемом материале: *с. Святославка* в Ракитянском районе, согласно архивным сведениям, получило название по имени первопоселенца – *Святослава Недосекова*; *с. Яропольцы* – в Вейделевском районе – впервые упоминается в 1135 году как укрепленный пункт великого князя *Ярополка II Владимира*.

Можно заключить, что семантическое своеобразие ойконимов Белгородской области обусловлено естественно-географическими и культурно-историческими факторами: все представленные номинации могут быть разделены на топонимические и посессивные (от лат. *posessio* – ‘владение, обладание’), где первые связаны с наименованием населённых пунктов по характеру местности, а вторые имеют указательную функцию и соотносятся с именем того или иного владельца поселения или первопоселенца.

В целом, формирование ойкономической лексики региона представляет собой не возникновение изолированных номинативных единиц, а лингвокультурный (обусловленный языком и историей культуры края) процесс, позволяющий научно осмыслить ойкономию региона и региональный ономастикон как систему и синхронно-диахронический феномен.

Ойкономический материал Белгородской области в перспективе небезынтересно сопоставить с топонимическим материалом иных (в частности смежных) регионов. Важным аспектом представляется также разработка теоретико-практической базы, нацеленной на создание единого ойкономического словаря России, что можно полагать одной из дальнейших перспектив топонимической работы отечественных учёных.

Библиографический список

1. БЭ – Белгородская энциклопедия / гл. ред. В. В. Овчинников. [3-е изд.]. Белгород: Изд-во обл. тип., 2000. 463 с.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы). Москва: Изд-во Российского университета Дружбы народов, 1997. 331 с.
3. Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С.5–18.
4. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Москва: РИПОЛ классик, 2006.
5. Жиленкова И.И. Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов). Белгород: ИД «Белгород», 2012. 124 с.
6. Кошарная С.А., Сайненко Ю.В. Белгородская ойкономия в лингвокультурологическом осмыслении [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. № 1. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK122.pdf>
7. Осыков Б.И. Села белгородские: [энциклопедическое издание]. Белгород: Константа, 2012. 436 с.
8. СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР, ИРЯ; ИЛИ РАН. Вып. 47 (Ужом-Урос). Санкт-Петербург: Наука, 2014. 352 с.
9. Суперанская А.В. Что такое топонимика. Москва: Наука, 1985. 177 с.
10. Толстой Н.И. Избранные труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 520 с.
11. Трубачёв О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика до-письменного периода // Этимология. 1991-1993. Москва, 1994. С. 3–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кошарная Светлана Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и русской литературы, ФГАОУ ВО Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
SPIN-код: 6248-4943
E-mail: kosharnaja@bsuedu.ru

Kosharnaya Svetlana Alekseevna,
Doctor of Philological Sciences,
Professor, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature,
Belgorod State National Research University,
SPIN-code: 6248-4943
E-mail: kosharnaja@bsuedu.ru

Сайненко Юлия Валерьевна,
кандидат филологических наук,
учитель русского языка и литературы,
МАОУ «Центр образования №1 имени Героя Российской Федерации А.Г. Копейкина»
г. Белгорода,
E-mail: iuliasainenko@yandex.ru

Saynenko Yulia Valeryevna,
Candidate of Philological Sciences,
Teacher of Russian language and literature,
MAEI «Education Center No. 1 named after Hero of the Russian Federation A.G. Kopeikin»
of Belgorod,
E-mail: iuliasainenko@yandex.ru

ИМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА NAME IN THE TEXT SPACE

УДК 811.161.1

E.A. Попова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: elenapopova2410@mail.ru*

A.K. Елистратов

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: elistratov00@mail.ru*

ОБРАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСОНОСФЕРЫ В ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ П.Н. ШУБИНА

В настоящей работе рассматриваются образы национальной персоносферы, которые использует в стихотворениях военных лет П.Н. Шубин. Авторами статьи отмечается, что П.Н. Шубин в своей военной лирике, являющейся вершиной его творчества, обращается к образам национальной персоносферы, которые относятся к нескольким группам: 1) исторические личности, 2) персонажи русского фольклора, 3) герои русской литературы, 4) русские писатели, 5) герои Великой Отечественной войны и войны с Японией. Наиболее многочисленной является последняя группа, что объясняется желанием поэта назвать всех защитников Родины поименно и тем самым увековечить память о них в сердцах будущих поколений. Номинации героев Великой Отечественной войны и войны с Японией часто помещаются автором в такие сильные позиции текста, как посвящение и заглавие. В своих стихотворениях военных лет поэт часто обращается к персоналиям русской истории и литературы, которые являются символами защитников родной земли и победы над врагами (*Александр Невский, Петр Первый, Рюрик, Тарас Бульба, Остап Бульба* и др.). В этих образах воплощены такие традиционные духовно-нравственные ценности, как патриотизм, служение Отечеству, ответственность за его судьбу. Авторы приходят к выводу, что военная лирика П. Шубина способствует транспонированию образов национальной персоносферы в сознание читателей и трансляции традиционных ценностей, связанных с этими образами, что обусловлено таким свойством персоносферы, как диалогизация. Эти образы являются частью культурного кода русской нации.

Ключевые слова: Шубин, национальная персоносфера, антропонимы, диалогизация, русская литература, культурный код нации, традиционные духовно-нравственные ценности.

E.A. Popova

*Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
(Lipetsk, Russian Federation)
e-mail: elenapopova2410@mail.ru*

A.K. Elistratov

*Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
(Lipetsk, Russian Federation)
e-mail: elistratov00@mail.ru*

IMAGES OF THE NATIONAL PERSONOSPHERE IN P.N. SHUBIN'S MILITARY LYRICS

This paper examines the images of the national personosphere that P.N. Shubin uses in his poems of the war years. The authors of the article note that P.N. Shubin in his military lyrics, which is the pinnacle of his work, refers to the images of national personosphere, which belong to several groups: 1) historical figures, 2) characters of Russian folklore, 3) heroes of Russian literature, 4) Russian writers, 5) heroes of the Great Patriotic War and the War with Japan. The last group is the most numerous, which is explained by the poet's desire to name all the defenders of the Motherland by name and thereby perpetuate their memory in the hearts of future generations. The nominations of the heroes of the Great Patriotic War and the war with Japan are often placed by the author in such strong positions of the text as the dedication and title. In his wartime poems, the poet often refers to the personalities of Russian history and literature who are symbols of the defenders of their native land and victory over enemies (Alexander Nevsky, Peter the Great, Rurik, Taras Bulba, Ostap Bulba, etc.). These images embody such traditional spiritual and moral values as patriotism, service to the Fatherland, and responsibility for its fate. The authors conclude that P. Shubin's military lyrics contribute to the transposition of images of the national personosphere into the consciousness of readers and the transmission of traditional values associated with these images, which is due to such a property of the personosphere as dialogization. These images are part of the cultural code of the Russian nation.

Keywords: Shubin, national personosphere, anthroponyms, dialogization, Russian literature, cultural code of the nation, traditional spiritual and moral values.

Национальная персоносфера, представляющая собой совокупность исторических, литературных, религиозных, фольклорных персонажей, является для общества своеобразной системой координат: как духовно-нравственные ценности, так и антиценности в сознании носителей языка связаны с определенными личностями. Как было замечено Г.Г. Хазагеровым, которому филология обязана термином «персоносфера», «сфера представлений о персоналиях является критичной для жизни социума, скрепляя его, помогая его членам решать проблемы самоидентификации и идентификации других, служит кросс-культурным мостом общения с другими социумами» [Хазагеров, Ульянова 2015 : 127].

Субъекты национальной персоносферы представляют собой антропонимы, среди которых много прецедентных имен, восходящих к разным источникам: фольклору (*Илья Муромец, Кошечка Бессмертный, Змей Горыныч* и др.); истории (*Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр Первый, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ф.Ф. Ушаков* и др.), литературе (*А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский* и другие русские писатели, а также герои их произведений); православию (*преподобный Сергий Радонежский, святитель Тихон Задонский*; в эту же группу можно отнести *святых благоверных князей Александра Невского и Дмитрия Донского, святого праведного воина Феодора Ушакова*). При этом имена героев литературных и фольклорных произведений, «входя в язык, становятся символами какого-либо типического явления, существенной черты характера, страсти и т.д. (*Гамлет, Дон Кихот, Отелло, Обломов, Хлестаков*)» [Калинкин 1999 : 235]. В этом проявляется такое свойство персоносферы, как метафоричность: «Метафоричность персоносферы состоит в способности более близкое схватывать через более далекое и поэтому более однозначное, несущее определенность» [Хазагеров 2002]. Другим важным свойством персоносферы является диалогизация, суть которой состоит в том, что носители языка вступают с персоналиями в своеобразный диалог: «объекты персоносферы – это лица, личности. Отсюда проистекает возможность сопоставления себя с ними, возможность сопереживания, подражания, в частности, копирования речевых манер; возможность помещения себя в мир персоносферы, моделирования своего поведения в этом мире» [Хазагеров 2002].

Творчество любого писателя может быть исследовано с точки зрения использования в его произведениях образов национальной персоносферы, которые являются частью писательского антропонимикона. По утверждению Г.Ф. Ковалева, именно антропонимия «в основном и формирует лицо произведения» [Ковалев 2007 : 285]. Изучение персоносферы национальной литературы чрезвычайно актуально, поскольку «персоносфера литературы вбирает в себя различные образы, с которыми люди идентифицируют себя. На уровне национальной литературы персоносфера, таким образом, отражает чаяния социума, формирует идеалы и эталоны или, наоборот, демонстрирует анти-образцы, отражает картину мира

нации на определенном этапе ее развития. Следовательно, изучив персоносферу литературы, можно приблизиться к пониманию культурного кода нации» [Никитина 2017 : 5-6].

Целью нашей статьи является рассмотрение образов персоносферы русской культуры как части антропонимикона военной лирики нашего земляка П.Н. Шубина (1914–1951).

Практически вся военная лирика П.Н. Шубина была написана в то время, когда он был военным корреспондентом газет различных фронтов Великой Отечественной войны и войны с Японией («Фронтовая правда» Волховского фронта, «В бой за Родину» Карельского фронта, «Сталинский воин» 1-го Дальневосточного фронта). Как отмечают исследователи творчества поэта, «для Шубина военные годы <...> были вершиной его творчества» [Западов, Соколова 1988 : 16]; «В войну он создает лучшие свои стихи и песни. Особенно популярна была у бойцов “Волховская застольная”, положенная на музыку композитором И. Любаном» [Западов, Соколова 1988 : 4]. Некоторые из стихотворений Шубина военных лет «получили мировую известность, стали хрестоматийными: “Полмига”, “Разведчик”, “Шофер”, “За Москву”, “Верность”, “Пакет”, “Атака”, “Битва на Дону”, “Идет на Родину солдат”, “Мы устоим” и др.» [Чистополь литературный 2017 : 518]. Например, к числу шедевров отечественной лирики, созданной в годы Великой Отечественной войны, относится стихотворение П. Шубина «Полмига» (1943), в котором передано душевное состояние лирического героя в минуты наивысшего напряжения сил. «Цена этих минут так велика, что без преувеличения их можно приравнять к жизни. Как заклинание звучит мольба солдата – “полмига, полшага прожить”, чтобы “врезать, как надо” гранату “в четырежды проклятый дзот”» [Западов, Соколова 1988 : 4],

*Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу! [Шубин 1988 : 281].*

Образы национальной персоносферы, к которым обращается в своей военной лирике П. Шубин, делятся на несколько групп:

- 1) исторические личности: *Рюрик, Игорь, Ольга, Олег, Александр Невский, Петр Первый, Ленин* и др.
- 2) персонажи русского фольклора: *Несмеяна, Аленушка, Змей Горыныч*;
- 3) персонажи русской литературы: *Ярославна, Тарас Бульба* и его сыновья *Остап и Андрий*;
- 4) русские писатели: *Пушкин, Блок*;
- 5) герои Великой Отечественной войны и войны с Японией: *Матросов, Мерецков, капитан Андреев, Черемнов, Мальцев, Шалунов Илья, лейтенант Гавриш, подполковник Коваль, Красилов, Герасименко, Черемнов, Буланов, Жижерин, майор Рейтров, Туйчи Эрдэжигитов, Аман Ижанов, Василий Колесник* и др.

Так, считая солдат Великой Отечественной наследниками воинской славы «дедов-прадедов» [Шубин 1988 : 315], Шубин в стихотворении «Наследники» обращается к образу князя Александра Невского. Это стихотворение, написанное в апреле 1942 г., посвящено 700-летней годовщине победы русского войска под предводительством Александра Невского над немецкими парами-рыцарями на Чудском озере в 1242 г. Князь Александр, являющийся олицетворением «могучей древней силы» [Шубин 1988 : 208] праотцев – предков-героев, упоминается в стихотворении один раз как полководец, возглавивший русское войско в смертельном бою:

*По телам крестоносцев и чуди,
Выдыхая кроткое «Хга!» –
Князя Невского конные люди
Настигают железом врага [Шубин 1988 : 206].*

Поэт проводит четкую параллель между русскими воинами прошлого и настоящего, всегда одерживающими победу над врагом: «немецкой волчьей орде» нет спасения от «грозных русских ратей» [Шубин 1988 : 207] ни раньше, ни сейчас:

Пусть всему на земле

Свои сроки.

Но и в дни семисотой весны,
Как наследие предков далеких,
Нам дороги победы ясны.

<...>

В гулком пламени смертного боя
Сочлененьями танков хрустя,
Шаг за шагом,
Верста за версту
Мы идем по немецким костям.

И могучая,
Древняя сила
Бьется с нами
Бок о бок в ряду,
И разит этих псов,
Как разила
На чудском окровавленном льду! [Шубин 1988 : 207-208].

Показательно, что стихотворение «Наследники» было опубликовано в газете «Фронтовая правда» 5 апреля 1942 г. – в 700-летнюю годовщину Ледового побоища.

Царь Петр и легендарный Рюрик упоминаются в стихотворении «За Новгородом» (1944). Вначале это названия скульптур на памятнике Тысячелетия России, который едва не стал немецким трофеем: монумент, установленный в Новгородском Кремле в 1862 г. и свидетельствующий о богатой и великой русской истории, которая вызывала особенную ненависть у фашистов, во время оккупации Новгорода был распилен и должен был отправиться в Германию. Окончательной «отмене русской культуры» помешало только стремительное наступление советских войск, нашедших в Кремле голый постамент и валяющиеся на снегу фигуры русских князей, царей, полководцев и ученых – их просто не успели вывезти [Кудряшов : 2024]. Это и описывает П. Шубин, участвовавший в боях за освобождение Новгорода:

*На кремлевской площади в сугробах –
Витязей поверженных тела...
Их пытал тупой немецкий обух,
Грызла и калечила пила* [Шубин 1988 : 310].

После слова «тела» следовало примечание автора: «Имеются в виду статуи русских исторических деятелей, сброшенные немцами с памятника Тысячелетия России» [Шубин 1988 : 310].

Далее бронзовые скульптуры Петра и Рюрика как будто оживают:
*Но жива, жива литая бронза,
Хмуро смотрит Петр за горизонт,
Будто видит накрененный косо
К Гангуту идущий галиот.*

*И стремится и летит, как сокол,
Кличет землю Русскую беречь
Тяжкой щуйцей Рюрика высоко
Над шлемом занесенный меч* [Шубин 1988 : 310].

Образы русских правителей Петра и Рюрика для П. Шубина являются символами защитников родной земли и победы над врагами. Топоним Гангут – это название места, где в 1714 г. была одержана первая в истории России победа русского флота под командованием Петра I. Для таких топонимов, как Гангут, являющихся названиями военных событий, существует специальный термин «милитарионим» [Фатеева 2018].

В стихотворении «Гордый город» (1941), посвященном любимому городу Ленинграду, взятому фашистами в блокаду, Шубин использует перифразу «город *Ленина, Пушкина, Блока*» [Шубин 1988 : 193]. В данном случае имеет место такой тип ономастической перифразы, как перифраза, имеющая в своем составе собственное имя и отсылающая к понятию, обозначенному другим собственным именем [Калинкин 1999 : 223].

В стихотворении «Присказка» (1942) П. Шубин использует большое количество образов фольклора и древнерусской истории: народно-поэтические номинации Несмейна, Лада, Аленушки, а также Ольга, Игорь, Олег, Баян. В начале стихотворения поэт рисует страшную картину Новгородской земли, которую враг, угнав население в рабство, сделал «стороною нежилой» [Шубин 1988 : 241]:

*Филины в лесу хохочут ночью,
Леденеют сосны в стуже злой.
Промелькнет и сгинет стая волчья
В темные, дремучие урочья,
И над стороною нежилой
Из конца в конец метнется вой;
И, провеяв, как крыло сорочье,
Снежный ветер, пахнущий смолой,
Запылит холодною золой
Инея седые узорочья
Над Финевым Лугом, Неболочью,
Древней Новгородскою землей* [Шубин 1988 : 241].

После перечисления ойконимов автор делает примечание: «Финев Луг, Теремец, Любино Поле и др. – прифронтовые деревни по Волхову, население которых было угнано немцами в рабство» [Шубин 1988 : 241]. Во второй строфе появляется героиня, которая на протяжении всего стихотворения будет получать разные номинации:

*Где ж ты, Несмейна-ненагляда?
Опустел твой терем-Теремец.
Все твои пути-дорожки, Лада,
Исходил я из конца в конец <...>* [Шубин 1988 : 241].

Героиня из Теремца и Любиного Поля лишилась дома и близких, над которыми надругался враг, и стала *Несмейной*, т.е. «серъезной, неулыбчивой девушкой, женщиной, которую трудно рассмешить, развеселить <...> [БАС 2009 : 12 : 263]:

*Терем твой дождем иссек свинец.
Темный лес теперь – твои палаты...
Ты теперь и вправду – Несмейна, –
В край чужой подружек увезли,
Вытоптаны ясные поляны
Ласковой, березовой земли...* [Шубин 1988 : 241-242].

Далее поэт называет героиню Ольга, обращаясь к такому событию русской истории, известному по летописям, как месть княгини Ольги врагам за смерть своего мужа – князя Игоря:

*Игоря оплакавшая Ольга,
Разве ты простишь его врагам?
Кровь за кровь!*

*Ты разве спросишь, сколько
Их должно – двуногих, с кровью волка –
Бездыханно пасть к твоим ногам?
Тысячи – не доля, только – долька
Жертв на тризне той, что без умолка
Правишь ты, разгневанная **Ольга**,
По мужьям, подругам, женихам. [Шубин 1988 : 242].*

В следующей строфе по отношению к героине использованы разные номинации, являющиеся обращениями: Ольга, Лада-Несмеяна, Аленушка, правнучка Олега и Баяна:

***Ольга, Ольга! Лада-Несмеяна,**
Тихая Аленушка в лесу,
Длинною косою бело-льняной
Вытершая девичью слезу, –
Как ни называй свою красу –
Правнучка Олега и Баяна,
Дева-воин боевого стана, –
Меч твой – словно молния в грозу,
Не от плача стать его багряна! [Шубин 1988 : 242].*

Лада – древнерусское неканоническое женское имя, ставшее нарицательным: «ЛАДА, м. и ж. Нар.- поэт. Любимый (любимая), возлюбленный (возлюбленная); супруг (супруга)» [БАС 2007 : 9 : 24]. Антропоним Аленушка отсылает, с одной стороны, к «Сказке про сестрицу Аленушку и братца Иванушку», а с другой – к прецедентному произведению русской живописи – картине В.М. Васнецова «Аленушка» (1881), которая не является иллюстрацией к этой сказке. Аленушкой в русской лингвокультуре называют «грустно сидящую девушку или девочку» [Россия 2007 : 17], она стала воплощением преданности, сестринской любви.

Таким образом, с помощью различных номинаций героини стихотворения «Присказка», которые являются контекстными синонимами, Шубин подчеркивает как ее слабость, красоту, грусть (Аленушка, Несмеяна, Лада, Лада-Несмеяна), так и ее силу, мужество, желание отомстить врагам за смерть близких (Ольга, правнучка Олега и Баяна). Лирический герой ищет ее «из боя в бой» и надеется на встречу:

*Пусть глаза слепят мне голубой
Дым разрывов, смерти свистопляска, –
Это только присказка, не сказка,
В сказке мы увидимся с тобой! [Шубин 1988 : 242].*

Слова присказка и сказка являются контекстуальными антонимами, образуя антитезу.

В стихотворении «Я должен вернуться...» (1941) поэт обращается к образу Ярославны – жены князя Игоря из «Слова о полку Игореве». Для автора «Слова» Ярославна – это идеал женщины, в знаменитом «плач» она «обращается к силам природы с просьбой о спасении мужа и этим помогает ему вырваться из плена» [Россия 2007 : 519]. Свою возлюбленную, с которой лирического героя разлучила война, он сравнивает с Ярославной: «Ты ей сейчас по тревожному сердцу сестра» [Шубин 1988 : 184].

В стихотворении «Мои герои» (1943–1946) П. Шубин использует прецедентные имена героев повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» – Тарас Бульба, Остап, Андрий:

*Только книжку старую открою –
Смутная надвинется пора,
Вороных коней осадят троє
На высоком берегу Днепра.*

*Гулко грянет пушка сечевая,
Вылетят челны из камышей.
Степь сверкнет от края и до края*

Молниями белых палашей.

*И проляжет кровью мать-Россия
Волею железного Бульбы,
На пути Остапа и Андрия –
Их неодинаковой судьбы.*

*Мне опять
по праву и по чести
Править сабли острого острей,
Пытку выносить
с Остапом вместе
И гореть
С Тарасом на костре.*

*День встречать
средь топота и храна
Дикой лавы бешеных коней,
Жизнь свою прожить,
Как жизнь Остапа,
Умереть, не пожалев о ней.*

*...Только книжку старую открою –
Мир широк и воля не слаба,
И опять со мной мои герои –
Верность. Вера. Родина. Судьба! [Шубин 1988 : 398-399].*

Тарас Бульба и его старший сын Остап – символы мужества, несгибаемой воли, верности Родине и любви к ней, ради которой они отдали свои жизни.

Остап и Андрий, избравшие разные пути, – это имена, являющиеся ономастическими антонимами, или, по В.М. Калинкину, представляющие собой ономастический оксюморон как обозначение «пары онимов, представляющих собой имена антагонистов в мифологии, культуре, истории или литературе» [Калинкин 1999 : 366].

Значительное место в военной лирике П.Н. Шубина занимают имена героев Великой Отечественной войны, а также войны с Японией. Поэт стремится сохранить для потомков имена защитников Родины, причем как командиров, так и рядовых, благодаря которым была одержана победа, при этом многие из них погибли в боях. Так, в стихотворении «Трое» (1942) рассказывается о трех бойцах, бросившихся на немецкие пулеметы и тем самым спасших жизни своих товарищей:

*Здесь,
Заслонив друзей
Живою стенкой,
Руками
Обхватив концы стволов,
Легли
Красилов
и Герасименко,
Упал –
на третий –
грудью
Черемнов [Шубин 1988 : 196].*

Стихотворение «Песнь о мужестве» (1945) посвящено «памяти героев Первого Дальневосточного фронта – *Попова, Фирсова, Колесника*, повторивших бессмертный подвиг *Матросова*» [Шубин 1988 : 379]. В стихотворении фамилии четырех героев встречаются еще раз:

*Средь свинца,
Несущегося косо
Впереди штурмующих полков –
Так дрались **Колесник** и **Матросов**,
Так сражались **Фирсов** и **Попов** [Шубин 1988 : 381].*

Фамилия Александра Матросова, который в феврале 1943 г. закрыл своим телом амбразуру пулеметного дзота гитлеровцев, широко известна в русской лингвокультуре: она стала нарицательным существительным, коннотонимом, и в этом качестве этот антропоним включен в «Словарь коннотативных собственных имен» Е.С. Отин [Отин 2006 : 352]. Имена остальных героев, совершивших подобный подвиг, не имеют такой же широкой известности, как имя Матросова. Поэзия Шубина сохраняет их имена для потомков. Василию Колеснику Шубин посвятил и отдельное стихотворение «Слово о Василии Колеснике» (1945). Подобный подвиг в 1943 г. совершил и рядовой Туйчи Эрджигитов, о котором Шубин пишет в стихотворении «У истоков легенды» (1943). Предваряют стихотворение такие слова: «Рядовой Туйчи Эрджигитов прикрыл своим телом амбразуру немецкого дзота...» [Шубин 1988 : 300].

В стихотворении «Снайпер» (1943) рассказывается о чимкентце Амане Ижанове, вступившего в смертельный поединок с немецким снайпером и вышедшего из него победителем:

*И знает **Аман Ижанов** –
На первый выстрел надежда:
Свинец между глаз у фрица –
Спасенье, а промах – смерть [Шубин 1988 : 298].*

Впоследствии от снайперских пуль Ижанова погибло 78 фашистов, но первый выстрел был особенно памятен бойцу как залог победы над врагом:

*И первый свой выстрел мудро,
По-своему понимая,
Аман говорит:
– Мне память
Далекая дорога:
Я знаю, что встретил утро,
Победное утро мая,
В тот давний осенний вечер,
Когда одолел врага [Шубин 1988 : 299].*

Этими строками стихотворение заканчивается.

Стихотворение «Во имя жизни» (1943) посвящено «памяти капитана Андреева, дважды орденоносца, командира гвардейской эскадрильи истребителей» [Шубин 1988 : 200]. Еще одним героем, отдавшим жизнь за Родину, является подполковник Коваль, о котором П. Шубин пишет в одноименном стихотворении 1944 г. Оно строится как обращение к маленькому сыну, которого поэт называет «мой малыш». Ему он хочет рассказать «о том, кто тебя спасал, / О том, кто огонь и воду / Прошел, чтобы выжил ты, / И пал за твою свободу / У маленькой высоты» [Шубин 1988 : 312]:

*Огня и железа вдоволь,
Быют немцы со всех сторон,
Но встал **подполковник Коваль** –
Как будто бессмертен он [Шубин 1988 : 313].*

Подполковник Коваль погиб в бою за «плюгавеньскую высотку с отметкой 35» [Шубин 1988 : 312], которой нет даже на карте, но именно этот бой пробил ворота к Новгороду.

Итак, П.Н. Шубин в своей военной лирике, являющейся вершиной его творчества, обращается к образам национальной персоносферы, которые принадлежат к нескольким группам: исторические личности, персонажи русского фольклора, герои русской литературы, русские писатели, герои Великой Отечественной войны и войны с Японией. Наиболее многочисленной является последняя группа, анализу которой может быть посвящена отдельная работа. Многочисленность этой группы объясняется желанием поэта назвать всех защитников Родины поименно и тем самым увековечить память о них в сердцах будущих поколений. Имена героев Великой Отечественной войны и войны с Японией часто помещаются автором в такие сильные позиции текста, как посвящение и заглавие. В своих стихотворениях военных лет поэт часто обращается к персоналиям русской истории и литературы, которые являются символами защитников родной земли и победы над врагами (*Александр Невский, Петр Первый, Рюрик, Тарас Бульба, Остап Бульба* и др.). В этих образах воплощены такие традиционные духовно-нравственные ценности, как патриотизм, служение Отечеству, ответственность за его судьбу. Военная лирика П. Шубина способствует транспонированию образов национальной персоносферы в сознание читателей и трансляции традиционных ценностей, связанных с этими образами, что обусловлено таким свойством персоносферы, как диалогизация. Эти образы являются частью культурного кода русской нации.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка. Главный редактор К.С. Горбачевич; Научный координатор издания А.С. Герд. Т. 9, 12. М.; СПб.: Наука, 2007–2009. Т. 9 – 658 с.; Т. 12 – 651 с.
2. Западов А., Соколова Е. Поэзия Павла Шубина // Шубин П. Стихотворения и поэмы / Сост. и подгот. текста А. Шубина; Вступит. ст. А. Западова и Е. Соколовой. М.: Художественная литература, 1988. С. 3–16.
3. Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
4. Ковалев Г.Ф. Направления исследования имен собственных в художественных произведениях // Материалы по русско-славянскому языкоznанию: международный сборник научных трудов. Вып. 28. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 283–289.
5. Кудряшов К. «Отмена русской культуры», первая попытка. Что немцы сделали с Новгородом // Аргументы и факты. 21.01.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/otmena_russkoy_kultury_pervaya_popytka_chto_nemcy_sdelali_s_novgorodom (дата обращения: 31.10.2025).
6. Никитина А.А. Эволюция персоносферы китайской прозы второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб., 2017. 404 с.
7. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.-Донецк: ООО «А Темп», 2006. 440 с.
8. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 736 с.
9. Фатеева Н.А. Милитарийонимное поле Сталинграда // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. №7 (130). С. 99–104.
10. Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://nm1925.ru/articles/2002/200201/personosfera-russkoy-kultury-3407/> (дата обращения: 10.09.2025).
11. Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В. Персоносфера университета: функции и культивирование // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). С. 127–131.
12. Чистополь литературный. Энциклопедия / Авт.-сост. Н.М. Валеев, Р.Ш. Сарчин. Казань: Изд-во «Заман», 2017. 560 с.

13. Шубин П. Стихотворения и поэмы / Сост. и подгот. текста А. Шубина; Вступит. ст. А. Западова и Е. Соколовой. М.: Художественная литература, 1988. [527 с.](#)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попова Елена Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и ли-
тературы
Липецкого государственного педагогическо-
го университета имени П.П. Семенова-Тян-
Шанского,
SPIN-код: 8450-3052,
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Popova Elena Alexandrovna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the department of Russian Language
and Literature,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-
Shansky University,
SPIN-code: 8450-3052,
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Елистратов Александр Константинович,
аспирант кафедры русского языка и литера-
туры
Липецкого государственного педагогическо-
го университета имени П.П. Семенова-Тян-
Шанского,
e-mail: elistratov00@mail.ru

Elistratov Alexander Konstantinovich,
Postgraduate student of the Department of
Russian Language and Literature,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-
Tyan-Shansky University
e-mail: elistratov00@mail.ru

B.B. Вязовская

Воронежский государственный университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

**«...ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПРИРОДЕ»:
ЗООМОРФНЫЙ КОМПОНЕНТ АНТРОПОНИМОВ
В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА
«ДЕТСКИЕ ГОДЫ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МЕРКУЛА ПРАОТЦЕВА)» (1874)**

Данная работа посвящена исследованию роли онимной лексики в реализации зооморфного кода в повести Н.С. Лескова «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874). Рассматриваются способы введения зоонимов, антропонимов с зооморфным компонентом в пространство художественного текста. Выявленные антропонимы являются полифункциональными, выполняют текстообразующую и сюжетообразующую функции. Анализируются образы животных и их символическое значение, раскрываются механизмы формирования ассоциативных связей с антропонимами. Выявлен и описан бытий и его инфернальная семантика в реализации идейного замысла повести. Особое внимание уделяется выявлению культурных коннотаций, закрепленных за описанными видами животных. Рассмотренные антропонимы в комбинации с зоонимами конституируют культурно-ассоциативное пространство текста, участвуя в реализации идейно-художественного замысла повести. Полученные результаты исследования позволяют понять, как Н.С. Лесков подходил к выбору имен для своих персонажей, расширить представления об особенностях его ономастической системы.

Ключевые слова: антропоним, орнитоним, зооним, языковая картина мира, Н.С. Лесков, зооморфный код, «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874)

V.V. Vyazovskaya

Voronezh State University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

**"...A REMARKABLE PHENOMENON IN NATURE":
ZOOMORPHIC COMPONENT OF ANTHROPOONYMS
IN N.S. LESKOV'S STORY "YEARS OF CHILDHOOD
(FROM MERKUL PRAOTCEV'S MEMORIES) " (1874)**

This work is devoted to the study of the role of onymic vocabulary in the implementation of the zoomorphic code in the story of N.S. Leskov's "Years of childhood (From Merkul Praotsev's Memoirs)" (1874). This article examines the methods of introducing zoonyms and anthroponyms with a zoomorphic component into the space of a literary text. The identified anthroponyms are multifunctional, performing text-forming and plot-forming functions. Animal images and their symbolic meaning are analyzed, and the mechanisms of forming associative links with anthroponyms are revealed. The bestiary and its infernal semantics in the implementation of the ideological concept of the story are identified and described. Particular attention is paid to identifying the cultural connotations assigned to certain species of animals. The considered anthroponyms, in combination with zoonyms, constitute the cultural-associative space of the text, participating in the implementation of the ideological and artistic concept of the story. The obtained results of the study allow us to understand how N.S. Leskov approached the choice of names for his characters and expand our understanding of the features of his onomastic system.

Keywords: anthroponym, ornithonym, zoonym, linguistic picture of the world, N.S. Leskov, zoomorphic code, Years of childhood (From Merkul Praotsev's Memoirs)" (1874)

Культура и творчество писателя тесно взаимосвязаны: писатель транслирует через свое произведение культурный код, который является собой совокупность смыслов, определяющих

собой мировосприятие нации, к которой он принадлежит. По словам М.Е. Ковшовой, «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [Ковшова 2008 : 60]. Эти «коды культуры кодируют древнейшие архетипические представления» [Красных 2002 : 232], поэтому обращение к ним «даст возможность приблизиться к решению таких фундаментальных для современной гуманитарной науки задач, как описание языковой картины мира, выявление особенностей национального менталитета и национального мировидения» [Гудков 2004 : 42].

К понятию зооморфного кода обращаются такие ученые-лингвисты, как Д.Б. Гудков, В.В. Красных, В.Н. Телия и др. [Гудков 2004; Красных 2002; Телия 1988; Холоменко 2023]. Зооморфный код является одним из базовых лингвокогнитивных инструментов, позволяющих человеку осмысливать и вербализовать свой опыт проживания в мире [Нагорная 2017 : 57]. Согласимся с В.А. Нагорной, которая предлагает признать использование образов животных общекультурной и общеязыковой универсалией, так как взаимодействие с животными является неотъемлемой частью жизненного опыта человека независимо от его национальной принадлежности [Нагорная 2017 : 57].

Рост работ по изучению зооморфного кода в языке художественной литературы подтверждает неиссякаемый интерес ученых к заявленной проблеме [Левина 2016; Скуридина 2025; Вязовская 2025; Иваньшина 2011; Холоменко 2023]. В связи с этим представляется не безынтересным проследить, как реализуется зооморфный код в художественном наследии Н.С. Лескова.

В творчестве Н.С. Лескова выделяется группа текстов, заглавия которых ассоциативно связаны с природным миром: «Продукт природы» (1893), «Голос природы» (1883), «Белый орёл» (1880), «Загон» (1893), «Леон дворецкий сын. (Застольный хищник)» (1886), «Заячий ремиз» (1894), «Зверь» (1883), «Овцебык» (1863), «Павлин» (1874), «Чертогон» (1879). Достаточно частотны антропонимы персонажей с зооморфическим компонентом: Иван Аквильябов («Белый орёл» (1880), Овцебык и Глафира Мухина («Овцебык» (1863), Афанасий Петух («О петухе и о его детях. Геральдический казус» (1884), Павлин Певунов («Павлин» 1874), Илья Журавка («Обойденные» (1865), Сила Крылушкин («Житие одной бабы (Из гостомельских воспоминаний)» (1863), Андрей Перушкин («На ножах» (1871), Петр Грайворон и Мефодий Червев («Захудальный род» (1874) и др.

Проследим, как функционируют данные онимы в повести Н.С. Лескова «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева» (1874). «Этот мальчишка – какое-то замечательное явление в природе» [Лесков 1957 : 282] – такую характеристику получит Меркул Праотцев от своего отца. В мировосприятии Меркула Праотцева образы природного мира, в частности животного, становятся мерилом происходящих с ним событий. Рассуждая о разнообразии человеческих характеров, он выделяет особую категорию людей, «задумчивых философов с зародышем червя в беспокойном, вдали засматривающем воображении» [Лесков 1957 : 300]. Здесь реализуется метафора «червя сомнения»: «червяк забрался в мою душу» и «вывел меня на одну торную дорогу, к глубочайшему раздору с собою и с миром» [Лесков 1957 : 436]. Меркул, попав в нелепую романтическую ситуацию, выходом из которой, по его мнению, может быть только уход в монастырь, скликает: «Мне пора в тот затон, куда я, как сказочный ерш, попал, исходив все океаны и реки и обив все свои крылья и перья в борьбе с волнами моря житейского» [Лесков 1957 : 326]. Затон как образ монастыря в данном случае отсылает к тихой, лишенной волнений жизни мирской.

Смыслом существования Меркула Праотцева является поиск собственной «тропы»: «Куда бы ни было, но только туда, где бы встретить жизнь, ошибки и тревоги, а не мораль, вечную мораль добродетели и забот о своем совершенстве [Лесков 1957 : 435]. «Я был странный путник» – так называет себя Меркул на склоне своих дней. Эта идея жажды жизни и беспрестанного движения задана в имени героя: Меркул восходит к «Меркурий» (лат.

Mercurius) – имени древнеримскому богу – покровителю путешественников и проводнику в царство мертвых [Суперанская 2005 : 157]. Путешествие, путь, лабиринт, лента, тропа, развивающаяся хартия – всё это характеристики течения жизни этого героя. Встречается на пути Праотцеву и *путеводное божество* в виде целовальника, к которому обязан зайти молодой человек, и «путеводный ангел в Товии на картине Ари Шефера». Ключевые моменты своей жизни Меркул называет «путевыми проступками» или «поворотами», которые и определили в конечном счете его последнее пристанище в «монастырской ограде» [Лесков 1957 : 250]. Будучи сам искателем, Меркул «узнаёт» черты путешественника и в других персонажах: своего извозчика он иронично именует *Улиссом*. Этим латинским именем называли известного странника Одиссея, героя одноименной поэмы Гомера.

Крылатые сандалии и шлем – атрибуты Меркурия – актуализируют идею свободы в перемещении, которая реализуется через птичью семантику в тяге Меркула к свободе выбора своего жизненного пути. Недаром Меркул сравнивает себя с «птичкой, которую выпустил из клетки ребенок и которая на первой же кровле попала в лапы хищной кошки» [Лесков 1957 : 294]. Орнитологическая лексика поддерживает образ Меркула Праотцева: сравнения с цыпленком, орлом, восприятие семьи как птичника, обсуждение рисунка евангелиста Иоанна с орлом у плеча и др. Мать Меркула, осознав губительность чрезмерной опеки над сыном, напишет в своем прощальном письме: «Мое счастье развязать ему крылья и благословить его полет, искупив свое самовластие над собою карою, какой буду заслуживать» [Лесков 1957 : 449]. Кличка Меркула «верхолёт» указывает не только на его опрометчивость, она ассоциативно связана с верхом – небом, которое определяет жизнь этого персонажа, посредством него он воспринимает происходящее: «Киево-печерская вершина – это русская ступень на небо»; поиск защиты у неба – «устремляя очищенный слезами взгляд на небо с непоколебимою верою, что для меня будут отверсты сферы наивысшего и наичистейшего счастья»; о Великой России – «страна «неба, елей и песку»; благородство человека Меркул определяет через эпитет «небесный»: «небесный образ» (матери), «ее небесные черты», «исполненные небесной кротости глаза моей прекрасной матери», сравнение – «как небо голубые глаза».

«Покровительство» бога Меркурия проявилось уже с первых дней жизни Меркула, когда тот повис на оконном подоконнике и был чудесным образом спасен. Именно в тот момент и начинается его жизнеописание: «Очнулся в описанном положении, между небом и землею, откуда и начинался ряд моих воспоминаний» [Лесков 1957 : 282]. Странник по имени *Павлин* предсказал Меркулу, что тут будет храним ангелом на протяжении всей жизни: «А плод, богу предназначенный, он ангелом заповест сохранить во всех путях, и на руках его возьмут, и не разбиятся» [Лесков 1957 : 282]. Имя странника *Павлин*,озвучное зоониму *павлин*, связано с Меркулом посредством орнитологической семантики: Меркурий/птицы крыльшки на шлеме и сандалиях/птица павлин.

Связь с богом Меркурием как проводником душ в царство мёртвых актуализируется в погружении Меркула в состояние летаргии – «сон, видение или картина» [Лесков 1957 : 443], «потерял в моем сознании меру времени и связь событий». Он перебирается ночью через реку в усадьбу антика Кротова («прелестный уголок», богаче и красивее Петергофа) и там происходит встреча, которая коренным образом меняет его жизнь – он обретает свободу от опеки матери и определяется с выбором в пользу служения искусству. Усадьба Кротова символизирует собой идеально место – подобие рая, в котором герой обретает себя.

Антропоним владельца усадьбы трехчастный: *Павел Дмитриевич Кротов*. В основе фамилии *Кротов* лежит зооним «крот» – животное, лишенное зрения и обитающее под землей. Здесь прослеживается ассоциативная связь с усадьбой Кротова, которая скрыта от людей и недоступна никому для посещения. Имя *Павел* образовано от лат. *paulus* малый; греч. *Paulos* [Суперанская 2005 : 172] и имеет отношению к локусу – усадьбе как пространству, имеющему определенные границы. Отчество *Дмитриевич* поддерживает семантику фамилии через связь с землей: *Дмитриевич* < *Дмитрий* от греч. *Demetrios* относящийся к Деметре –

богине земли и плодородия [Суперанская 2005 : 84]. Отметим, что сам Кротов оказывается скрытым от глаз Меркула: Меркул так и не смог застать его в усадьбе и не встречался с ним впоследствии. Антропоним персонажа через локус – усадьбу – актуализирует архетип матери-сырой-земли, которая и дает новый толчок к жизни Меркула: он вдыхает живительный аромат, которым наполнено пространство усадьбы. Неслучайно, спутник Праотцева, попав в усадьбу, также питается силой земли: «А воздухец кушаю: вы разве не чувствуете, какой воздух? ведь это, батенька, почкой пахнет, а в почке весь эликсир жизни» [Лесков 1957 : 441]. Таким образом, усадьба Павла Дмитриевича Кротова – своеобразный образ рая, найденный Меркулом, где тот и обретает предназначенный ему путь в монастырь.

Н.С. Лесков вводит в текст зоонимы с общеизвестными коннотациями в русской культуре: например, скотина, свинья, собака, которые формируют у слушателя историю Меркула заведомо «отталкивающее впечатление» [Лесков 1957 : 368]. Так, называя своего товарища по фамилии *Волосатин* «скотинкой», Меркул акцентирует его основную черту характера – подлость. Камердинер генерала и все его окружение имеют яркие зооморфические черты: «камердинер Иван с узким лисьим лицом» [Лесков 1957 : 368], псы – чиновники, приносящие взятки.

Н.С. Лесков в некоторых случаях при создании образа персонажа использует комбинацию онимов разных типов: например, зоонима и мионима. Семья генерала-взяточника Льва Яковлевича наделяется одновременно чертами свиньи (кабана) и лошади: отец – огромный запеченный сальнистый окорок, «не говорил по-человечески, а только как-то отпыхивался и отдувался, напоминая то свинью, то лошадь» [Лесков 1957 : 369], его дочери – меньшие окорочки. Внешнее сходство членов семьи генерала друг с другом выражается через сравнение их с грибами: «Из всех этих отрождений Льва Яковлевича я не мог никого отличить одного от другого: все они были точно семья боровых грибов, наплодившихся вокруг дрябнувшего матерого боровика. Все они были одной масти и одного рисунка – все одинаковы и ростом, дородством, лицом, красотою; все были живые друг друга подобия: одни и те же окорочные фигуры, и у каждого та же самая на светлых местах коричневая сальнистая зачкоченность» [Лесков 1957 : 369].

Отчество генеральши и ее сестры – *Фоминишина* углубляет это подобие: Фоминишина восходит к личному имени *Фома*, имеющим арамейск. происхождение: *te'oma* «близнец» [Суперанская 2005 : 226]. Отметим, что существует омоним этого имени – гриб *фома* «рхома», вызывающий формоз у растений, который проявляется в виде больших коричневых пятен [Биологический энциклопедический словарь : 1986]. Возможно, Н.С. Лесков встречал название этого гриба и использовал при создании отчества свояченицы генерала. Возникшая при этом полисемантичность антропонима является характерной чертой для ономастикона этого писателя [Вязовская 2024 : 61]. Итак, сходство персонажей выражается посредством комбинации смыслов мионима и зоонима, при этом следует отметить значимость фонетического созвучия рассматриваемых единиц: *боровик* / *боров* (*кабан*), которая служит усилинию эффекта звероподобности семьи генерала. Зооморфизм генерала и его дочерей, одна из которых оказывается шестипалой, реализует инфернальную семантику этого семейства: «Дом с каким-то огненным трясением во всех окнах, его псы, сумрачные жиды, а особенно его низенький камердинер Иван с узким лисьим лицом и широким алчным затылком – все это производило во мне отталкивающее впечатление» [Лесков 1957 : 368]. В итоге Меркул опасается движущихся людских теней, более чем собак, охраняющих дом генерала. Значимой в формировании темного начала этой семьи является семантика имени свояченицы генерала Меланы Фоминишины: Меланья от греч. *Melane* «чёрная» [Суперанская 2005 : 315]. Неслучайным является внимание Меркула к именам, которыми генерал называет членов своей семьи: «большую жену «мокробиотикой», старшую дочь «уродом», а свояченицу «чертовой перечницей» и другими сему подобными лестными кличками» [Лесков 1957 : 388], которые можно отнести к ономастиконау представителей преисподней.

Таким образом, зооморфный код в повести Н.С. Лескова «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874) представляет собой систему вербализации, в которой онимная лексика конституирует социально-культурные и исторические смыслы. Изучение роли ономастических единиц в зооморфном коде художественного текста позволяет понять не только идеально-художественный замысел произведения, но и вскрыть глубинные основы индивидуально-авторской картины миры.

Библиографический список

1. Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров. М.: Советская энциклопедия, 1986. 831 с. // <https://gufo.me/dict/biology/фома> (дата обращения: 09.07.2025)
2. Вязовская В.В. Ономастика Н.С. Лескова в филологической науке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 59-64.
3. Вязовская В.В. Орнитоморфная специфика антропонима главного героя романа Н.С. Лескова «Обойдённые» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 1 (56). С. 30-39.
4. Гудков Д.Б. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С.39-50.
5. Иваньшина Е. А. Орнитологический код памяти в творчестве М. А. Булгакова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitologicheskiy-kod-pamyati-v-tvorchestve-m-a-bulgakova> (дата обращения: 19.10.2025).
6. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 60-65.
7. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 282 с.
8. Левина Г. Л. Инфернальная семантика компонентов архетипического комплекса в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина: к постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2016. №3 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infernalya-semantika-komponentov-arhetipicheskogo-kompleksa-v-skazke-o-tsare-saltane-a-s-pushkina-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 09.09.2025).
9. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 5. 636 с.
10. Нагорная А. В. Образы животных в дискурсе внутрителесных ощущений // Языковой образ в коммуникации. 2017. №2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-zhivotnyh-v-diskurse-vnutelesnyh-oschuscheniy> (дата обращения: 09.09.2025).
11. Скуридина С.А. Зооморфная свадебная символика апеллятивно-онимного единства в произведениях Ф.М. Достоевского // Ономастический вестник. 2025. № 2 (2). С. 31-36.
12. Скуридина С.А. Зооморфные наименования в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // В сборнике: Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сборник научных статей. Витебск, 2025. С. 297-30.
13. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
14. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 175 с.
15. Холомеенко О. М., Туник А. И. Зооморфный культурный код в русской лингвокультуре (на материале художественных текстов) // Вестник ННГУ. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnyy-kulturnyy-kod-v-russkoy-lingvokulture-na-materiale-hudozhestvennyh-tekstov> (дата обращения: 04.09.2025).
16. Холомеенко О.М., Сарыева М. М. Концептуальная метафора как средство выражения культурных кодов в художественном тексте // Universum: филология и искусствоведение. 2023. №9 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metafora-kak-sredstvo-vyrazheniya-kulturnyh-kodov-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 04.11.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вязовская Виктория Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка как иностранного для
предвузовского этапа обучения
Воронежского государственного университета,
SPIN-код: 1362-8699,
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

Vyazovskaya Victoria Viktorovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Russian
as a Foreign Language for Pre-University
Studies
Voronezh State University
SPIN-code: 1362-8699,
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

M.B. Новикова

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: litra.novikov@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ЛИЧНЫХ ИМЕН ГЕРОЕВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА Ш. БЕЙКЕРА «АНОРА» (2024)

В настоящей работе рассматривается ономастическая парадигма личных имен героев фильма Ш. Бейкера «Анора» (2024). Автором отмечается семантическая маркированность онимов, вступающих в культурно-ассоциативные связи. Исследуется значение онима и его способность участвовать в создании образов героев, в построении художественного нарратива, что помогает лучше понять художественные замыслы Ш. Бейкера. Особое внимание уделяется анализу онима, стоящего в заглавии картины, – *Анора*. В ходе анализа раскрывается, как имена героев становятся средством создания многослойного повествования, подчеркивающего сложность внутреннего устройства мира. Результаты исследования показывают, что ономастическая парадигма является одним из ключевых элементов формирования зрительского восприятия и эмоциональной связи с персонажами, что подтверждает глубину режиссерского замысла и оправданную популярность кинокартины.

Ключевые слова: антропоним, личное имя, «Анора», Анора, Эни, Иван, Ваня, Игорь, оним.

M.V. Novikova

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: litra.novikov@yandex.ru

THE SPECIFICS OF PERSONAL NAMES OF THE CHARACTERS IN THE FEATURE FILM «ANORA» BY S. BAKER (2024)

In this paper, we consider the onomastic paradigm of the personal names of the characters in S. Baker's film "Anora" (2024). The author notes the semantic labeling of onyms that enter into cultural-associative relationships. The author examines the meaning of the onym and its ability to participate in the creation of images of characters, in the construction of an artistic narrative, which helps to better understand the artistic ideas of S. Baker. Special attention is paid to the analysis of the name in the title of the painting, Anor. The analysis reveals how the names of the characters become a means of creating a multi-layered narrative that emphasizes the complexity of the internal structure of the world. The results of the study show that the onomastic paradigm is one of the key elements in the formation of audience perception and emotional connection with the characters, which confirms the depth of the director's idea and the justified popularity of the film.

Keywords: anthroponym, personal name, "Anora", Anora, Eni, Ivan, Vanya, Igor, onym.

21 мая 2024 года на 77-м Канском кинофестивале комедийно-драматический фильм «Анора» американского режиссёра и сценариста Шона Бейкера получил «Золотую пальмовую ветвь». Кинопродукт был очень восторженно воспринят критиками и стал одним из самых кассовых среди работ Ш. Бейкера. Фильм получил пять статуэток из шести в номинации на «Оскар» и был пять раз номинирован на «Золотой глобус». В чем же кроется успех этого кинопродукта?

Очевидно, что за острожетной линией скрывается множество подтекстов, которые можно раскрыть через художественные детали, портреты самих героев, интерьер, но особое внимание стоит уделить ономастическому коду картины, поскольку он заложен даже в самом названии фильма. В центре ономастической парадигмы стоит имя главной героини – *Анора*. Однозначной трактовки этого имени нет, но важно учесть, что этимологические версии, ука-

зывающие на персидское или арабское происхождение женского антропонима, связывают его с апеллятивами «свет», «тепло», «блестящая», «светлая» [Электронная энциклопедия имен Кавказа]. Предложенные трактовки непосредственно обыгрываются в характере героини, хотя на первый взгляд это может показаться странным, поскольку девушка является работником секс-индустрии и на протяжении всего фильма активно отказывается принимать имя, полученное при рождении, заменяя его английским вариантом – Эни. Она объясняет это тем, что так удобнее существовать в той социальной реальности, частью которой она стала, но за этим фактом кроется отказ от корней, что, действительно, представлено в фильме: героиня находится в плохих отношениях со своей семьей, ее путь к столь безнравственной профессии, очевидно, продиктован не только жаждой быстрого обогащения, но и проблемами в семье.

В этом контексте можно увидеть связь образа норы с образом Сонечки Мармеладовой из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Однако если Соня всячески борется за сохранение своей души, то Эни становится той героиней, которая, отказавшись от имени, пытается стереть в себе любые проявления морально-нравственного начала. Их отношения с богатым и избалованным русским мажором Иваном, строятся исключительно на материальной выгоде, но все резко начинает меняться с вмешательством родителей Ивана в их союз. В финальных сценах мы видим не Эни, готовую продавать себя за деньги, органично существующую в парадигме американского социума, а именно Анору, девушку в которой горит внутренний свет, которая борется за человеческие права. Именно она пытается объяснить всем, что их связь с мужем продиктована не только ее желанием обогатиться, а в их союзе есть нечто большее. Она отчаянно борется за Ивана и надеется, что он тоже сможет отстоять их отношения.

Если оним *Анора* начинает реализовываться через поведение героини только под конец фильма, то, гардеробный код работает на образ почти с самого начала. Экстравагантные мини-платья, вплетенные в волосы блестящие ленты, сверкающие кольца в ушах – все это суррогатный свет, именно так героиня пытается свой светлый образ, диктуемый семантикой имени Анора, заменить синтетическим блеском, удобным для Эни. Это видно в самых первых сценах, когда девушка приходит к Ивану. «На фоне зимних улиц наряд кричит о желании быть замеченной, а контраст голубого платья и ало-белого белья в сцене у Вани дома – о скрытом напряжении, которое героиня пытается преодолеть» [Гусева 2025]. В ней постоянно ведется борьба между желанием светиться изнутри, быть самой собой и страхом непринятия, поэтому она вновь и вновь выбирает быть блестящей внешне. Эта же идеяная линия раскрывается посредством такой детали гардероба, как норковая шуба, которую героиня получает, выйдя замуж за Ваню. Сначала шуба – это символ роскоши, той жизни, к которой она стремилась, а затем, героиня, кидает эту шубу родителя Вани, тем самым показывая, что она приходит к себе настоящей, к Аноре, этот поступок и есть символ внутреннего свечения, обретения нравственного начала, путь принятия себя.

Об этом же свидетельствует и красный шарф, которым сначала ей завязывают рот, пытаясь подавить отчаянное физическое сопротивление девушки, а затем Игорь отдает ей этот шарф, чтобы она не замерзла, и он становится символом внешней защиты, как и все те блестящие наряды, о которых говорилось ранее, но в финале она кидает этот шарф в лицо матери Ивана, обнажая себя настоящую.

Интересно, что, по одной из версий, имя *Анора* в тюркском языке происходит от «плода граната», «гранатового дерева» [Электронная энциклопедия имен Кавказа], которое рассматривается как древо познания добра и зла: «Гранат – плод, который вкусила библейская Ева. Пресловутое яблоко – это историческая аберрация, связанная с позднейшим неправильным греческим переводом» [Шафранска 2024 : 191] Так, гранатовое дерево становится символом познания жизни и самой себя. Если же обратится к греческой мифологии, а именно сюжету, связанному с Аидом и Персефоной, то гранатовые зерна могут быть рассмотрены как символ обмана при заключении брачных отношений: «Аид отправил Персефону к матери, но дал вкусить ей насилино зёрнышки граната, чтобы Персефона не забыла царство смер-

ти и снова вернулась к нему» [Мелетинский 1991 : 430]. С подобным обманом мы сталкиваемся и в союзе Аноры с Иваном, она видит в нем опору, шанс изменить свою жизнь, рядом с богатым мужем, Анора верит, что предложение, сделанное Иваном, – это его осознанный взрослый выбор. Но, к сожалению, он такой же потерянный, как и она, не способный противостоять родителям, но решившийся на бунт через союз с эскортницей. Этот брак лишь миф, но через него Анора наконец-то приходит к себе, чего нельзя сказать об Иване.

Обращаясь к ониму *Иван*, также можно открыть множество дополнительных подтекстов: «Иван, -а, м.; стар. Иоанн <...> Ваня, Ванюша <...>. Др.-евр. имя Ishanan, Ichöhänan – Яхве (бог) смилиостивился, Яхве (бог) помиловал» [Словарь русских личных имен 1966 : 118]. На первый взгляд, можно было бы подумать, что Иван предстает милостивым благодетелем, который спасает Анору, беря ее в жены, дает ей шанс на новую жизнь. Кажется, что реализуется сказочный мотив истории Золушки, но по ходу развития сюжета мы понимаем, что это вовсе не так. Ивану самому нужен тот, кто будет его спасать, помогать формировать в нем независимую целостную личность. Оним *Иван* раскрывается скорее через культурологическую трактовку имени: «Иван – символическое русское имя, в него народ вложил свое представление о себе самом со всеми противоречиями,исканиями и мечтами» [Чехонацкий 2013: 113]. Если обратиться к русским народным сказкам, то перед нами будет контаминация Ивана-царевича и Ивана-дурака, богатого, но совершенно не приспособленного к жизни героя, который в финале снова выходит сухим из воды. Как отмечает Р.М. Иванов: «Иванушка-дурачок не могуч, и не красавец, да еще и дурак. Неказистый, смешной, нелепый, глупый, покорный жестоким и злым людям, но всегда преодолевающий все препятствия и беды» [Иванов 2024 : 349]. Таков и главный герой кинокартины, глупый, испорченный богатством юноша, находящийся во власти своих родителей и являющийся заложником их доходов. В этом их ключевое отличие с Анорой: если она в конце кинокартины ломает парадигму товарно-денежных отношений, то Иван так и остается ее заложником. В завершении фильма родители аннулируют брак сына, спасают его от позорной участи, но этого ли хотел сам Иван? Его союз с Анорой – это протест против них, а не истинная любовь, но счастливым финал является только для его родителей, он же продолжает быть заложником их решений. В этом отношении оним *Иван* раскрывается даже не через призму образов сказочных героев, а скорее через культурологический код: «Наиболее часто в «неантропонимической» функции выступает имя Иван. Оно может означать «русский человек, русский народ», а также «простой человек, человек из простонародья, простак» [Рылов 2006 : 259]. Иван, действительно, простак, но не по происхождению, а именно по миропониманию. Поэтому Анора называет его Ваня, производным диминутивом от имени *Иван*. «Данная форма имени, как правило, присуща детям, это простой человек, как ребенок (Ваня, Ваня – простота, сел на лошадь без хвоста, сел задом наперед и поехал в огород)» [Татарникова 2013 : 25] Таковым и является герой картины, ребенком, не сумевшим повзросльть и нести ответственность за свои поступки, только едет он не в огород, а за границу, пьет, употребляет наркотики, ведет развратный образ жизни. На протяжении всего фильма он кажется Аноре Иваном-царевичем, и только в конце, когда им все же удается поговорить, она понимает, что он настоящий простак Ваня.

Анора и Иван не видят друг друга настоящими, обманываются, желая видеть то, что им нужно: Иван жаждет суррогатно светящуюся Эни, а не страдающую, но духовно светлую Анору, а героиня видит богатого Ивана-царевича, а не русского бесхарактерного Ваньку.

Единственным героем, который безошибочно считывает подлинное значение онимов кинокартины в самом фильме становится Игорь. Именно он заводит разговор с Анорой о происхождении ее имени, ниже приводится текст их диалога:

Игорь: Анора мне нравится больше, чем Эни.

Анора: Сказал придурок по имени Игорь, дурацкое имя.

Игорь: Нет, хорошее имя, оно значит воин.

Анора: Игорь – значит горбатый чудила.

Игорь: А твое имя лучше?

Анора: Нет

Игорь: Что оно значит?

Анора: В Америке это никому не интересно, здесь у имени нет значения, Просто имя.

Игорь: (гуглит в телефоне значение имени и зачитывает) Это значит плод граната, светлая, яркая.

Анора: Чувак, мне не хочется об этом говорить [«Анора» (реж. Ш. Бейкера, 2024)]

Игорь единственный, кто видит Анору настоящей, он замечает в ней внутренний свет и понимает, что она намеренно его подавляет, как мы уже писали ранее, пытаясь соответствовать тому обществу, в котором живет и чьи правила приняла. В контексте этого разговора интересно обратить внимание на интерпретацию имени Игорь. Сам герой идентифицирует его как война, по одной из версий «имя имеет скандинавское происхождение от слова «вар» и означает «войнство, сила» [Литвина, Успенский 2013 : 115]. По сюжету Игорь выступает не воином, а скорее преступным элементом, которого нанимают для решения личных проблем. Однако уже с самого начала становится понятно, что герой не будет предавать свои взгляды на жизнь ради денег, он помогает расторгнуть брак Аноры с Иваном, но это связано не с желанием получить гонорар за оказанные услуги, а с его собственным мнением в необходимости этого действия. В одном из диалогов он говорит Аноре: «Это хорошо, что ты не стала частью этой семьи» [«Анора» (реж. Ш. Бейкера, 2024)].

С первых минут Игорь видит, с кем имеет дело, он пытается поддерживать Анору, давая ей шарф на улице, чтобы она не замерзла, укрывает ее в самолете, пока она засыпает, и особенно символичен финал, он сохраняет ее обручальное кольцо и отдает ей его, когда привозит домой. Он не выступает открыто против семьи Ивана, но внутренне он воинственно настроен именно к ним, а не к этой потерянной девушке. Игорь постоянно упоминает свою бабушку, добрые отношения с которой являются противопоставлены стремлению Аноры абстрагироваться от родных: Игорь он не просто не забывает своих корней, он гордится ими. Именно крепкие преемственные связи делают его мощной, фундаментальной фигурой во всей кинокартины.

Интересно и то, что, говоря о значении имен, Анора связывает его имя с «горбатым уродом», это отсылка к американской анимационной комедии 2008 года. «Действие в картине происходит в вымышленной стране Малерия, где каждый учёный стремится создать нечто ужасающее, чтобы продемонстрировать своё превосходство на ежегодной Ярмарке Ужасных Достижений. Главный герой, Игорь, служит у доктора Гли肯штейна и мечтает однажды представить своё изобретение на Ярмарке. Он создаёт из человеческих останков огромное чудовище женского пола, которое называет Евой. Однако вместо ожидаемого монстра перед ним предстаёт добродушная и нежная особа, мечтающая стать актрисой» [«Игорь» (реж. Энтони Леонидес, 2008)]. Важно, что в этой стране все приспешники злодеев носят имя *Игорь*, это типизированный образ уродливых слуг зла, но только у одного из них находится интеллект и сила духа выйти из тени своего хозяина и из чего-то ужасного создать духовно красивое. Сюжет мультипликации абсолютно синонимичен действиям киноленты. Игорь, который тоже является якобы приспешником зла и помогает плохим людям вершить зло, оказывается духовно богатым человеком, который способен увидеть свет Аноры, бесхребетность Вани и деспотическую силу и злость его семьи. Именно Игорь окончательно ломает парадигму творческих-денежных отношений в голове Аноры. Когда он отдает ей кольцо, она решает, что должна заплатить за оказанную услугу интимной близостью, но Игорь обнимает ее, и дает понять, что он это сделал бескорыстно, что он видит в ней Анору-сияющую, сильную личность, которая намеренно подавляет себя, погружаясь во мрак социального дна. Таким образом, оным *Игорь* реализует спектр ассоциативных значений: он и мультипликационный «горбатый урод», и воин, противостоящий злу, борец за правое дело.

Как видим, ономастикон комедийно-драматического фильма «Анора» способствует раскрытию его идейного содержания. Режиссер дал героям личные имена, обладающие бога-

тым семантическим потенциалом, который реализуется благодаря существованию разных трактовок, связанных с вариативностью источников происхождения имен, а также с их возможностью транслировать ассоциативные значения.

Библиографический список

1. «Анора» (реж. Ш. Бейкера 2024) [Электронный ресурс]. URL: https://hd.kinopoisk.ru/film/17cee64de8a34309892b79925bc9582f?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения – 10.10.2025).
2. Иванов, Р. М. Имя Иван — символ русского человека // Юный ученый. 2024. № 3 (77). С. 347-352.
3. «Игорь» (реж. Энтони Леонидес, 2008) [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/bb041b86a485eb2ac7f23a8be71c587a/> (дата обращения – 10.10.2025).
4. Гусева Э. Страсти Аноры : почему вызывающее платье обнажает не только ее тело, но и страхи/The day.ru, 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://the-day.ru/moda/strasti-anory-pochemu-vyzyvayushie-platya-obnazhayut-ne-tolko-ee-telo-no-i-strakhi/?ysclid=mhhluq16dp597656030>] (дата обращения – 10.10.2025).
5. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М.: ПОЛИМЕДИА, 2013. 280 с.
6. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва : Сов. энцикл., 1991. 736 с.
7. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: Курс лекций по межкультурной коммуникации. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 311 с.
8. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., изд-во «Сов. Энциклопедия», 1966. 384 с.
9. Татарникова О. Н. Разговорная форма имени Иван в пословицах и поговорках // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 30. С. 23-28.
11. Чехонацкий И.А. Культурная информация в самом типичном русском мужском имени Иван // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2013. № 2. С. 113-113.
10. Шафранская Э.Ф. «Мир – это гранат»: межкультурная символика райского плода // Журнал фронтовых исследований. 2024. Т. 9, № 2(34). С. 188-204.
11. Электронная энциклопедия имен Кавказа [Электронный ресурс]. URL: <https://imenakavkaza.ru/imena/anora/> (дата обращения – 10.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Новикова Марина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации
Воронежского государственного технического
университета,
SPIN-код: 5770-7411
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Novikova Marina Vladimirovna,
candidate of Philology, Associate Professor of
the Department of Russian Language and Intercultural Communication
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5770-7411
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

E.B. Липатова

Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова

(Республика Узбекистан)

e-mail: lipatova-yevgeniya@mail.ru

ПОЭТИЗАЦИЯ ТОПОНИМА САМАРКАНД

Представлена попытка рассмотреть понятие «поэтизация топонима», связанной с развитием дополнительной семантики у топонима, который пропадает в границы художественного текста; осмысляется топоним Самарканд в аспекте его отражения в этнокультурном сознании с учетом законов языковой номинации и мышления человека; приводится этимология топонима Самарканд.

Ключевые слова поэтическая ономастика, художественная речь, топоним, Самарканд, этимология, поэтизация.

E.V. Lipatova

Samarkand State University named after Sharof Rashidov

(Republic of Uzbekistan)

e-mail: lipatova-yevgeniya@mail.ru

POETIZATION OF THE TOPOONYM SAMARKAND

An attempt is presented to consider the concept «poetization of a toponym» associated with the development of additional semantics in a toponym that disappears within the boundaries of the literary text; the toponym Samarkand is comprehended in the aspect of its reflection in the ethnocultural consciousness, taking into account the laws of linguistic nomination and human thinking; the etymology of the toponym Samarkand is given.

Keywords poetic onomastics, artistic speech, toponym, Samarkand, etymology, poetization.

Многие географические названия именуют веками и тысячелетиями существующие города, к числу таких относится и топоним Самарканд. Город, сохраняющий свое первоначальное название на протяжении трех тысячелетий, вызывает особый интерес, поскольку топоним с течением времени обретает дополнительную оценочную характеристику, и в пределах художественного текста подвергается процессу поэтизации.

В развитие поэтической ономастики как самостоятельной науки значительный вклад внесли видные ономатологи: В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский, Ю.А. Карпенко, Г.Ф. Ковалев, Е. Курилович, Б. Магазаник, В.Н. Михайлов, В.А. Никонов, С.А. Скуридина, А.В. Суперанская, А.В. Суслова, В.С. Супрун, В.Н. Топоров, О.И. Фонякова, О.И. Фонякова и др.; лексикографы О.С. Отин, Н.А. Петровский, Н.В. Подольская, П.М. Тупиков, О.Н. Трубачёв, Б.О. Унбегаун, М. Фасмер; философы А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский; лингвисты-историки С.Б. Веселовский, Л.В. Успенский и другие.

Издревле Самарканд был известен своим экономическим, политическим и, безусловно, культурным наследием. Этот топоним воспевался многими русскими творческими личностями, например, Анной Ахматовой, для которой воспоминания о поездке в Самарканд до болезни в декабре 1942 года (лежала в больнице в Ташкенте) ёмко отразились всего в двух строчках: это город-рай, в котором цветут розы.

А умирать поедем в Самарканд
А умирать поедем в Самарканд,
На родину предвечных роз...

Поэтические тексты позволяют и автору, и читателю по-своему осмыслять и интерпре-

тировать топоним, связывая с ним поэтические ассоциации, например:

Мерцай же ярче, звезда
Над Самаркандом родным...
...всю жизнь буду гордиться,
Что в Самарканде посчастливилось родиться.
Тамерлана столица, утопает в садах ...
...Сердцу моему ты неизменно дорог,
Любимый город, по-прежнему красив и молод.
песня узбекского сценического артиста Shodi «Самарканд»
Сказка волшебная, предо мной Самарканд,
Как тебя я люблю, город мой, Самарканд!
...Вкусный плов, лепешки, ночи дивные,
Дорогие улицы старинные.
Не разделят нас дороги длинные –
Ты всегда со мной, любимый Самарканд!
строки из песни «Самарканд» артиста Sher-xan
Самарканд, опаленный солнцем,
Город, где нет подлости и зла.
Здесь родился я когда-то,
Это родина моя».
(строки из песни узбекской артистки Насибы Абдуллаевой)

Приведенные поэтические тексты несут информацию об исторических фактах – это Тамерлана столица, географические сведения («Самарканд, опаленный солнцем, город...»). В pragматическом аспекте мы видим Самарканд в описаниях, характерных для этой местности: «по-прежнему красив и молод», «улицы старинные», «опаленный солнцем». Поэтизация топонима принимает формальное видение и формы, создавая особый ассоциативный ряд: Самарканд – это всегда тепло и сытно. Восточная культура отражается прежде всего в культурологическом и природном богатстве этого города.

Одной из основополагающих характеристик Самарканда была весть о его богатстве и изобилии: «Так изобилен и богат этот город и его земля, что просто удивительно. А за это богатство он и был назван Самарканте, а его настоящее имя Симес-кинт, что значит Богатое селение, так симес означает у них большой, а кинт – селение, и отсюда пошло название Самарканте» [Камолиддин 2022: 92].

Восприятие Самарканда основано на специфической восточной культуре, проникнутой исключительностью: «вкусный плов», «лепешки», «ночи дивные», «улицы старинные».

Символический уровень топонима «Самарканд» воспринимается через поэтическую образность. Это «Тамерлана столица», «любимый город», «неизменно дорог», «всю жизнь буду гордиться», «посчастливилось родиться», «не разделят нас дороги».

Кроме того, Самарканд представляется как город такого уровня, что сопоставим лишь с мечтой – «сказка волшебная», «ты всегда со мной».

Таким образом, топоним Самарканд может быть представлен с научной, ментальной [Щербак 2022] и поэтических сторон. Для топонимики среднеазиатских стран большую роль играют не только исторические, лингвокультурологические, но и аксиологические сведения.

В пространстве художественного текста топонимы всегда обладают некоей суммой новых знаний. В процессе чтения в сознании человека происходит поэтизация онимов и их интерпретация, которая обеспечивается не только номинативной функцией онимов, но и появляющемуся вторичному понятийному содержанию, поэтому любое имя собственное в художественной речи становится оценочным маркером.

Топонимические лексемы располагают обширной информацией в лингвистическом аспекте и в большей степени, чем имена нарицательные, соотнесены с энциклопедическими знаниями, которые объективированы именно контекстом употребления.

При определении этимологии топонима «Самарканд» ученые предлагают различные точки зрения. Так, ранние упоминания о Самарканде можно обнаружить в персидских, тюркских, арабских источниках. Например, Захириддин Мухаммад Бабур, основатель Империи Великих монголов, в труде «Бабур-наме» прилагает следующую этимологию названия Самарканд: «Самарканд построил Искандер; народы монголов и тюрков называют Семизкенд. Темур-бек сделал Самарканд столицей» [Бабур-наме 1992: 79].

Рассматривая согдийскую топонимику на основе исторических письменных источников, П.Б. Лурье отталкивается от историко-лингвистических данных и исследует топонимы с точки зрения способов образования (в частности, суффиксального), учитывая этимологические сведения о происхождении тех или иных топонимов [4]. П.Б. Лурье приводит этимологию Самарканда из китайских источников первых веков: «Из них только Самуцзянь, р.-ср.-кит. Sa-muât-kien «Самарканд» и Сицзань, р.-ср.-кит. Siei-kien «Ахсикат», столица Ферганы, являются бесспорными» [Лурье 2004: 90]; из согдийских источников: «sm'rknd-h ... опять же, Самарканд, столица Согда» [Лурье 2004: 92].

Следовательно, этимология топонима Самарканд затемнена. Это связано с тем, территория нахождения древнего города время от времени принадлежала различным народам и / или находилась в центре междоусобных и межгосударственных войн. «Восточные авторы предлагали ряд искусственных толкований, считая, что первая часть наименования «Самар» – собственное имя основателя или завоевателя города. ... Вторая часть слова – кент – означает «селение», «город». По другой версии, слово Самарканд означало «Каменный город» [Камолиддин 2006: 9].

Несмотря на то, что этимология топонима «Самарканд» однозначно не определена, данное географическое название принято считать тюркским, по-турецки означает «богатый город». И действительно, он был великим и богатым» [Камолиддин 2022: 91]. По всей вероятности, это связано со словообразовательными формантами, превалирующими в топонимах Средней Азии. Как отмечает П.Б. Лурье, «финали на -kath, -kat, -kand были самыми распространенными среди значимых формантов... Более того, финаль на -kand, -kant, пожалуй, наиболее узнаваемый маркер оронимов Средней Азии, достаточно вспомнить такие названия, как Ташкент, Самарканд, Чимкент, Яркенд, Пенджикент» [Маликов 2017: 88].

С лингвистической точки зрения, форманты, участвующие в образовании слов, семантически мотивированы. Мотивация обнаруживает не только вследствие перевода (как, например, «samar» – «большой», «kant» – «поселение»), но и в следствие глубоких, определенному кругу присущих культурных аспектов: «они имеют конкретный смысл для говорящего и наполнены своим особым содержанием» [Фролов 2005: 20]. Совершенно очевидно, что к лингвистическому и историческому осмыслиению названия присоединяется культурологический след. Согласно И.А. Мартыненко, топоним отражается в этнокультурном сознании с учетом законов языковой номинации и мышления человека [Мартыненко 2020: 147].

Безусловно, без исторического аспекта понимание топонима Самарканд невозможно. А еще невозможно его понимание без национального менталитета, видения народа, что становилось объектом и предметом исследования различных ученых, в частности охватывающих семиотический аспект.

Библиографический список

1. Бабур-наме. Записки Бабура / Перевод М. Салье. изд.2. Ташкент, 1992.
2. Камолиддин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии / Отв. ред. М. Исхоков. Ташкент: «Шарк», 2006. 192 с.

3. Камолиддин Ш.С. Топоним «Самарканд» по данным Абу Райхана Беруни и Махмуда Кашгари // Новейшие исследования по истории и истории культуры Согда в Узбекистане. Вып.10. 2022. С.89-95.
4. Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимики: дисс. ...к. филол. н. СПб, 2004. 305 с.
5. Маликов А. История Самарканда (с древних времен до середины XIV века). Т.1. Ташкент: Paradigma, 2017.
6. Мартыненко И.А. О целесообразности введения термина «когнитивная топонимика» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2020. - №3 (29). С.142-149.
7. Фролов Н.К. Избранные работы по языкоznанию: Тт. I-II. Т.2. Топонимика и этноНИмика. Тюмень, 2005.
8. Щербак А.С. Ментальные уровни в семантике топонима: Учкудук // Неофилология. 2022. Т. 8. №4. С.697-704.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Липатова Евгения Валентиновна,
преподаватель кафедры русского и общего
языкоznания Самаркандского государ-
ственного университета имени Шарофа
Рашидова
SPIN-код: 4768-8005
e-mail: lipatova-yevgeniya@mail.ru

Lipatova Evgenia Valentinovna,
lecturer at the Department of Russian and
General Linguistics, Samarkand State Univer-
sity named after Sharof Rashidov
SPIN code: 4768-8005
e-mail: lipatova-yevgeniya@mail.ru

A. С. Королева

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: mewithhoney@yandex.ru

АНТРОПОНИМЫ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В СЕРИАЛЕ В. МИРЗОЕВА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» (2024)

В статье исследуется роль антропонимов второстепенных женских персонажей в экранизации В. Мирзоева романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». На материале образов Аграфенушки, Прасковьи Павловны (Пашеньки), Катерины Ивановны и Марфы Петровны показано, как имена героинь превращаются в семантические коды, раскрывающие ключевые темы произведения: совесть, память, вину, моральный суд и искупление. По результатам исследования отмечается, что в адаптации Мирзоева второстепенные женские фигуры выходят за рамки традиционного «фонового» значения, обретая символическую глубину. Через анализ этимологии имён (греческие, латинские, славянские корни), их культурных и религиозных коннотаций, а также визуальных и диалогических контекстов сериала выявляется система смысловых связей, усиливающая философскую проблематику оригинала. Особое внимание уделяется тому, как ономастика взаимодействует с визуальным языком экранизации, превращая имена в инструменты эмоционального и морального воздействия.

Ключевые слова: сознание, память, вина, моральный суд, искупление.

A. S. Koroleva

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: mewithhoney@yandex.ru

ANTHROPOONYMS OF SECONDARY FEMALE IMAGES IN V. MIRZOEV'S SERIES "CRIME AND PUNISHMENT" (2024)

The article examines the role of anthroponyms (personal names) of secondary female characters in V. Mirzoev's screen adaptation of F. M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment». Through the analysis of the characters Agraferushka, Praskovya Pavlovna (Pashenka), Katerina Ivanovna, and Marfa Petrovna, the study demonstrates how their names function as semantic codes that reveal the key themes of the work: conscience, memory, guilt, moral judgment, redemption. According to the research findings, in Mirzoev's adaptation secondary female figures transcend their traditional "background" role, acquiring symbolic depth. By analysing the etymology of the names (Greek, Latin, and Slavic roots), their cultural and religious connotations, as well as the visual and dialogical contexts of the series, the research uncovers a system of meaningful connections that enhances the philosophical problematic of the original text. Special attention is paid to how onomastics interacts with the visual language of the adaptation, transforming names into instruments of emotional and moral impact.

Keywords: consciousness, memory, guilt, moral judgment, redemption.

В лабиринтах петербургских улиц, где тени прошлого переплетаются с муками настоящего, роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) продолжает сиять как маяк человеческой души, разрушаемый вопросами морали, вины и искупления. Этот текст, пропитанный философской глубиной и психологической напряженностью, не утратил своей актуальности спустя полтора века, находя новое воплощение в эпоху цифровых медиа и визуальных нарративов.

Сериал Владимира Мирзоева «Преступление и наказание» (2024) – дерзкий эксперимент, где режиссер, известный своими смелыми интерпретациями русской классики (например, «Борис Годунов»), переосмысливает образы второстепенных женских персонажей, превращая их из теней на периферии сюжета в яркие символы совести, памяти и моральной ответственности. Эти фигуры – Аграфенушка, Прасковья Павловна (Пашенька), Катерина

Ивановна, Марфа Петровна – становятся зеркалами внутренней драмы Родиона Раскольникова, отражая его борьбу с виной и поиск утраченной человечности.

Фокус на второстепенных женских образах не случаен. В традиционных прочтениях романа Ф.М. Достоевского и его экранизациях эти персонажи часто остаются в тени таких фигур, как Софья Семёновна Мармеладова и Авдотья Романовна Раскольникова, выполняя роль социального фона или катализаторов этических конфликтов. Однако в адаптации В. Мирзоева они обретают символическую мощь, становясь ключевыми агентами нарратива.

Особое значение приобретает женский антропонимикон, который способствует в сериале раскрытию культурных, исторических и лингвистических слоев, превращая имена в метафоры вины, совести и искупления. Антропонимы женских образов – это не просто идентификаторы, а семиотические коды, связывающие личные трагедии с универсальными темами. Визуальный язык сериала усиливает эту семантику, делая имена инструментами эмоционального и морального воздействия, что позволяет глубже понять, как экранизация переосмысливает классику.

В оригинальном романе Ф.М. Достоевского женские персонажи служат контрапунктом философским дилеммам Раскольникова, подчеркивая разрыв между его идеями и реальностью. В. Мирзоев, верный своему экспериментальному стилю, перестраивает их образы, интегрируя психоанализ, семиотику и визуальную поэзию. Антропонимический слой становится центральным: греческие, латинские и славянские корни имен *Аграфенушка*, *Прасковья Павловна*, *Катерина Ивановна* и *Марфа Петровна* усиливают их символическую роль, превращая каждую героиню в архетип. Цель настоящей статьи – рассмотреть антропонимикон второстепенных женских персонажей как семантически маркированную целостную систему, способствующую раскрытию темы совести, памяти и морального суда. В работе используются семиотический, психоаналитический и ономастический подходы, чтобы показать, как адаптация обогащает философскую глубину романа в контексте XXI века.

Образ Аграфенушки: ономастическая символика совести и зеркала вины. В сером ма-реве видений, где реальность растворяется в кошмарах совести, Аграфенушка возникает как хрупкий, почти призрачный силуэт, ставший одной из самых мощных фигур в системе второстепенных женских образов сериала В. Мирзоева. В отличие от романа Ф.М. Достоевского, где ее прототип – Наталья Егоровна Зарница, дочь хозяйки квартиры и несостоявшаяся невеста Раскольникова, – упомянута вскользь, в сериале ее трагедия утопления обретает визуальный и психологический размах. В. Мирзоев превращает эту девочку в символ утраченной невинности, внутреннего суда и моральной ответственности, используя ономастику как ключ к ее метафизической роли.

Наш анализ начинается с контраста имен, который подчеркивает режиссерский замысел. В оригинале имя Наталья (от латинского *Natalis* – «рожденная в радостный день», «благословенная» [Суперанская 2005 : 320]) несет бытовую и духовную конкретику. Это имя, распространенное в русском антропонимиконе XIX века (вспомним, например, жену А.С. Пушкина – Наталью Николаевну Гончарову), отражает земную природу героини, ее связь с миром людей и радостью, разбитой трагедией. Оно подчеркивает социальную реальность и усиливает контраст с утратой, напоминая о счастье, которого больше нет. В. Мирзоев же выбирает имя с богатой семантической палитрой – Аграфена, где каждый слой углубляет символику. По словарю А. Суперанской [Суперанская: 252], Аграфена – русский разговорный вариант имени Агриппина. Агриппина от лат. *Agrippina*; производное от римского родового имени Агриппа; согласно легенде, основатель этого рода родился вперёд ногами, откуда и получил своё имя. 6 июля (23 июня по старому стилю) православная церковь отмечает праздник Аграфены Купальницы, начало терпения. На Аграфену обязательно мылись и парились в банях, употребляя при этом для исцеления от болезней разные лечебные травы. Здесь можно и даже следует провести аналогию с другим женским образом Ф. Достоевского, несущим тоже самое имя – Аграфена, Грушенька (Братья Карамазовы). Именно Грушенька,

не отличающаяся чистотой своего поведения, должна была «исцелить» Дмитрия [Скуридина: 81]. Соответственно, выбор именно этого имени режиссёром не случаен. Аграфенушка В. Мирзоева также исцеляет Раскольникова. Кроме того, можно провести ассоциативный ряд - греческий корень (от αὐράφω – «некладная», «неприятная» создает трагический диссонанс: внешняя хрупкость и уязвимость контрастируют с внутренней силой совести, что делает Аграфенушку одновременно невинной и пугающей. Славянская интерпретация (от латинского *ager* – «поле», с ассоциацией «аграрного») укореняет ее в земле, доме и памяти, отсылая к фольклорным традициям, где такие имена символизируют привязанность к корням и утрату. Римская версия (производное от личного имени *Агринтина*, имени римских императриц, таких как Агриппина Младшая) добавляет архаическую глубину, намекая на античные мотивы власти, предательства и трагедии. Латинский вариант («горестная», от *agrum* в сочетании с идеей страдания) прямо отражает ее судьбу, превращая имя в ономастический маркер вины и морального суда.

Аграфена выходит за пределы реального мира, становясь эмблемой совести, живущей в видениях и воспоминаниях Раскольникова. Она не просто персонаж прошлого, а метафизический образ, существующий в особой сфере внутренней жизни героя. В ключевой сцене, после убийства старухи, Раскольников видит тринадцатилетнюю девочку на берегу серого моря, в белом платье, символизирующем чистоту. Их диалог – это не просто обмен репликами, а суд совести: «Идея была не глупее других». «Не глупее. Только больнее». «Я истязал тебя?» «Нет, Родя. Ты себя истязал». Кашель кровью, сопровождающий ее слова, – не просто визуальный штрих, а материализация страдания, физическое воплощение греха. Этот прием наследует лихорадочные сны и болезни Раскольникова из романа, но переводит их в визуальный язык: кровь становится эквивалентом внутреннего распада, а имя *Аграфена* усиливает трагедию как символ горя.

Позже, в эпизоде видения ночного блуждания Раскольникова по городу, он вновь видит её – уже не на берегу, а в пространстве, напоминающем кошмар: в мире нечисти, тьмы и распада. Здесь всё живое и мёртвое смешано; вещи теряют форму, люди становятся призраками. Герой встречает мужчину, произносящего слова, звучащие как приговор человечеству: «Планета наша не вечна, и человечеству – такой же мир, как тебе или мне. Всё однажды обнулится» [Сериал «Преступление и наказание» : 5 серия]. Эта реплика – философский центр картины, отражающий ощущение предела, к которому приходит Раскольников. Вечные идеи, ради которых он решился на преступление, теряют смысл в мире, обречённом на обнуление.

Дальше он встречает собаку, которая вместо лая произносит человеческим голосом: «Убийца». Эта сцена разрушает привычные границы восприятия: сама реальность обретает голос совести. Даже животные здесь становятся частью суда, который не имеет формы, но имеет смысл. Следом появляется гадалка с картами и произносит: «Погадать? «Карты не врут. У них заповедь». Она невольно становится вестником неумолимого нравственного закона. Её слова, отсылающие к заповеди «Не убий», нарушенной Раскольниковым, иронично подчёркивают тщетность его попыток оправдать преступление иллюзией свободы. Карты, беспристрастные и честные (они не могут врать), напоминают, что моральные принципы остаются вечными, несмотря на человеческие попытки их обойти.

И среди этого мрака, где всё говорит и всё осуждает, он вновь спрашивает: «Где Аграфенушка?». И тогда она появляется – снова в белом, словно вне времени, как постоянная часть его памяти. Аграфенушка возвращается как моральная константа, произнося слова, что звучат как евангельская истинна: «Блаженны плачущие, завидна участь растоптанных» [Евангелие от Матфея: 5:4]. Она не осуждает, а мягко возвращает героя к осознанию вины, выполняя роль совести, которая не отпускает. Исполнительница роли, Александра Бабаскина, наделяет героя прозрачностью: замедленные движения, взгляд, устремлённый в пространство души, превращают видение в психологический эксперимент, где зритель вместе с Раскольниковым оказывается на скамье подсудимых.

Кукла Аграфенушки в комнате Пашеньки становится связующим звеном между образами, подчеркивая, что совесть, даже застывшая в предмете, продолжает жить. Серия видений с Аграфенушкой выполняет ту же функцию, что сны Раскольникова у Ф.М. Достоевского: это зеркало страдания, неподвластное рационализации. Ее образ – синтез личного и метафизического, трагического и символического, где имя усиливает роль как посредника между героем и его потерянной человечностью. Аграфенушка возвращает Раскольникову способность чувствовать, сопереживать и осознавать последствия своих действий, становясь последним звеном, связывающим его с утраченной невинностью. Этот эфемерный мир Аграфенушки, где имя шепчет о горе, плавно перетекает в осозаемую реальность Прасковьи Павловны, чье имя, уходя корнями в греческую «Параскеву», обещает подготовку к очищению. Если Аграфенушка – видение совести, то Пашенька – ее воплощение в материальном мире, связывающее метафизику с бытом через поэзию пространства и эмоций.

Образ Прасковьи Павловны (Пашеньки): роль хранительницы памяти и морального якоря. В душной петербургской квартире, где каждый предмет пропитан памятью, Прасковья Павловна, или Пашенька, возникает как тихий, но мощный якорь в бурном море страстей героев сериала В. Мирзоева. Она не просто хозяйка квартиры, где Раскольников арендует комнату в форме гроба, а хранительница пространства, где материальное сплетается с духовным. Интерьер её пространства – чучела любимых кошек, фарфоровые фигурки, старые манекены и кукла Аграфенушки, спрятанная между платьями в шкафу, – это не просто декор, а семиотическая карта утраты, где каждый объект фиксирует невысказанные эмоции, связь с дочерью и хрупкость мира, в котором герои совершают свои поступки.

В романе Ф.М. Достоевского ее прототип – Прасковья Зарницына, вдова коллежского асессора, чья бытовая конкретика контрастирует с философскими муками Раскольникова. Имя Прасковья в романе отражает русскую традицию, ассоциируясь с простотой и повседневностью: в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина Прасковья Ларина — типичная провинциальная помещица, воплощение устоявшегося деревенского быта, семейных ритуалов и «привычки милой» ([Пушкин: глава 2, строфа VII]: «Привычка свыше нам дана: / Замена счастию она»), где её имя подчёркивает обыденность и преемственность русских нравов в противовес романтическим порывам Татьяны и Онегина; аналогично, в «Повестях Белкина» («Метель») Прасковья Петровна — заботливая «маменька» Мары Гавриловны, символ домашнего уюта и традиционного уклада, где имя усиливает мотивы простонародной судьбы и провинциальной идиллии. Но в сериале оно обретает сакральную глубину. Имя *Прасковья* (от греческого παρασκευή – «подготовка», «приготовление», «канун праздника» или «пятница», день духовного очищения в христианской традиции) [Суперанская: 329-330] несет символику подготовки к искуплению, отсылая к библейской традиции ожидания субботы как дня отдыха и очищения. В ономастическом контексте сериала это имя подчёркивает роль Пашеньки как фигуры, готовящей пространство для морального суда, соединяющей земное и сакральное. Она одновременно социальная фигура и хранительница глубинных структур памяти, где имя становится маркером ее двойственной природы.

Визуально Пашенька загадочна и притягательна: короткие темные кучерявые волосы с винным отливом, бордовый халат создают ауру интимности и чувственности. Теплые тона бордо и вишни – это не просто цвет, а психологическая метафора, глубоко связанная с символикой крови, которая в контексте сериала В. Мирзоева становится отражением страдания и вины. Бордовый и вишневый оттенки, напоминающие кровавые тона, намекают на внутренние раны и эмоциональную уязвимость, скрытые под её внешним контролем. Одежда согревает и защищает, подчеркивая её способность контролировать эмоциональный климат пространства, но эти цвета также отсылают к сценам, где кровь – будь то кашель Катерины Ивановны или намёк на трагическую гибель Аграфенушки – выступает как материальное воплощение греха и утраты. Этот контраст между декоративной «богатостью» интерьера и внутренней пустотой усиливает многослойность её образа, делая её одновременно земной и

символической, где теплота тонов скрывает мрачные ассоциации с кровью как знаком неизбежного морального судилища.

Диалоги Пашеньки с Разумихиным – это жемчужины психологической тонкости, где мудрость соседствует с одиночеством. В 9-й серии, в интимной сцене, Разумихин провозглашает: «Вы, Пашенька, ангел всепрощения... Плотское любовное слияние есть мистическое предчувствие всеобщего слияния в Боге, вот чего я искал всю жизнь и что нашел. Стену непонимания...» [Сериал «Преступление и наказание» : 9 серия] Пашенька отвечает лаконично, но с философской глубиной: «Вы, Дмитрий, не Бога искали, вы искали чудес» [Сериал «Преступление и наказание» : 9 серия]. Эта реплика – словно удар молнии: она отделяет мистику от эмоций, показывая границы духовных поисков Разумихина. Разумихин не очень верит в Бога. Он ищет его через доказательства – через чудеса. Но Христос учил, что вера сильнее чудес. Если вера хоть с ячменное зерно, то можно горы сдвигать. Требовать чуда – значит сомневаться, а не верить. Христос отказывался творить чудеса просто для доказательств. Он знал, что знание убивает веру, а вера живёт без доказательств.

Тот же смысл – в искушении в пустыне: дьявол просил Христа доказать, что он Сын Божий, совершив чудо. Христос ответил: не искушай Бога. Позже Достоевский покажет это в «Братьях Карамазовых»: Чёрт напоминает Ивану, как дьявол соблазнял Христа чудесами, властью, хлебом – чтобы люди поверили без веры. Пашенька видит: Разумихин ищет не Бога, а зрелица. А без веры – нет пути.

В 10-й серии прямота Пашеньки обнажает уязвимость: на его слова о лжи самому себе («Главное себе не лгать. Лгущий самому себе до того доходит, что никакой правды ни в себе, ни в ком не различает, а значит, входит в неуважение к себе и другим» [Сериал «Преступление и наказание» : 9 серия]) она отвечает: «Ты меня бросаешь?» [Сериал «Преступление и наказание» : 9 серия]. Эта фраза – знак непосредственного чувства, противопоставленного философской абстракции, – подчеркивает ее роль как эмоционального и морального фильтра.

Комната Пашеньки – семантический лабиринт: чучела кошек символизируют контроль и наблюдение прошлого, манекены и куклы – застывшее время. Она оживляет это пространство, превращая его в моральную лабораторию, где разворачиваются конфликты героев. Кукла Аграфенушки, как эхо предыдущего образа, связывает их в единую систему памяти и вины.

Взаимодействие Пашеньки с мужчинами – баланс дистанции и эмпатии. Через диалоги с Разумихиным, проводником эмоционального опыта, грешным развратником, она зеркалит моральное давление, ее слова – молчаливый суд над его противоречиями. Психоаналитически она – фигура «застывшей памяти», якорь для Раскольникова и Разумихина. Ее объекты – визуальные метафоры совести, передающие плотность утраты и морального испытания.

Пашенька – это не просто хозяйка, а психологически насыщенный образ, где имя подчеркивает подготовку к очищению. Она – зеркало героев, хранилище морального порядка, посредник между прошлым и настоящим, создающий эффект литературной и визуальной многослойности.

От музейной тишины Пашеньки, где имя обещает очищение, путь ведет к бурному вихрю Катерины Ивановны, чье имя как символ чистоты воплощает борьбу в действии, завершая триаду ономастических символов совести и вины.

Образ Катерины Ивановны: символика нравственной стойкости и социальной уязвимости. В вихре уличных танцев, слез раскаяния и яростной защиты слабых Катерина Ивановна, воплощенная Викторией Толстогановой, предстает как буря эмоций в сериале В. Мирзоева. Жена Мармеладова, мать троих детей и мачеха Сони, она в романе Достоевского – фон морального выбора, но здесь – символический вихрь, где бытовая драма перерастает в эпос сострадания и стойкости. Имя *Катерина* (от греческого *katharos* – «чистота», «благопристойность») [Суперанская: 284] несет многослойный смысл. В русской традиции, связанной с мученицей Екатериной Александрийской, оно символизирует мудрость и стойкость

перед страданиями. В сериале это имя – маркер внутренней чистоты, контрастирующей с хаосом внешнего мира и моральной неопределенностью окружения. Оно подчеркивает ее способность защищать Соню, сохранять достоинство и направлять падчерицу, несмотря на физическое и эмоциональное истощение.

Визуально Катерина Ивановна – театр эмоций: множество косичек в прическе – хаос под контролем, румяна на щеках – знак внутреннего напряжения, яркая одежда – вызов серости мира, бедности и тягости жизни. Финальное белое платье, залитое кровью во время приступа чахоточного кашля, – символ физической жертвы и духовного очищения, в данной сцене визуальный язык сериала предельно красноречив.

Психологически Катерина Ивановна – вулкан эмоций: раскаяние за путь Сони, слезы при встрече с ней после первой ночи «работы» выражают боль и ответственность. На поминках Катерина Ивановна яростно защищает падчерицу от осуждения: «Ни один из вас не стоит и мизинца Сони» [Сериал «Преступление и наказание» : 6 серия]. В бреду она называет Раскольникова и Лужина своими благодетелями. Ждет от Лужина помощи, а именно пенсии, говоря, что он был знаком с её первым мужем и даже был родственником ее отца. Это, несомненно, говорит в ней лихорадка. Героиня уже не помнит себя, но старается держаться ради детей, ради Сони. Когда Порфирий Петрович в компании Лебезятникова является на поминки, чтобы обвинить Соню в воровстве, Катерина Ивановна бросается на защиту падчерицы. Она ищет помочь в лице всех присутствующих, но никто не торопится отстоять честь девушки. Героиня верит в невиновность и чистоту своей подопечной, ведь Соня всю себя, последнее отдала ради других. Даже найдя ту самую злополучную купюру, она кричит о невиновности Сони и плачет от счастья, когда Лебезятников рассказывает правду о мерзком плане Лужина. Жертвенное, чувственное, трогательное материнское начало вперемежку с сумасбродством не могут оставить равнодушным зрителя сериала. Это образ простой, измученной жизненными обстоятельствами и задушенной лихорадкой женщины становится своеобразным протестом прогнившему, лицемерному обществу.

Уличная сцена неуклюжих танцев, песен с детьми и просьбы милостыни вызывают ощущение двойственности. Находясь в ужасном состоянии, ощущая унижение от обстановки, героиня вспоминает как когда-то танцевала в платочке у губернатора, говорит что дети её благородные. Она понимает в какой грязи находится, но её бессознательное пытается отстраниться, нарисовать другую картину.

Эти эпизоды рисуют женщину, которая в отчаянии поддерживает моральный порядок.

Смерть на бегу в белом платье, залитом кровью после последнего кашля, вызванного чахоткой, – кульминация: любовь и стойкость как сила и причина гибели. Катерина Ивановна – совокупность трагедии и активности, а семантика имени, связанного с чистотой, усиливает ее сострадание. Визуальный ряд и поступки Катерины Ивановны создают образ женщины, чья стойкость и ответственность сияют до последнего вздоха.

Образ Марфы Петровны Свидригайловой: символика власти, контроля и морального парадокса. В холодном свете роскошного дома, где каждый предмет говорит о богатстве и контроле, Марфа Петровна Свидригайлова, исполненная утонченной грации и скрытой иронии, предстаёт как фигура власти, чья судьба трагически подчёркивает хрупкость её иллюзий. В романе Ф.М. Достоевского она – богатая помещица, выкупившая своего мужа Аркадия Свидригайлова из долговой тюрьмы, властная, но эмоционально уязвимая, чья смерть открывает ему путь к новым порокам. В сериале В. Мирзоева её образ обретает новую глубину: она – манипулятор, обладательница особого брачного договора и жертва собственных амбиций, чьё имя и действия раскрывают парадокс контроля и моральной амбивалентности. Имя Марфа (от арамейского **מִתְּהָרָת** Марта – «госпожа», «хозяйка» [Суперанская: 314]) в русской традиции ассоциируется с властностью, практичностью и домовитостью. В контексте сериала оно подчёркивает её роль как хозяйки не только дома, но и судьбы Свидригайлова, где она выстраивает их жизнь через необычный брачный договор. Исторически имя *Марфа*

отсылает к фигурам вроде Марфы Посадницы, новгородской правительницы, чья власть была связана с политической манипуляцией, что добавляет оттенокластной женственности.

В антропонимом плане имя *Марфа Петровна* становится символом контроля, который оборачивается трагической уязвимостью, отражая её двойственную природу как госпожи, чья власть не спасает от гибели.

Визуально Марфа Петровна – воплощение холодной элегантности. Её движения выверены, речь отточена, а манера держаться в сценах подготовки к дню рождения – от хлопот о еде (учитывая запрет на острое для мужа) до выбора цветов (с учётом его аллергии на лилии) – подчёркивает её роль хозяйки и любящей жены, контролирующей каждый аспект быта. Эта демонстрация заботы, однако, пронизана иронией, особенно в сцене с Дуней в спортзале, где Марфа Петровна с издёвкой замечает её неловкость, понимая суть её интимной связи с мужем. Её образ в спортзале или на террасе – это сочетание аристократической сдержанности и внутренней силы, скрывающей глубокую рану от осознания измен мужа.

Психологически Марфа Петровна – парадокс: властная и уязвимая, манипулятор и жертва. В сцене после обнаружения трупа служанки Мари в бассейне её реакция – смесь иронии («Какое несчастье, и в такой день» [Сериал «Преступление и наказание» : 1 серия]) и pragmatizma («Надо будет воду в бассейне поменять» [Сериал «Преступление и наказание» : 1 серия]) – раскрывает её способность дистанцироваться от трагедии, сохраняя контроль. Её намёк на причастность Свидригайлова к смерти Мари («Несчастная любовь») – это не обвинение, а игра, подчёркивающая её знание о его пороках и готовность закрывать на них глаза ради сохранения брачного договора. Этот договор, о котором она рассказывает Дуне на террасе, становится центральным элементом её образа: «Я выкупила его из долговой тюрьмы... Заплатила 30 тысяч сребреников и привезла его домой как драгоценность. Но вам вряд ли известно, что мы заключили контракт, который исполняем неукоснительно» [Сериал «Преступление и наказание» : 1 серия]. Упоминание сребреников – отсылка к библейскому предательству Иуды, намек на её собственное ощущение предательства, несмотря на внешнюю уверенность. Её слова о «великом уважении» мужа, который честно признался в невозможности верности, звучат как попытка рационализировать боль, превращая её в иллюзию контроля.

Сцена на дне рождения, где Марфа Петровна публично сжигает брачный договор в камине, провозглашая его конец, – кульминация её иллюзии свободы. Этот жест кажется актом великодушия, но в действительности обнажает её уязвимость. На следующее утро, в бассейне, она становится жертвой мужа, который душит и топит её, – трагический финал, где вода, ранее загрязнённая трупом Мари, становится местом её собственной гибели. Ее смерть подчёркивает тщетность мнимого контроля.

Диалог между Марфой Петровной и Аркадием Свидригайловым в сцене видения, где она появляется как призрак, подслушивая разговор Сони и Раскольникова, становится одной из ключевых сцен, раскрывающих её символическую роль. Этот эпизод, пропитанный иронией и философской глубиной, подчёркивает её функцию морального судии, но с характерным цинизмом, отличающим её от других женских персонажей сериала. Полный текст диалога выглядит следующим образом:

Марфа Петровна (с сарказмом): Что, Аркадий Иванович, душегуб душегубу товарищ и брат? Поздравляю, снохались! Эх, Аркадий Иванович, что же вы без меня делать-то станете? Пропадёте вы без меня. Идея бессмертия у нас протухла. А без неё самоубийство неизбежно. Даже необходимо. Но не для всех, конечно. Кому интеллект позволяет подняться над скотами... Тут забавный парадокс. Только перспектива вечной жизни привязывает нас к земле.

Свидригайлов: А я уж грешным делом думал наоборот: чего уж дорожить этой жизнью, когда её так много? Она и тут, и там, и на том свете.

Марфа Петровна: Ошибка, ошибка, друг мой. Если есть бессмертие, есть разумная цель. Хотя бы понятно, зачем мы тут мучаемся. А без этой веры всё превращается в абсурд и

балаган. Связи человека с землёй рвутся, как гнилые нитки, если нет высшего смысла. Не проще ли убить себя и концы в воду?

(Она закрывает ему глаза со спины, усиливая ощущение его моральной слепоты.)

Этот диалог – не просто метафизическое размышление, а многослойный текст, где Марфа Петровна выступает как голос совести, но с уникальной интонацией, отличающей её от хрупкой Аграфенушки или сострадающей Катерины Ивановны. Начальная реплика («душегуб душегубу товарищ и брат?») – саркастический укол, который подчёркивает её знание о преступлениях Свидригайлова и его духовном родстве с Раскольниковым. Слово «снюхались» добавляет оттенок циничной иронии, словно она высмеивает их попытки оправдать свои грехи. Слово «снюхались» употребляется не случайно. Элемент олфакторного кода для Ф. Достоевского был очень важен [см. об этом: Зыхановская, Деханова, Скуридина]. Эта фраза также отсылает к её роли в жизни Свидригайлова: она всегда знала о его пороках, но предпочитала контролировать их через договор, а не осуждать.

Дальнейшие слова о «протухшей идее бессмертия» и самоубийстве раскрывают её как фигуру, размышляющую о смысле жизни и моральной ответственности. Она говорит о парадоксе: вера в бессмертие, по её мнению, придаёт жизни цель, удерживая человека от падения в «абсурд и балаган». Это отголосок философии Ф.М. Достоевского, где отсутствие высшего смысла ведёт к нигилизму и саморазрушению. Однако её тон не наставнический, а насмешливый, что делает её совестью с привкусом цинизма, контрастирующей с чистотой Аграфенушки. Ответ Свидригайлова («чего уж дорожить этой жизнью, когда её так много?») выявляет его нигилистическую позицию, а её возражение («Ошибка, друг мой») подчёркивает её роль как морального корректора, который видит его заблуждения, но не предлагает спасения.

Финальный жест, когда она закрывает ему глаза со спины, – мощный визуальный символ. Он отражает его моральную слепоту и неспособность увидеть последствия своих действий, а также её собственную роль как призрака, который не может изменить его, но продолжает напоминать о вине. Этот диалог, пропитанный символикой её имени («хозяйка», контролирующая даже в загробной жизни), подчёркивает её как фигуру, которая манипулирует, но не спасает, усиливая трагический парадокс её власти.

Марфа Петровна – фигура власти, которая пытается удержать контроль над хаосом страстей, но становится его жертвой. Она – зеркало пороков Свидригайлова, одновременно отражающее его зависимость от неё. Через диалоги, визуальные образы и ономастику сериал раскрывает её как символ контроля, который оборачивается трагедией, усиливая тему вины и морального суда. Её образ дополняет систему женских персонажей, где Аграфенушка воплощает совесть, Пашенька – память, Катерина Ивановна – сострадание, а Марфа Петровна – власть, которая рушится под тяжестью собственных иллюзий.

В сериале В.Мирзоева «Преступление и наказание» второстепенные женские образы – Аграфенушка, Прасковья Павловна, Катерина Ивановна и Марфа Петровна Свидригайлова – сплетаются в сложную симфонию, где ономастика становится ключом к раскрытию тем совести, вины и моральной ответственности. Эти персонажи, часто остающиеся на периферии в традиционных интерпретациях романа Ф.М. Достоевского, у Мирзоева обретают символическую мощь. Их анализ оправдан не только их недооценённостью в литературной и кинематографической традиции, но и уникальной ролью, которую они играют в усилении философской глубины оригинала через визуальный язык и ономастические коды.

Аграфенушка, с её именем, шепчущим о горе и утрате, воплощает метафизическую совесть, возвращая Раскольникова к осознанию вины через призрачные видения. Прасковья Павловна, чьё имя несёт сакральный оттенок подготовки, становится хранительницей памяти, где её комната – это музей утраты и морального суда. Катерина Ивановна, с её

ономастической чистотой, олицетворяет борьбу и жертвенность, защищая слабых в хаосе социальной нищеты. Марфа Петровна, с её именем «хозяйки» и «камня», символизирует власть и контроль, которые рушатся под тяжестью её собственных иллюзий, становясь трагическим зеркалом пороков Свидригайлова. Вместе эти образы создают многослойную систему, в которой ономастика усиливает визуальную и психологическую глубину сериала, превращая второстепенных героинь в ключевых агентов нарратива.

Адаптация В.Мирзоева демонстрирует, как классика может эволюционировать в современном визуальном медиуме, сохраняя философскую глубину Ф.М. Достоевского и обогащая её современным видением социальных проблем режиссером. Имена героинь становятся мостом между текстом XIX века и экраном XXI века, подчёркивая вечность вопросов о вине, совести и искуплении. Как видим, переосмыслиенные женские персонажи, в результате чего некоторые из них даже получили другие имена, в экranизации являются не только идентификаторами, но и культурными кодами, раскрывающими глубинные смыслы. Сериал В. Мирзоева напоминает нам, что даже второстепенные персонажи через призму их имен, могут стать проводниками к пониманию человеческой природы, где каждый выбор и каждое слово оставляют след в вечной борьбе за смысл. Ономастические нити вплетаются в ткань нарратива, в результате чего имена становятся ключом к душе героев и вечным темам Ф.М. Достоевского.

Библиографический список

1. Агеева З.М. Фёдор Достоевский. Болезнь и творчество. М.: Алгоритм, 2016. 110 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Электронный ресурс]. М.: Художественная литература, 1972. 470 с. URL: https://imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf?ysclid=mhbwsvniqs874344575 (дата обращения: 29.10.2025).
3. Бессонова А.С. Даровое Достоевского в архивных документах Русского географического общества // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10, № 2. С. 196–223.
4. Деханова О.А. Отражение ольфакторной культуры XIX века в произведениях Ф.М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 68–90.
5. Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1 / редкол.: В.Е. Вацуро, Н.Ф. Гей, Г.А. Елизаветина и др.; вступ. ст., сост. и comment. К.И. Тюнькина; подгот. текста К.И. Тюнькина, М.К. Тюнькиной. М.: Художественная литература, 1990. 623 с.
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман в 6-ти частях с эпилогом. Л.: Художественная литература, 1977. 456 с.
7. Гроссман Л.П. Достоевский [Электронный ресурс]. М.: ЛитРес, 2012. 287 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007504372/ (дата обращения: 29.10.2025).
8. Зыховская Н.Л. Ольфакторная поэтика: запахи в художественных текстах. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 150 с.
9. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С. 19–23.
10. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
12. Мирзоев В. Преступление и наказание [Электронный ресурс] // Кинопоиск. 2024. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/5028535/> (дата обращения: 29.10.2025).
13. Ономастика Русского Севера: учеб. пособие к спецкурсу / Е.Н. Варникова, Е.Н. Иванова, Н.В. Комлева, С.Н. Смольников (отв. ред.). Вологда: Легия, 2012. 72 с.

14. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»): монография. Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.
15. Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3 (17). С. 41–46.
16. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: монография [Электронный ресурс]. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2022. 283 с.
17. Скуридина С.А., Новикова М.В. О некоторых лексических единицах ольфакторного кода романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 187–190.
18. Суперанская А.В. Современный словарь личных имён: сравнение, происхождение, написание [Электронный ресурс]. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с. URL: <https://azbyka.ru/deti/wp-content/uploads/2018/04/superanskaja-sovremennyj-slovar-lichnyh-imen.pdf> (дата обращения: 29.10.2025).
19. Френденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста, справочно-науч. аппарат, предисл. и послесл. Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Королева Алина Сергеевна
студентка 1 курса магистратуры
Воронежского государственного
технического университета,
e-mail: mewithhoney@yandex.ru

Koroleva Alina Sergeevna
1st year master's student,
Voronezh State Technical University,
e-mail: mewithhoney@yandex.ru

Н.Б. Бугакова

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

E-mail: ya_witch@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ СМЫСЛОВЫХ ОТТЕНКАХ БИБЛИОНИМОВ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ А. ПЛАТОНОВА

Исследование направлено на рассмотрение библионима произведения А. Платонова «Неодушевленный враг» с целью выявления семантического потенциала. Отмечается, что писатели часто стремятся передать реалии военных действий, показать влияние войны на человеческую жизнь и сознание, исследовать моральные и этические дилеммы, возникающие в условиях вооруженного конфликта, в связи с чем военная литература является важным источником понимания исторических событий, культурного наследия и человеческого опыта, связанного с войнами. Этим обусловлена актуальность аннотируемой работы. В ходе исследования автор приходит к выводу, что структура библионима соответствует распространенной в ономастической лаборатории писателя модели образования онимных единиц *прилагательное+существительное*. Употребление эпитета *неодушевленный* обусловлено отсутствием у врага души, его «механичностью». Враг лишен человечности, превращен в безликую злую силу. Кроме того, полагаем, употребляя такой библионим, писатель отражает дух времени, поскольку представление врага как неодушевленной силы позволяло воспринимать войну как борьбу с абстрактным злом, освобождая сознание солдата от необходимости думать о враге как о равноправном участнике конфликта; таким образом, советские воины боролись не с людьми, а с общим негативным началом, угрожавшим безопасности страны и нации. Отметим также еще одну особенность модели ономастического творчества А. Платонова, реализованную в рассматриваемом рассказе: употребление профессионального для обозначения героя, более точно, чем антропоним, определяющего персонаж.

Ключевые слова: А. Платонов, библионим, семантический потенциал, произведения о войне.

N.B. Bugakova

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: ya_witch@mail.ru

ON SOME SEMANTIC TONE BIBLIOGRAPHICAL NAMES OF A. PLATONOV'S MILITARY PROSE

The research is aimed at examining the biblionym of A. Platonov's work "The Inanimate Enemy" in order to identify the semantic potential. It is noted that writers often seek to convey the realities of military operations, to show the impact of war on human life and consciousness, to explore the moral and ethical dilemmas that arise in armed conflict, and therefore military literature is an important source of understanding historical events, cultural heritage, and human experience related to wars. This determines the relevance of the annotated work. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the structure of the biblionym corresponds to the model of adjective+noun onymic units, which is common in the writer's onomastic laboratory. The use of the epithet "inanimate" is due to the enemy's lack of a soul and its "mechanical" nature. The enemy is devoid of humanity and has been transformed into a faceless, evil force. Additionally, we believe that by using this biblionym, The writer reflects the spirit of the times, as the perception of the enemy as an inanimate force allowed the war to be seen as a struggle against abstract evil, freeing the soldier's mind from the need to think of the enemy as an equal participant in the conflict. Thus, Soviet soldiers were not fighting against individuals but against a common negative force that threatened the security of the country and the nation.

Keywords: А. Платонов, библиография, semantic potential, works about the war.

Художественные тексты, посвященные историческим событиям, занимают важное ме-

сто в литературе; особое внимание уделяется произведениям, посвященным военной тематике, войне и связанным с ней событиям, переживаниям и опыту участников боевых действий. Военная литература охватывает широкий спектр жанров и форматов, включая художественную прозу, поэзию, мемуары, дневники, исторические исследования и документальные произведения. Основные темы произведений на военную тематику включают описание сражений, героизм солдат, трагедию войны, психологические аспекты военного опыта. Писатели часто стремятся передать реалии военных действий, показать влияние войны на человеческую жизнь и сознание, исследовать моральные и этические дилеммы, возникающие в условиях вооруженного конфликта, в связи с чем военная литература является важным источником понимания исторических событий, культурного наследия и человеческого опыта, связанного с войнами.

Цель предлагаемого исследования – выявление семантического потенциала библионима рассказа «Неодушевленный враг», который относится к военной прозе А. Платонова. Известно, что за плечами писателя было две войны – «в юности он участник Гражданской, в зрелом возрасте – Великой Отечественной» [Хрящева 2022 : 101]. Накопленный опыт позволил писателю осмысливать эти события истории и отметить, что война имеет трагические последствия «несбывшейся жизни убитых на войне» [Платонов 2000 : 314], потому что убивают «не одни тела, а души» [Платонов 2000 : 314], а существование оставшихся в живых искажено: их души опустошены.

Относительно времени написания рассматриваемого рассказа существуют разные точки зрения. По некоторым данным, он был создан писателем «в конце 1941 года, так как уже в марте 1942-го он был переправлен в Москву, о чем свидетельствует письмо А. Платонова П.А. Трошкину от 06.03.1942, в котором писатель сообщает, что «Неодушевленный враг» уже отослан Владимиру Елагину, редактору журнала «Дружные ребята»» [Хрящева 2022 : 101]. Е.А. Яблоков помечает создание рассказа 1943 годом [Яблоков 1999]. Отметим, что затрудненная датировка платоновских произведений – распространенное явление в творческой лаборатории писателя. В предисловии к первому тому собрания сочинений встречаем подтверждение нашей точки зрения: «Лишь в последние годы стала вырисовываться одна из существенных проблем издания произведений Платонова – датировка текста. В исследовательских работах и посмертных изданиях произведения писателя чаще всего датировались по году их прижизненной публикации, что не всегда точно. Приблизительная датировка сопровождала и произведения, не публиковавшиеся при жизни писателя. В этой ситуации ошибки в датировках доходили от двух-пяти лет до десятилетия. За небольшим исключением (вторая половина 1920-х гг.), рукописи А. Платонова не датированы; порой писатель мистифицировал дату написания» [Бугакова 2023 : 101]. Полагаем, что подобные особенности целостного восприятия творчества писателя обусловлены той ситуацией, которая складывалась вокруг его текстов на момент их создания, когда они вызывали многочисленные острые дискуссии вокруг своего появления [Бугакова 2023 : 101]. «Уточнение даты создания «Неодушевленного врага» важно, так как определяет понимание связи необычной образности с осмысливанием случившейся катастрофы как социально-исторического явления, имеющего «вечные» корни», – считает Н.П. Хрящева [Хрящева 2022 : 101].

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем обстоятельством, что платоновские библионимы недостаточно изучены [см.: Бугакова 2024]; предлагаемое исследование призвано восполнить образовавшийся пробел.

Библионим *неодушевленный враг* представляет собой подчинительное словосочетание, образованное по типу связи согласование. Такая модель распространена в ономастической лаборатории писателя. Включенная в состав библионима лексема *враг*, в соответствии с данными словарей, обозначает, в частности, человека, борющегося за иные, противоположные интересы, противника [Большой толковый словарь современного русского языка 2007]. Примечательно употребление эпитета *неодушевленный*: традиционно человек представляется

одушевленным, т.е. имеющим душу. Однако для писателя враг не имеет души: соответственно сюжету рассказа, герои встречаются «в промежуточном пространстве боя» [Платонов 1985], оказавшись вместе «под землею» [Платонов 1985]; повествование ведется от первого лица, и герой, русский солдат, описывает, как во время боя «воздушной волной от разрыва фугасного снаряда я был приподнят в воздух, последнее дыхание подавлено было во мне, и мир замер для меня, как умолкший, удаленный крик. Затем я был брошен обратно на землю и погребен сверху ее разрушенным прахом» [Платонов 1985]. Жизнь героя «ушла из сердца и оставила темным мое сознание» [Платонов 1985], однако она не покинула его, поскольку «укрылась в некоем тайном, может быть последнем, убежище в моем теле» [Платонов 1985]. Очевидно, писатель сообщает, что жизнь находит «убежище в душе» [Хрящева 2022 : 104], выделяя таким образом «из трех ипостасей человека как образа и подобия Творца … душу, спасающую и охраняющую жизнь» [Хрящева 2022 : 104] и обращая внимание на то обстоятельство, что у русского солдата душа есть, в отличие от солдата немецкого, который «создан не землей, искусственно» [Платонов 1985]. В результате этого запах немца «химический, мертвый» [Платонов 1985]; на это обстоятельство обращает внимание герой рассказа: «от Вальца пахло не так, как от русского солдата, – от его одежды пахло дезинфекцией – и какой-то чистой, но неживой химией» [Платонов 1985]. Советский солдат, в отличие от немца, пахнет «обычно хлебом и обжигаю овчиной» [Платонов 1985]. Таким образом, мы можем говорить об особенном «русском духе», которым обладает и по которому идентифицируется русский человек (отметим здесь аллюзии к «Лукоморью», части поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», где есть строки «Там русский дух… там Русью пахнет!» [Пушкин 2022]). О русском духе как об одном из модусов русского менталитета говорит С.Б. Токарева, сообщающая, что русский менталитет «в качестве модальной целостности проявляет себя через три основных модуса: смысловой, концептуализацией которого выступает русская идея; субъектный, «схватываемый» через концепт «русская душа»; энергийный, выражаемый через концепт «русский дух» [Токарева 2024 : 43]. Под русским духом исследователь понимает объективированную форму энергии носителей «русскости» [Токарева 2024 : 43].

При создании персонажей рассказа писатель использует прием «расщепления» образа [Хрящева 2022 : 104], в результате чего противоборство героев оформляется в дуальную оппозицию, которую можем обозначить как *одушевленное//неодушевленное*. Примечательно, что русский солдат не получает имени, А. Платонов обозначает только его положение – русский солдат – и военную должность – стрелок. Здесь необходимо отметить, что отличительной особенностью модели ономастического творчества А. Платонова является «замещение антропонимов профессионимами и другими наименованиями, указывающими на род деятельности персонажей (функционально определяющими апеллятивами), свидетельствующее о значимости в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова человека, освоившего какую-либо профессию» (об этом см. [Бугакова 2023 : 14]). Немецкий солдат обозначается полным именем, однако это не означает, что он человек. Он и сам это понимает, сообщая, что не знает ничего и не должен знать, поскольку является только мечом «в руке фюрера» [Платонов 1985]; с утверждением русского солдата о том, что он не человек, Вальц «охотно согласился» [Платонов 1985]. Говорит немец «гладко и безошибочно, как граммофонная пластинка» [Платонов 1985]. Употребленное писателем сравнение подчеркивает бездушность, «механичность» немецкого солдата, который сам ничего не думает, не знает и не чувствует. Такая инаковость удивляет русского солдата, и он начинает размышлять о том, что ему «лишь кажется, что Вальц существует, – на самом же деле он один из тех ненастоящих, выдуманных людей, в которых мы играли в детстве и которых мы воодушевляли своей жизнью, понимая, что они в нашей власти и живут лишь нарочно» [Платонов 1985]. Эта «ненастоящесть» Рудольфа Вальца подтверждается репликой русского солдата: «тебе все равно – что жить, что не жить» [Платонов 1985], потому что, по признанию немецкого солдата, он сам ничего не думает, не знает и не чувствует. Очевидно, живым героя делает не наличие

имени, а способность мыслить, именно поэтому русский солдат не получает именования антропонимом: у него есть главные отличительные черты платоновского человека – умение думать, связь с землей и профессия; полагаем, именно так выглядит душа человека в понимании А. Платонова. Герой рассказа, имея душу, не в состоянии выдержать существование неодушевленного врага, в результате чего принимает решение о том, что Вальц не должен продолжить существование. Примечательно, что русский солдат умертвляет противника, но даже не запоминает, как это происходит; сообщая об этом, русский солдат говорит, что не запомнил, в какой момент «Рудольфа Вальца стало неодушевленным» [Платонов 1985]. Приведенный пример примечателен, поскольку демонстрирует, что тело врага выполняло определенные действия (Вальц ходил, спал и пр.), т.е. тело соответствовало своему назначению и заслуживало называться одушевленным. А Вальц как человек не функционирует, не может продемонстрировать накопленный опыт, говорит шаблонными заученными фразами, таким образом, заслуживает называться неодушевленным. По мнению Н.П. Хрящевой, так происходит в результате того, что «Вальц живет не столько в реальности происходящего, сколько в логике пропагандистского внушения, начисто подменившего его собственное осмысление ситуации» [Хрящева 2022 : 104]. Такое положение сложно назвать жизнью, именно поэтому русский солдат считает, что все равно, живой Рудольф Вальц или мертвый, потому что «у комара больше души и разума, чем в Рудольфе Вальце» [8], «комар живет своим усилием и своей мыслью» [Платонов 1985]; кроме того, герой говорит о том, что «и комар, и червь, и любая былинка – это более одухотворенные, полезные и добрые существа, чем только что существовавший живой Рудольф Вальц» [Платонов 1985].

Финал рассказа эмблематичен: русский солдат приходит к выводу, что он «был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире» [Платонов 1985]. Здесь находит отражение точка зрения самого писателя относительно войны, которую он считает проявлением «всемирного «зла» [Андрей Платонов 2010 : 35], поскольку война оставляет после себя «пораненную землю» [Андрей Платонов 2010 : 98], «обгорелые леса», «посев трупов» [Андрей Платонов 2010 : 314]. Исследователи отмечают, что для писателя, бывшего фронтовым корреспондентом, было «делом чести и личного долга» [Кознова 2025 : 157] сокрыть в слове память о трагедии своего народа. Поскольку очевидно, что индивидуальная память недолговечна, «Платонов размышлял о мемориальных возможностях литературы как эмоционально насыщенной формы культурной памяти» [Кознова 2025 : 157].

Таким образом, завершая рассмотрение семантического потенциала платоновского библионима «неодушевленный враг», отметим, что структура библионима соответствует распространенной в ономастической лаборатории писателя модели образования онимных единиц *прилагательное+существительное*. Употребление эпитета *неодушевленный* обусловлено отсутствием у врага души, его «механичностью». Враг лишен человечности, превращен в безликую злую силу. Кроме того, полагаем, употребляя такой библионим, писатель отражает дух времени, поскольку представление врага как неодушевленной силы позволяло воспринимать войну как борьбу с абстрактным злом, освобождая сознание солдата от необходимости думать о враге как о равноправном участнике конфликта; таким образом, советские воины боролись не с людьми, а с общим негативным началом, угрожавшим безопасности страны и нации. Отметим также еще одну особенность модели ономастического творчества А. Платонова, реализованную в рассматриваемом рассказе: употребление профессионима для обозначения героя, более точно, чем антропоним, определяющего персонаж.

Библиографический список

1. Андрей Платонов. Смерти нет! Собрание. М.: Время, 2010. 624 с.
2. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний; под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: «Альта-Принт», 2007. 1178 с. С. 362.

3. Бугакова Н.Б. «Джан»: душа или дух? к вопросу о смысле названия // Дух, душа и тело в мировой культуре. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2024. С. 26-29.
4. Бугакова Н.Б. Специфика ономастикона А. Платонова. Воронеж: ЮНИ-ПРЕСС, 2023. 322 с.
5. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал библионима повести А. Платонова «Джан» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 65-68.
6. Кознова И.Е. Языки памяти и забвения в произведениях А. Платонова о Великой Отечественной войне // *Studia Litterarum*. 2025. Т. 10, № 1. С. 154–173. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-154-173>.
7. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. 424 с.
8. Платонов А. Собрание сочинений: [в 3 томах]; Москва: Советская Россия, 1985. Т. 3. С. 59-69.
9. Пушкин А.С. Руслан и Людмила. М.: АСТ, 2022. 192 с.
10. Токарева С.Б. Русский дух как энергийный модус русского менталитета // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 41–46. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491 9-41-46
11. Хрящева Н. П. Философия существования и «механические» люди в военных рассказах А. Платонова // Филологический класс. 2022. Том 27, № 2. С. 100–111.
12. Яблоков Е.А. Мотивная структура рассказа Андрея Платонова «Неодушевленный враг» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 5. С. 55-65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бугакова Надежда Борисовна,
доктор филологических наук, доцент; про-
фессор кафедры русского языка и межкуль-
турной коммуникации, Воронежский госу-
дарственный технический университет;
SPIN-код: [1080-8136](#);
e-mail: ya_witch@mail.ru

Bugakova Nadezhda Borisovna,
Doctor of Philology, Associate Professor; Pro-
fessor of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication, Voronezh
State Technical University;
SPIN-code: 1080-8136;
e-mail: ya_witch@mail.ru

M.B. Саратова

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

E-mail: hae.haeh@yandex.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНИСТИКЕ МАРСЕЛЯ БАЙЕРА

Научная статья посвящена исследованию структурно-семантического аспекта художественных антропонимов в романах современного немецкого писателя Марселя Байера. В работе устанавливается эволюция семантического наполнения имен собственных в диахронической перспективе: от романа «Летучие собаки» («Flughunde») к последующим художественным текстам автора – «Шпионы» («Spione») и «Кальтенбург» («Kaltenburg»). Семантический анализ антропонимикона писателя демонстрирует, как образы романых героев препрезентируют различные формы памяти о «непреодоленном» нацистском прошлом Германии.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, семантика, немецкая литература, память, непреодоленное прошлое, «Летучие собаки», «Шпионы», «Кальтенбург», Марсель Байер.

M.V. Saratova

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

E-mail: hae.haeh@yandex.ru

ARTISTIC ANTHROPOONYMICS IN THE ROMANTIC WRITING OF MARCEL BAYER

This research article examines the structural and semantic aspects of artistic anthroponyms in the novels of contemporary German writer Marcel Bayer. The paper explores the evolution of the semantic content of proper names in a diachronic perspective: from the novel "Flying Dogs" ("Flughunde") to the author's subsequent works—"Spies" ("Spione") and "Kaltenburg." A semantic analysis of the writer's anthroponymicon demonstrates how the novel's characters represent various forms of memory of Germany's "unconquered" Nazi past.

Keywords: onomastics, anthroponymy, anthroponyms, German literature, memory, unconquered past, "Flying Dogs", "Spies", "Kaltenburg", Marcel Bayer.

Творчество Марселя Байера занимает особое место в современной немецкой литературе, то и дело актуализируя не изжившую себя проблему «непреодоленного» нацистского прошлого в Германии. В своих романах – «Летучие собаки» (1995), «Шпионы» (2000), «Кальтенбург» (2008) – писатель осмыслияет тему памяти в свете трудностей, порожденных искажением природы воспоминания: через упрощение, умалчивание, забвение, домысливание событий трагической истории XX века. В данном контексте структурно-семантический аспект художественных антропонимов писателя отражает идейно-художественное своеобразие его произведений.

Проведенное исследование демонстрирует последовательное усложнение структурно-семантической организации антропонимического пространства в творчестве Байера. В романе «Летучие собаки» наблюдается бинарная структура антропонимики, сочетающая исторически верифицируемые имена (Хельга Геббельс, Людвиг Штумпфеггер) с фикциональными антропонимами-символами (Моро, Коко). В следующем художественном тексте писателя «Шпионы» происходит семантический сдвиг в сторону ономастических лакун. В последнем

крупном байеровском произведении «Кальтенбург» аллюзии на исторические фигуры (Людвиг Кальтенбург, Мартин Шпенглер, Кнут Зивердинг) взаимодействуют с функциональными антропонимами-концептами (Герман Функ, Клара Хагеманн).

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью структурно-семантического аспекта художественных антропонимов в прозе Марселя Байера, несмотря на очевидную значимость ономастического кода в его творчестве. Цель исследования состоит в анализе структурно-семантической эволюции художественных антропонимов в романистике современного немецкого писателя. Для достижения данной цели подвергаются анализу романы антропонимы, а также устанавливается взаимосвязь между антропонимиконом Байера и его художественной концепцией памяти. Материалом исследования послужили романы «Flughunde» (1995), «Spione» (2000) и «Kaltenburg» (2008), образующие тематическое единство в творчестве писателя.

Многослойный ономастический код Марселя Байера вбирает в себя как документальную референциальность, детально воссозданную в рамках художественного пространства, так и функциональные элементы, служащие воплощению авторской мысли и ставшие отражением размышлений писателя о функционировании памяти в разных поколениях немцев. Безусловно, это оказывается заметным на нарративном уровне текста: герои-рассказчики делятся информацией из своего биографического багажа с неохотой, умалчивая подробности, путаясь в ряде тех или иных эпизодов, домысливая пустые страницы семейной истории.

В первом романе писателя, посвященном повседневности Третьего рейха – «Летучие собаки» – наблюдаются элементы исторического романа, романа-дневника, романа взросления, намекающие на весьма аутентичную реконструкцию событий прошлого. Однако это не совсем так. Антропонимы повествователей романной истории принадлежат реальным историческим лицам: Хельга Геббельс, старшая дочь министра пропаганды нацистского государства Йозефа Геббельса, и Герман Карнау, менее заметная в историческом ландшафте фигура, о которой известно лишь из секретных документов британской разведки: Карнау был в последние дни существования гитлеровской империи в одном бункере со своим вождем, нарисовал расположение комнат на бумаге и описал их предназначение [Daly-Groves 2015]; вся дальнейшая судьба Карнау остается загадкой. Таким образом, выбирая в качестве рассказчиков диаметрально разных своей исторической известностью личностей, писатель демонстрирует два лика истории: общеизвестной народу и оставшейся в анналах прошлого. Профессия Германа Карнау, его история детства и служения машине рейха предаются писательскому вымыслу. При этом, как белому пятну на фотопленке нацистской истории, Герману Карнау отводится парадоксально важная роль: он иллюстрирует и фигуру ученого эпохи Гитлера, и образ преступника, порожденного условиями времени и скрывшегося от наказания.

Другое романное лицо, отсылающее на действительно существовавшего человека, – это Людвиг Штумпфеггер. Имя в романе не называется, известна только фамилия, отраженная рассказчиком Германом Карнау на страницах художественного произведения в искаженной форме: Stumpfecker (Штумпекер) вместо Stumpfegger (Штумпфеггер). Установить связь между романным героям и реальным лицом позволяет сравнение биографии и перемещений Штумпекера в хронотопе художественного текста с документальными свидетельствами. Как и реальный Штумпфеггер, байеровский персонаж оказывается в конце жизни Гитлера рядом с диктатором как его личный лечащий врач. Искажение имени коллеги по цеху, произведенное Германом Карнау во время повествования, можно трактовать как попытку отмежевать самого себя перед реципиентом от какой-либо связи с гитлеровским приближенным, а соответственно – и с самой структурой верхушки Третьего рейха.

Интересны и другие имена собственные, встречающиеся в романе, – лишенные референциального ядра, но раскрывающие идеально-содержательный замысел текста. Например, имя Моро, принадлежащее наставнику Карнау в его юношеском возрасте и увлекающемуся изучением животного мира. Именно господин Моро рассказывает своему ученику увлекательную теорию про ультразвук, который способны слышать летучие собаки. Нетрудно

установить интертекстуальная связь имени ученого с героем романа Герберта Уэллса «Остров доктора Моро», намекающую на не совсем этичную природу научных интересов и экспериментов байеровского Моро. В finale уэлловского произведения искусственный мир Моро с животными, превращенными в уродливых человекоподобных существ, рушится, обнажая чудовищную природу его творений. В судьбе последователя изысканий Моро, Германа Карнау, повторяется история литературного персонажа: естествоиспытательская проверка теории об ультразвуке терпит крах, лирическое преклонение перед уникальным акустическим миром приводит Карнау в экзистенциальный тупик. Также этимология антронима Моро восходит к итальянскому «того» (мавр, темный), что семантически коррелирует с демонической природой его экспериментов.

Кличка домашнего питомца Карнау, Коко (Соко), не лишена смысла. Данный гендерно-нейтральный антроним французского происхождения с испанскими, португальскими и итальянскими корнями [Coco: URL; Origin of the name Coco: URL] коррелирует с заинтересованностью акустика как в онемечивании Эльзаса (во время Второй мировой войны Эльзас на территории Франции стал центром боев и был аннексирован Германией), так и в эстетизации звукового мира. Звуки человеческой жизнедеятельности кажутся омерзительными, стоны подопытных – «трак-трак», «крик-крак» – полезными в исследовательской среде, попытки детей во время игры лаять и петь, как птицы, вызывают восхищение [Байер 2004: 286].

Особого внимания заслуживает сознательное неназывание имен ключевых игроков фашистской власти: Йозефа Геббельса, участвовавшего в повествовании, но так и оставшегося безымянным благодаря замалчиванию Карнау, и Адольфа Гитлера, которого ученый-акустик эвфемистично именует «последний пациент». На примере перифразов, которыми пользуется ненадежный повествователь, создается стерильный рассказ о личном фашистском прошлом.

Роман М. Байера «Шпионы» знаменует новый этап в эволюции ономастического кода писателя: переход от избыточной номинации к тотальному умолчанию. Если в предыдущем художественном произведении антронимы в основном служили инструментом исторической идентификации, то в последующей работе ономастические лакуны – рассказчик умалчивает свое имя, имена предков неизвестны или не названы, земля, на которой герои выросли, не маркируется никаким топонимом, – становятся формой презентации идентичностного кризиса поколения внуков войны.

Центральный нарративный прием, – анонимизация мыслящего субъекта, – создает эффект универсализации: превращает безымянного повествователя в презентанта целого поколения, вынужденного восстанавливать историю семьи через фрагментарные свидетельства. Ономастические лакуны, связанные с именами родителей и предков рассказчика, являются стилистической презентацией концепции постпамяти Марианны Хирш. Как отмечает М. Хирш, постпамять характеризуется опосредованностью и фрагментарностью знания о прошлом [Hirsch 1997]. Неназывание имен становится нарративным эквивалентом «культуры молчания», унаследованной от поколения отцов, в то время как акт именования двоюродных братьев и сестер в романе маркирует горизонтальные связи внутри поколения «детей», совместно пытающихся реконструировать вытесненную семейную историю.

Имена двоюродных сестер и брата (Нора/Nora, Паулина/Paulina, Карл/Carl) выполняют функцию маркеров настоящего времени, однако их романная роль не проясняет родословную героев. Отсутствие антронимов у старших поколений символизирует разрыв межпоколенческой коммуникации, характерной для культурного климата Германии XX – начала XXI вв. [Соколова 2008].

Если в байеровском романе «Летучие собаки» представитель поколения отцов войны (Герман Карнау) использует умолчание об именах собственных, чтобы лишиться причастности к трагическим событиям Второй мировой войны, то поколение внуков, столкнувшись с деликатным молчанием взрослых, предающих историю семьи в нацистский период забве-

нию, дистанцируются от родителей, испытывают к старшим недоверие, выбирают воображение в качестве способа воссоздать недостающие элементы биографии – судьбы предков ожидают, когда группа людей (братья и сестры) верят в одно.

Анализ этимологии антропонимов Нора, Карл и Паулина с позиции ономастики позволяет выявить как разнородность их генезиса, так и потенциальные семантические связи, опосредованные историко-культурным контекстом. Несмотря на различное лингвистическое происхождение – кельтско-латинское для Норы (от *honor* – «честь»), древнегерманское для Карла (от *karl* – «свободный человек») и латинское для Паулины (от *paulus* – «малый») – все они были интегрированы в общеевропейский именной фонд через влияние латинского языка и христианской традиции. Имена Карл и Паулина связаны прямой этимологической преемственностью от латинских антропонимов (*Carolus*, *Paulina*), тогда как Нора, будучи сокращением от *Honora*, также восходит к латинской лексике, что объединяет их в рамках общей indoевропейской языковой семьи и историко-культурного ареала [Hanks 2006; Paulina: URL], Peterson 2007].

С точки зрения символического значения, данные имена олицетворяют некоторый комплекс характеристик, соответствующий книжным героям. Имя Карл, обозначающее статус свободного человека [Peterson 2007], в результате исторической сакрализации фигуры Карла Великого приобрело семантику лидерства, власти и силы, что соотносится и с судьбой романного персонажа: Карл, увлекавшийся военными историями и фигурами солдат, в зрелом возрасте поступает на дипломатическую службу в Стокгольм, его отношение к прошлому становится критическим, и он с чрезмерной легкостью для рассказчика признается в полной выдумке биографии их бабушки. В противоположность ему двоюродная сестра, Паулина, чье имя имеет значение «смиренная» [Paulina: URL], и вправду воплощает добродетель покорности, что влияет на тактику общения героини с непреодоленным прошлым. Паулина не просто сохраняет преданность сочиненной в детстве истории о деде и бабушке, но и продолжает активно додумывать ее, несмотря на смену лет: героиня оказывается уверена в фантазии о том, что нашла могилу второй жены деда, мрачной старухи, поспособствующей разрушению брака с первой возлюбленной. Несколько лет Паулина ухаживает за неизвестной могилой, а рассказчик помогает сестре в этом, не находя смысла разбивать домыслы кузины. Нора, чья антропонимичная семантика восходит к концепту «чести» [Hanks 2006], еще в детстве оказывается нетерпимой к замалчиванию родителями воспоминаний о семейном древе и буквально олицетворяет представление о чистой совести, отказавшись подыгрывать состоявшемуся забвению о предках: «Dich interessiert nicht einmal, dass dein eigener Vater bei der Legion Condor war. Behauptest einfach, du hättest keinen Vater mehr, stellst dich im Museum vor Picassos Bild zu Guernica, und damit ist die Sache ganz bequem erledigt» [Beyer 2001: 197]. Симптоматично, что, не вынеся вкрапления правды о нацистском прошлом в семейный круг, родители троих детей разводятся и больше не контактируют друг с другом.

Роман Байера «Кальтенбург» знаменует апогей в развитии ономастического кода его прозы. Художественная антропонимика трансформируется в семиотический механизм, опосредующий историческую рефлексию. Вынесение фамилии Кальтенбург в заглавие организует смысловое поле произведения: этимология имени (нем. *kalt* – «холодный», *Burg* – «крепость») актуализирует ключевые темы, звучащие на страницах произведения: ледяная объективность научного этоса и бастион забвения, воздвигнутый вокруг немецкой истории.

Центральный антропоним романного полотна Людвиг Кальтенбург является прозрачной, но не буквальной аллюзией на Конрада Лоренца, основателя этологии (научная дисциплина, изучающая поведение животных в их естественной среде обитания), состоявшего в нацистской партии и писавшего о «порче» генофонда [Лоренц 2016]. Байер, однако, отходит от биографического прототипа, создавая собирательный образ учёного, чья исследовательская одержимость послужила оправданием морального компромисса. Имя Людвиг (от древнегерманского «славный воин») иронически обыгрывается: время Второй мировой войны делает его не солдатом на фронте, а врачом-преступником в стенах больницы для душевнобольных на оккупированной территории Познани;

после войны, несмотря на сомнительную репутацию, Кальтенбург все же получает мировое признание своих неоднозначных трудов и борется с любыми слухами о своей биографии, касающимися его связи с нацистами.

Имя коллеги профессора Кальтенбурга, Мартин Шпенглер, отсылает к философу Освальду Шпенглеру, чьи пессимистичные идеи о «закате Европы» были созвучны нацистской идеологии. Однако в качестве биографического прототипа для данного персонажа Байер выбирает другую фигуру – художника Йозефа Бойса. В отличие от игры с инициалами в случае с Людвигом Кальтенбургом и Конрадом Лоренцем (ЛК–КЛ), здесь и дальше писатель от нее отходит. Если реальный Бойс мифологизировал свою биографию как повествование о сопротивлении (легенда о спасении татарами), то его литературный двойник, Шпенглер, воплощает стратегию «внутренней эмиграции» – ухода от политики в научные изыскания, в орнитологию.

Следующий друг профессора Кальтенбурга, Кнут Зивердинг, олицетворяет ещё один тип учёного – не пассивного приспособленца, а того, кто активно использует политический режим для карьерного роста. Прототипом для его образа и антропонима стал Хайнц Зильман, известный натуралист, чья успешная медийная карьера в послевоенной Германии наглядно демонстрирует непрерывность научной биографии, несмотря на активное профессиональное развитие при нацистах. В романе Зивердинг становится воплощением удобной науки, которая без труда адаптируется к любым политическим условиям.

Ономастическое пространство романа маркировано и фигурой рассказчика, Германа Функа. Данный антропоним, лишённый прямых исторических референций, обладает значимым этимологическим потенциалом: компонент «Герман» (от др.-герм. *heri* – «войско») в сочетании с «Функ» (нем. *Funke* – «искра») формируют семантический конструкт «искры в армии», отсылающей к потенциальной возможности морального пробуждения героя. Однако Байер лишает повествователя данной реабилитации из безразличного человека-наблюдателя. Герман Функ представляет собой тип пассивного хроникера событий, чья созерцательная деятельность направлена на анализ текущей реальности без цели её преобразования и осуждения.

Супруга Функа, Клара Хагеманн, обладает девичьей фамилией, значение которой определяет поведенческие стратегии героини по отношению к нацистскому прошлому. Фамилия Хагеманн имеет немецкое происхождение и образована от средневерхненемецкого слова *«hagen»*, означающего «ограда», «изгородь» или «защищённая территория», в сочетании с *«mann»*, означающим «человек» [Hagemann: URL]. Данная этимология становится ключевой для понимания характера героини: она является воплощением «человека-изгорода», выстраивающего вокруг себя символический барьер против наследия предков и гитлеровской эпохи.

Этим барьером (или «изгородью») от осмыслиения запятнанной фашизмом памяти о детстве для Клары оказывается экземпляр романа Марселя Пруста «Путь Свана» в переводе Рудольфа Шоттлендера, реального философа-эмигранта, подвергавшегося преследованиям со стороны нацистского режима. Данный «литературный выбор» глубоко симптоматичен: Клара заменяет отношения с семьей художественной, фикциональной формой памяти. Марсель Пруст как писатель, погруженный в мир субъективной памяти и «утраченного времени», оказывается для нее пространством, заменившим проработку личной истории. Подход Клары представляет классический случай работы с постпамятью как опосредованным, отсроченным переживанием.

Имя Катарины Фишер, журналистки, интервьюирующей Германа Функа, обладает значимым символическим потенциалом. Сочетание имени Катарина (от греч. «чистая») и фамилии Фишер («рыбак») формирует образ представительницы послевоенного поколения Германии, свободного от прямой причастности к фашистскому прошлому. Будучи «молодой женщиной» (Функ называет её *«junge Frau»* [Beyer 2008: 21]), она олицетворяет новый, непредвзятый взгляд на историю. Её «промышленная» фамилия напрямую коррелирует с профессиональной деятельностью, требующей методичного «выуживания» информации из памяти ученого. Особую сложность этой задачи подчёркивает сам объект исследования – орнитолог, которого не ужасает связь его наставника, профессора Людвига Кальтенбурга, с нацистской партией и преступлениями.

Проведенное исследование позволяет заключить, что структурно-семантическая эволюция художественных антропонимов в романистике Марселя Байера демонстрирует последовательное усложнение стратегий авторской репрезентации памяти о нацистском прошлом. Семантика антропонимов в каждом романе как воссоздает образ персонажа, так и моделирует различные формы воспоминания—умолчания—забвения в поколенческой перспективе Германии.

Библиографический список

1. Байер М. Летучие собаки : [роман] / М. Байер ; [пер. с нем. А. Кацура]. Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2004. 303 с.
2. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. Сборник трудов. Собрание переводов А.И. Фета. Philosophical arkiv, Sweden, 2016. 633 с.
3. Соколова Е. В. «Диалог невозможен...»: коммуникативная проблематика в современной литературе Германии: (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер, В. Генацино, К. Крахт): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения. М., 2008. 128 с.
4. Beyer M. Kaltenburg. M. Beyer. Frankfurt/M : Suhrkamp Verlag, 2008. 397 S.
5. Beyer M. Spione. Frankfurt am Main, Wien, Zürich, mit freundlicher Genehmigung des DuMont Buchverlags, Köln. 2000 DuMont Buchverlag, Köln. Printed in Austria 2001. S. 308.
6. Coco [Электронный ресурс] // The Bump. URL: <https://www.thebump.com/b/coco-baby-name> (дата обращения: 21.05.2025).
7. Daly-Groves L. The Death of Adolf Hitler: British Intelligence, Soviet Accusations and Rumours of Survival : a dissertation submitted in partial fulfilment of the degree of BA (Hons) History / L. Daly-Groves. University of Central Lancashire, 2015. 56 p.
8. Hagemann [Electronic resource] // Wisdom Library. URL: <https://www.wisdomlib.org/names/hagemann> (дата обращения: 18.10.2025).
9. Hanks P., Hardcastle K. Hodges F. A Dictionary of First Names, Oxford Paperback Reference (2nd ed.), Oxford University Press, 2006. p. 353.
10. Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory. Harvard University Press, 1997. 304 p.
11. Origin of the name Coco [Электронный ресурс] // LetsLearnSlang: etymology dictionary. – URL: <https://letslearnslang.com/origin-of-the-name-coco/> (дата обращения: 10.11.2025).
12. Paulina: Biblical meaning and origin of this name in the Bible [Электронный ресурс]. – URL: <https://bibledictionarytoday.com/biblical-names/paulina/> (дата обращения: 12.11.2025).
13. Peterson L. Nordiskt runnamnslexikon (PDF) (in Swedish). Institutet för språk och folkminnen, 2007. p. 146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Саратова Маргарита Валерьевна,
Ассистент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного
технического университета;
SPIN-код: 7056-0824,
e-mail: hae.haeh@yandex.ru

Saratova Margarita Valeryevna,
Assistant of the Department of
Russian Language and
Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University;
SPIN-code: 7056-0824,
e-mail: hae.haeh@yandex.ru

ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ 2025 ГОДА JUBILEE WRITERS OF 2025

К юбилею А.П. Чехова

УДК 81.373.232

Г.Ф. Ковалев

*Независимый исследователь
(Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

А ЧЕХОВ – ТОЖЕ ВОРОНЕЖСКИЙ!

А.П. Чехов – признанный в мире писатель и драматург. Даже не все в России знают, что этот интеллектуальный творец литературы по происхождению крестьянин, а этнически – из украинцев, а истинная родина его семьи – Воронежская губерния России. Замечательный мастер слова, А.П. Чехов был автором и очень серьёзных произведений, и искромётного юмора и сарказма. Почти все персонажи А.П. Чехова автобиографичны, поэтому его произведения, судя по их хронотопу, вполне летописны.

Ключевые слова: А.П. Чехов, хутор Неровновка, слобода Ольховатка, имена, фамилии, ономастический юмор.

G.F. Kovalev

*Independent researcher
(Voronezh, Russian Federation)
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

AND CHEKHOV IS ALSO FROM VORONEZH!

A.P. Chekhov is a world-renowned writer and playwright. Not everyone in Russia knows that this intellectual creator of literature is a peasant by origin, and ethnically Ukrainian, and the true homeland of his family is the Voronezh province of Russia. A remarkable master of words, A.P. Chekhov was the author of very serious works, and sparkling humor and sarcasm. Almost all of Chekhov's characters are autobiographical. Therefore, his works, judging by their chronotope, are quite chronicle-like.

Keywords: A.P. Chekhov, Nerovnovka farmstead, Olkhovatka settlement, names, surnames, onomastic humor.

Среди великих русских писателей в мире, к сожалению, хорошо знают лишь троих: Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, хотя драматургию А.П. Чехова только сейчас стали понемногу усваивать как совершенно современную, а своеобразный юмор и грустная ирония этого уникального писателя так и остаются почти непереводимыми.

Многое в творчестве А.П. Чехова проясняет ономастика его произведений, а она зачастую пропитана впечатлениями детства и уже авторскими, точными и крайне заинтересованными наблюдениями. Имена для своих персонажей (и людей, и животных) писатель брал непосредственно из личного опыта, многое фиксируя в записных книжках, поэтому можно смело говорить, что ономастическое творчество А.П. Чехова очень тесно связано с его биографией.

Бабушкой А.П. Чехова была украинка Ефросинья Емельяновна Шимко, дочь известного коневода. Жила она в селе Зайцевка (сейчас Кантемировский р-н Воронежской области). На ней женился житель слободы Ольховатка Егор Михайлович Чехов, дед писателя. Сам писатель родился в Таганроге, но его предки, крепостные крестьяне, происходили из хутора

Неровновка (Нерівни, Нерівнівка) Острогожского уезда (сейчас – Ольховатского р-на), заселённой в основном крепостными крестьянами-украинцами, коими владел вначале царский стольник, острогожский полковник И.И. Тевяшов, а затем его правнучка продала их помещику Д.В. Черткову. Сам Чехов в письме к А.И. Эртелью сообщал: «Моя фамилия тоже ведет свое начало из воронежских недр, из Острогожского уезда. Мой дед и отец были крепостными у Черткова» [Чехов 1974-1977 : 5 : 186].

Слобода *Неровновка* (укр. Нерівнівка) была основана в середине XVIII в. Неровновка, тогда еще хутор, располагалась у вершины оврага Сухие Ставки, то есть пересохшие пруды. Основана была как владение помещицы Евгении Чертковой. Названа был по фамилии или, скорее, прозвищу первопоселенца Петра *Неровного* [Коновченко, Задорожный : 2016 : 4-5].

И до сих пор часть села Неровновки и улица здесь называются *Чеховка* (укр. Чéхівка) – именно здесь жили крепостные крестьяне *Чеховы* – ближайшие родственники великого писателя. Здесь проживал его прадед Михаил Евстафьевич Чехов (1762-1849) с многочисленной семьей. А его сын, дед писателя Егор Михайлович (еще крепостной крестьянин!), хотя и родился тоже в Неровновке, но уже поселился в слободе *Ольховатка* (сейчас – районный центр Воронежской области). Он был человеком трудолюбивым и умелым, что позволило ему выкупить себя и всю семью из крепостного рабства. По легенде, хотя Егор Михайлович выкупил только сыновей, помещик "отпустил на волю" и их сестру Александру.

Рис. 1. Село Неровновка (Ольховатский р-н, Воронежская обл.). Фото М.И. Федорова.

Разросшиеся семейства Чеховых покидали места своего рождения и обосновывались в прилегающих к ним районах и областях – в Заболотовке, Красном Яре, Россосхи, Луганске, Богучаре [Романов 2014 : 191-195]. И отец писателя Павел Егорович, будучи уже свободным человеком, родился и жил в Ольховатке до самого отъезда в Таганрог. У хутора Постояловка Ольховатского р-на есть низина, которая называется *Чехова Лощина* (Чéхова Лощи'на). Скорее всего, в основе названия фамилия жителя *Чехов*. Интересно, что в Неровновке *Чеховых* называли *Чехами*.

Сам А.П. Чехов имел право, как украинец, пошутить в письме Я.П. Полонскому от 25 марта. 1888 г.: «Понятно, что я дорого дал бы за удовольствие пригласить Вас с Вашей музой и с красками на юг и попутешествовать с Вами вдоль и поперек Хохландии, от Дона до Днепра» [Чехов 1974-1977 : 2 : 219]. Так что можно смело говорить: родная земля свято хранит память о своих достойных людях.

Брат писателя Михаил вспоминал: «То, что мои прадед и дед носили у себя в Ольховатке прозвище «Чехи», а не Чеховы, и то, что они алчно стремились к свободе, заставило моего дядю-романтика Митрофана Егоровича верить в следующую выдумку, которой он неоднократно делился со мной.

– Несомненно, что наш предок был чех, родом из Богемии, бежавший вследствие религиозных притеснений в Россию» [Чехов 1980 : 31]. «С этим легендарным предположением

дядя Митрофан и умер, а мы, его племянники, только улыбались, так как к нашим услугам имелась еще и другая, более документальная версия: Царь-пушку, находящуюся в Кремле в Москве, отлил в 1586 году литейный мастер Андрей Чехов. Но значило ли это, что наши предки происходили от него?» [Чехов 1980 : 32]. Сам Чехов с гордостью писал переводчику Б. Прусику 27 мая 1897 г.: «Мою краткую биографию можно найти в Чешском энциклопедическом словаре» [Чехов 1974-1977 : 6 : 367]. И действительно, А.П. Чехов еще при жизни был очень популярен в Чехии [Супрун, Мргачова 1985 : 124-132].

Игорь Северянин в стихотворении «Чехов» (1925) даже сочинил каламбур на эту тему:

Не знаю, как для англичан и чехов,
Но он отнюдь для русских не смешон,
Сверкающий, как искристый крюшон,
Печальным юмором серьезный Чехов.

Однако И.А. Бунин, обращаясь к генеалогии А.П. Чехова, как нам кажется, верно предположил, что правильный вариант фамилии – Чоховы: «Может быть, вот почему в семье Чеховых называли их двоюродного брата Михаила Михайловича Чехова – Чоховым. Возможно, что так и произносилась когда-то их фамилия» [Бунин 1967 : 243-244]. И, действительно, в письме Чехова М.М. Чехову от 29 июля 1877 г. встречаем подтверждение словам Бунина: «Дай бог, <...> чтобы все свадьбы проходили бы еще блестательней этой свадьбы, которая доставила много радости всему нашему мудрому Чоховскому поколению. Спасибо Екатерине Михайловне, она положила начало... и вот не сегодня, так завтра, бог даст, я буду гулять на свадьбе и у Миши Чохова и т.д.» [Чехов 1974-1977 : 1 : 24-25].

«Себя самого Чехов величал в своих письмах то Гунияди Янос, то Достойнов-Благонравов, то Бокль, то граф Черномордик, то Повсекакий, то Аркадий Тарантулов, то Дон Антонио, то академик Тото, то Шиллер Шекспирович Гете.

Клички раздавались родным и друзьям, так сказать, на основе взаимности. И, например, его брат Александр, в свою очередь, называл его Гейним, Стамеска, Тридцать Три моментально. Для Щеглова он был Антуан и Потемкин, для Яворской – адмирал Авелан.

Здесь дело не столько в кличках, сколько в той «вакханалии» веселости, которая их порождала» [Чуковский 1990 : 214].

А редакторшу издательства «Родник» – Е.А. Сысоеву – он вообще обозвал довольно оскорбительно, правда, не в лицо, а в письме М.В. Киселевой (от 7 ноября 1887 г.): «На днях я получил письмо от издательницы «Родника» Марфы Харитоновны Рылиндроновой» [Чехов 1974-1977 : 17 : 144].

И, действительно, виолончелисту Большого театра Мариану Ромуальдовичу Семашко Чехов подписал книгу «Пестрые рассказы»: «Мармеладу Фортепьяновичу Семашко от любящего его почитателя А. Чехов» [Чехов 1974-1977 : 12 : 147]. А актеру П.М. Свободину: «Павлу Матвеевичу Свободину (Полю Матиас) от преданного ему автора. А. Чехов» [Чехов 1974-1977 : 12 : 163]. Ту же Лику Мизинову он наделяет «армянской» фамилией, как, впрочем, и себя самого, поскольку в это время Лица проживала в доме владельца с армянской фамилией: «Лидии Стакиевне Тер-Мизиновой, живущей в доме армянина Джанумова, от автора Тер-Чехианца – на память об именинном пироге, которого он не ел» [Чехов 1974-1977 : 11 : 159].

И.А. Бунин припоминал о Чехове, как тот болезненно относился к реноме своего писательского имени: «Однажды, читая газеты, он поднял лицо и, не спеша, без интонаций, сказал:

– Все время так: Короленко и Чехов, Потапенко и Чехов, Горький и Чехов...» [Бунин 1998 : 266].

Сравните, как Л.А. Авилова вспоминала об одной встрече с Чеховым:

– Смотрите, какие карамельки, – сказал он, поздоровавшись. – Писательские! Как вы думаете, удостоимся ли мы когда-нибудь такой чести?

На обертке каждой карамельки были портреты: Тургенева, Толстого, Достоевского. – Чехова еще нет? Странно! Успокойтесь: скоро будет [Авилова 1984 : 177].

Рис. 2. Серия конфет, выпущенная к 100-летию Н.В. Гоголя

Писательница Лидия Алексеевна Авилова (взаимная, но так и несросшаяся любовь писателя) признавала автобиографизм такого персонажа повести Чехова «О любви», как Анна Алексеевна Луганович. В ней она признает себя, как в Алехине – Антона Павловича Чехова: «Но вот Луганович приглашает к себе Алехина, и появляется его жена, Анна Алексеевна. У нее недавно родился ребенок, она молода, красива и производит на Алехина сильное впечатление. «Анна Алексеевна Луганович...» Мои инициалы. У меня тоже был маленький ребенок, когда мы познакомились с Антоном Павловичем.

«И сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое...»

Мне сейчас же вспомнилось:

«А не кажется ли вам, что, когда мы встретились в первый раз, мы не познакомились, а нашли друг друга после долгой разлуки?»

Это спросил Антон Павлович на юбилейном обеде» [Авилова 1984 : 170].

Чехов полагал невозможным употребление имен живущих людей в художественном произведении: «Да и кажется мне, что имена живых могут украшать лишь газетные и журнальные статьи, но не повести. Имена подвержены неумолимому закону моды» [Чехов 1974-1977 : 5 : 89].

В ответе А.С. Суворину, поверившему Д.В. Григоровичу, что в пьесе Чехова «Леший» выведен он, Суворин, автор писал: «Не радуйтесь, что Вы попали в мою пьесу. Рано пташечка запела. Ваша очередь еще впереди. Коли буду жив, опишу феодосийские ночи, которые мы вместе проводили в разговорах, и ту рыбную ловлю, когда Вы шагали по палям линтваревской мельницы, – больше мне от Вас пока ничего не нужно. В пьесе же Вас нет, да и не может быть, хотя Григорович со свойственною ему проницательностью и видит противное. В пьесе идет речь о человеке нудном, себялюбивом, деревенском, читавшем об искусстве 25 лет и ничего не понимавшем в нем; о человеке, наводящем на всех уныние и скуку, не допускающем смеха и музыки и проч. и проч. и при всем том необыкновенно счастливом. Не верьте Вы, бога ради, всем этим господам, ищущим во всем прежде всего худа, меряющим всех на аршин и приписывающим другим свои личные лисьи и барсучьи черты» [Чехов 1974-1977 : 3 : 265].

В то же время Чехов очень заботился об ономастических точностях в своих произведениях. Так, Н.А. Лейкину он писал: «Благоволите в рассказе «Павлин» в пробелах написать имена соответствующих петербургских увеселительных мест, которых я не знаю и назвал через N и Z» [Чехов 1974-1977 : 1 : 151]. В связи с этим Н.А. Лейкин подставил в рассказ «Павлин в вороньих перьях» названия ресторанов «Аркадия» и Крестовского сада, которые и вошли в окончательный текст рассказа Чехова.

О своих персонажах повести «Дуэль» А.П. Чехов отзывался так: «Если фамилия у Ладзиевского в самом деле скверная, то можно его назвать иначе. Пусть будет Лагиевским. Фон Корен пусть останется фон Кореном. Изобилие Вагнеров, Брандты, Фаусеки и проч. отрицают русское имя в зоологии, хотя все они русские. Впрочем есть Ковалевский. Кстати

сказать, русская жизнь теперь так перепуталась, что всякие фамилии годятся» [Чехов 1974-1977 : 4 : 266].

Заглавное имя главного персонажа повести Чехова «Ионыч» скорее всего было навеяно отчеством крупного российского предпринимателя, практически владевшего Гурзуфом, именно в годы, когда там выращивал свой сад писатель – Петр *Ионыч* (так обычно, вместо *Ионович!*) Губонин. Не зря, видимо, в одном письме Чехов писал: «Буду ходить по саду Петра Ионыча и воображать, что я опять на Цейлоне».

В рассказе «Ванька Жуков» Чехов в качестве прототипа избрал, скорее всего, украинского хлопчика *Гаврюшку Харченко*, прислуживавшего в лавке отца будущего писателя – Павла Егоровича.

Исследователь А.Г. Головачева обратила внимание на связь ситуации в «Вишневом саде» с крымским периодом жизни Чехова: «Обратим внимание на то, что в Вишневом саде» одна из важных и первых заявленных тем – это тема железной дороги: с разговоров о поезде начинается действие; поезд, станция и железная дорога упоминаются во всех четырех актах пьесы; железная дорога связывает место действия – имение Раневской – с ближним городом, с губернским центром и далее с Европой, Парижем, откуда приехала и куда вернется Раневская. <...> Все эти темы: железная дорога, дачи, дачники и будущее экономическое возрождение – воспринимаются как отражение в чеховской пьесе общероссийских процессов. Но это были и крымские темы, отразившие новые реалии южнобережной жизни" [Головачева 2010 : 17].

Кстати, Фаина Раневская, сыгравшая много чеховских ролей, и даже взявшая себе вместо еврейской фамилии чеховский псевдоним, показала свою трактовку фамилии Раневской: «Я думаю, Чехов дал такую фамилию Любови Андреевне потому, что она преждевременный человек: живет страстями, когда все вокруг всё высчитывают, вымеривают, выгадывают. Раневская – значит появившаяся рано, неожиданно, не к сроку. Может быть, Чехов даже думал, что неприкаянным людям, непрактичным, умеющим любить без оглядки, если и найдется место в жизни, то лет эдак через двести. Таким людям, каким Чехов был сам» (Культура, 2016, №30, с.9).

Видимо, автобиографичны и герой, и сюжет рассказа Чехова «Злоумышленник». Так, знаменитый журналист и друг Чехова – Владимир Гиляровский вспоминал, как Антон Павлович в подмосковном селе Краскове познакомился с местным крестьянином Никитой Пантихиным. Так вот, именно тот, наивно действуя, свинчивал выборочно гайки с железнодорожного полотна, чтобы они послужили в качестве грузил при рыбной ловле. А на все вопросы писателя отвечал: «Нешто мы не понимаем, что можно и что нельзя?».

Справедливо К.И. Чуковский подметил не только автобиографизм некоторых персонажей Чехова, но обратил внимание на то, что их прототипом во многом является сам автор: «Ему было мало художнически любоваться пейзажем, он и в пейзаж вносил свою неуклонную волю к созидательному преобразованию жизни. Никогда не мог он допустить, чтобы почва вокруг него оставалась бесплодной, и с такой страстью трудился над озеленением земли, что, глядя на него, было невозможно не вспомнить тех пылких лесоводов и садовников, которых он изобразил в своих книгах. Создавая в «Дяде Ване» образ фанатика древонасаждения Астрова, Чехов, в сущности, писал автопортрет.

Этот образ лесовода-романтика, поэтически влюбленного в деревья, был так дорог Чехову, что на протяжении нескольких лет он обращался к этому образу трижды.

Сначала – в письме к Суворину, где лесовод появляется в качестве «пейзажиста» Коровина, который в детстве посадил у себя во дворе небольшую березку. «Когда она позеленела и стала качаться от ветра, шелестеть и бросать маленькую тень, душа его [Коровина] наполнилась гордостью: он помог Богу создать новую березу, он сделал так, что на земле стало одним деревом больше!».

Потом Коровин преображается в помещика Михаила Хрущова, который так любит де-

ревья и хлопочет о спасении каждого дерева, что соседи зовут его Лешим. Этого защитника и друга лесов Чехов даже поставил в центре всей пьесы, которая так и была названа – «Леший».

В «Дяде Ване» Хрущов преображается в доктора Астрова, который говорит вслед за Лешим: «Когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что... если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я».

Все это Чехов мог бы сказать о себе, потому что в деле озеленения земли, как и во всем остальном, был неутомимо активен. Еще гимназистом он насадил у себя в Таганроге небольшой виноградник, под сенью которого любил отдыхать. А когда поселился в разоренном и обглоданном Мелихове, он посадил там около тысячи вишневых деревьев и засеял голые лесные участки елями, кленами, вязами, соснами, дубами и лиственницами – и Мелихово все зазеленело.

А через несколько лет, поселившись в Крыму, на выжженном пыльном участке, он с таким же увлечением сажает и черешни, и шелковицы, и пальмы, и кипарисы, и сирень, и крыжовник, и вишни и, по его признанию, буквально блаженствует – «так хорошо, так тепло и поэтично. Просто один восторг».

И, конечно, не раз он делится своим счастьем с другими: посыпает родственникам семена в Таганрог, чтобы и те развели у себя хоть какой-нибудь сад. И дарит свои деревья соседу, чтобы и у соседа был сад.

В своей любви к деревьям и цветам он стал признаваться смолоду. Едва только вступив на литературное поприще, он начал писать «Ненужную победу» (1882), где словно пунктиром намечена заветная тема его позднейших рассказов и пьес – о диком и бессмысленном истреблении деревьев:

«Ручей должен быть под липами, – [говорит бродячий музыкант, истомленный мучительным зноем]. – Вот она, одна липа! А где же еще две? Их было ровно три, когда я десять лет назад пил здесь воду... Вырубили! Бедные липочки! И они понадобились кому-то!» [Чуковский 1990 : 220].

И.А. Бунин как-то заметил о Чехове: "Он очень любил шутки, нелепые прозвища, мистификации ..." [Бунин 1990 : 224]. И, действительно, Чехов довольно часто шутил, научно говоря, ономастически. Так, по поводу названий городов, которые проезжал, направляясь в Таганрог, он писал: «В Тулу, всем городам затулу, я приехал в 11. <...> В Белграде щи» (Письмо Чеховым от 7 апр. 1887 г.). Чехов мог пошутить и самыми важными для себя понятиями: вот как им названа Украина, которую он очень любил: "Я готов отказаться от много-го, чтобы только вместе с Вами прокатиться в Украину и чтобы Вы воочию убедились, что Хохландия в самом деле заслуживает внимания хороших поэтов" (Письмо А.Н. Плещееву от 12 мая 1889 г.). Можно представить, в какой восторг пришел бы Чехов, попробовав сыр далеко не украинской фирмы «Хохланд» (буквально: Верхняя страна)! И сколько шуток вышло бы еще из-под его пера!

Любовь к Н.В. Гоголю также отразилась в письмах Чехова ономастическим образом: «Поклон Вашим маститым финансистам-чиновникам Николаю и Иоанну Добчебобчинским» (Письмо Л.А. Камбуровой от 17 сент. 1880 г.). И еще одно использование гоголевского имени: "Вчера был на земском собрании (я – гласный) и чувствовал себя там «Неуважай-Корытом» (Письмо Е.М. Шавровой-Юст от 19 апреля 1896 г.).

А.П. Чехов тонко понял структуру иронии, заложенной в имена персонажей Н.В. Гоголя (напр. Хома Брут), и прекрасно использовал это в письме, где говорится о его попытке приобрести имение на Украине: «В цене не сошелся, но, вероятно, сойдусь, и не успеет наступить унылый октябрь, как я стану подписываться так: «Полтавский помещик, врач и литератор Антуан Шпонька» [Чехов 1974-1977 : 2 : 316]. Чехов в одном из писем Е.М. Шавровой: «По получении от Вас письма, я тотчас же принялся за чтение «Маркизы» и нашел, что г. Е. Шавров (Елизавет Воробей) делает большие успехи. Рассказ мне очень по-

нравился, <...>. Только заглавие показалось мне несколько изысканным» [Чехов 1974-1977 : 5 : 336].

Во второй половине XIX в. более известной для российской интеллигенции была не фамилия основоположника марксизма, а фамилия крупного издателя – Адольфа Федоровича *Маркса*, «купившего на корню» всего А.П. Чехова. Потому и горька шутка писателя: «Теперь меня будет издавать не Суворин, а Маркс. Я теперь «марксист» [Чехов 1974-1977 : 8 : 76]. Шутка с Марксом в те времена была ходячей. Вадим Шершеневич так прокомментировал ее смысл по поводу Игоря Северянина: «Не берусь утверждать, факт это или острота Владимира Владимировича (Маяковского. – Г.К.), но мне говорил Маяковский, что на вопрос: «Какого мнения Северянин об учении Маркса?» – Северянин ответил: «Его издания мне нравятся. Почему он меня не печатает?»

Северянин спутал Карла Маркса с издателем «Нивы». Впрочем, в те времена многие поэты, да и почти вся либеральная «интеллигенция», знали бороду Маркса по портретам, острили о «Капитале» и не знали настоящего марксизма» [Шершеневич 2000 : 407].

Как автор, Чехов очень иронично относится к своему персонажу и своей пьесе, пока они не дошли до сцены: «Своего «Болванова» я кончил и посылаю одновременно с этим письмом. Надоел он мне, как Щеглов актерам. <...> Теперь мой г.Иванов многое понятнее» (Письмо А. Суворину от 19 дек. 1888 г.).

Если В.В. Розанов лишь фиксировал рожденные в туалете собственные глубокие мысли типа: «Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь» [Розанов 2002 : 143], то у Чехова мы встречаем редкий случай, когда обыкновенный ватерклозет получил имя собственное, поскольку именно у Чехова это и возможно: «После спанья на деревянных диванах и корытах сладостно было видеть кровать с матрасом, рукомойник и – о великолюбие судьбы! милейшего Якова Андреича (Путешествуя по миру, я пришел к заключению, что Яков Андреич гораздо полезнее и приятнее Якова Алексеича, Якова Сергеича Орловского и даже Яшеньки М.!)» (Письмо М.П. Чеховой от 5 мая 1887 г.). Писатель нашел и другое, уже топонимическое, название ватерклозета. В письме сестре Марии Павловне (2 дек. 1898 г.) он писал: «Милая Маша, посылаю тебе набросок северного фасада. Окон почти нет, стена глухая, потому что север. Круглые окошечки – это запасной бак над ванной и ватерлоо». И близко к данной теме Чехов обыграл фамилию французского физика А. Гано: «Посылаю тебе Зернова и Лесгафта. Физику Га(в)но вручи Макару» (Письмо Д.Т. Савельеву от 19 янв. 1884 г.). Как, впрочем, и: «На днях я познакомился с очень эффектной француженкой, дочерью бедных, но благородных буржуа... Зовут ее не совсем прлично: M-lle Sirout...» (Письмо В.В. Билибину от 14 февр. 1886 г.).

Обыгрыш А.П. Чеховым названия издательства «Скорпион» в письме к И.А. Бунину (14 марта 1901 г.): «От «Скорпиона» получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; <...>, дал себе клятву больше уже никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» [Чехов 1974-1977 : 9 : 228].

В письме из местечка Пьяный Бор Вятской губернии родственнику жены он писал: "В Пьяном Бору, а не пьяны" [Чехов 1974-1977 : 10 : 34].

И, наконец, ономастическая бабиада, мастерски разыгранная А.П. Чеховым и его другом В.А. Гиляровским в Ялте. Началось с того, как передает последний, что Чехов указал на своего садовника:

«Это наш Бабакай. Пойдем в сад, и ты мне скажи экспромт о Бабакае.

Я сочинил какие-то четыре строчки, из которых помню теперь только последнюю: «И какой-то Бабакай». <...>

Подошел Бабакай.

– Антон Павлович, какие-то бабы из города в шляпках приходили, я сказал, что вас нет.

– Хорошо, Бабакай! Это он городских дам называет бабами, отбою от них нет, – пояснил мне Чехов.

– Судьба твоя такая. Без баб тебе, видно, не суждено. Ты подумай, сам говоришь: «От баб отбою нет». Служит у тебя Бабакай... Под Новым Иерусалимом жил ты в Бабкине, и мальчик у тебя был Бабкин... И сапоги мы с тобой покупали у Бабурина...

– Да, я и не подумал об этом, все баб... баб... баб... кругом! – рассмеялся он.

– Нет, еще не совсем кругом, а только что в начале баб. А чтобы завершить круг, ты вот на этой самой клумбе, которую копает Бабакай, посади баобаб.

В ответ Антоша со смехом вынул кошелек, порылся в нем и подал мне две запонки для манжет.

– Вот тебе за это гонорар. На память о баобабе... Обязательно посажу баобаб и выпишу его через Бабельмандебский пролив... Бабельмандебский!» [Гиляровский : 1997 : 308-309].

Чехов свободно обращался со своим именем. Поэтому покаламбурил своим именем для него было, в отличие от Пушкина или Цветаевой, делом обычным. Писатель так пошутил о роли Гаева для А.Л. Вишневского: «Я написал для него роль, только боюсь, что после Антония эта роль, сделанная Антоном, покажется ему неизящной, угловатой. Впрочем играть он будет аристократа» [Чехов 1974-1977 : 11 : 271]. Своему брату Ивану он подписал книгу «Пестрые рассказы» так: «Протоучителю Иоанну Павловичу Чеховенскому» [Чехов 1974-1977 : 12 : 146]. Правда, себе он подписал такую же книгу и в тот же день с самоиздевкой, но вполне прилично: «Уважаемому Антону Павловичу Чехову от автора» [Чехов 1974-1977 : 11 : 271]. Однако на фотографии, подаренной А.М. Шавровой, он расписался: «От Сколопендрского» [Чехов 1974-1977 : 12 : 184].

Когда Чехов собирался в свой последний вояж в Европу, он предполагал, что в адресе к нему будет использована принятая в романском мире форма, учитываящая фонетическое написание: «Адрес: Германия, Badenweiler, Herrn Anton Tschechhoff» [Чехов 1974-1977 : 12 : 111]. Однако в Германии ему пришлось изменить транскрипцию: Мой адрес:

Германия, Badenweiler.

Herrn Anton Tschechow.

Так мою фамилию печатают здесь на моих книжках, стало быть, и я так должен писать ее» [Чехов 1974-1977 : 12 : 115].

Особый случай – юмористические подписи-имена А.П.Чехова. Вот, например, подпись писателя под письмом к любимой им Лике Мизиновой (15 июня 1897 г.): «Ваш Кушеткер» [Чехов 1974-1977 : 7 : 15]. Комментаторы полагают, что здесь «Чехов пародирует фамилию знакомого Мизиновой режиссера В.П. Шкафера» [Чехов 1974-1977 : 7 : 404]. В письме той же Л.С. Мизиновой через десять дней он подписывается уже «Ваш Повсекакий Бумажкер» [Чехов 1974-1977 : 7 : 23]. Открытка брату Александру тоже подписана на манер идиш: «Твой А.Брудер» [Чехов 1974-1977 : 7 : 29]. Однако нужно обратить внимание на то, что одновременно с первым письмом Чехов направил еще открытку в Ялту своей сестре Маше. А на обороте зафиксирован дом, где сестра в это время отдыхала: «Дача Витмер» [Чехов 1974-1977 : 7 : 15]. Думается, что это название тоже повлияло на форму подписей.

О чеховской Шарлотте Ивановне уже накопилась определенная литература. В.Зубарева так охарактеризовала эту героиню А.П. Чехова: «Шарлотта Ивановна тоже «шарлатанит», поражая доверчивую публику чревовещанием и другими дешевыми шутками. Прототипом этой героини принято считать Е. Глассби, гувернантку «в семье родственников К.С. Станиславского, с которой Чехов познакомился в Любимовке [Чехов 1974-1977 : 7 : 358]». «По словам Станиславского, это было «маленько худенькое существо, с двумя длинными девичьими косами, в мужском костюме. Благодаря такому соединению не сразу разберешь ее пол, происхождение и возраст. Она обращалась с Антоном Павловичем запанибрата, что очень нравилось писателю. Встречаясь ежедневно, они говорили друг другу ужасную чепуху <...> ловкая гимнастка-англичанка прыгала к нему на плечи и, усевшись на них, здоровалась за Антона Павловича со всеми проходившими мимо них, т.е. снимала шляпу с Его

головы и кланялась ею, приговаривая на ломаном русском языке, по-клоунски комичном: «Здасьт! Здасьт! Здасьт!» При этом она наклоняла голову Чехова в знак приветствия» [Зубарева 2015 : 84].

Она же предположила этимон к фамилии *Гаев*: «С этой же точки зрения можно интерпретировать и фамилию ее брата, Гаева, которая, как отмечают некоторые исследователи,озвучна существительному «гаер» (см. Грачева 2004 : 19). Дональд Рейфилд решительно отклоняет эту ассоциацию, называя ее «неубедительной» и «неадекватной» (Rayfield Donald. The Cherry Orchard: Catastrophe and Comedy. N.Y.: Twayne Publishers, 1994. P. 49). Но в данном случае его коллеги оказались куда проницательнее, уловив чеховскую иронию по поводу шутовства этого пустозвона, обещающего не допустить продажи имения. В контексте ярмарочной поэтики это вполне адекватная ассоциация с дедом-раешником или балаганным дедом, который сближен с гаером по функции шутовства» [Зубарева 2015 : 90].

Разбирая рассказ А.П. Чехова «Тина», Е. Толстая пишет о его героине: «Сусанна обманывает, завлекает и губит. Здесь характерно ее имя: библейское Сусанна – невольная соблазнительница. Библейская аллюзия скомкана и намеренно неточна, на самом деле героиня должна бы – по роли своей – быть Юдифью, завлекающей любовью врага своего народа, чтобы погубить его» [Толстая 2002 : 31]. Налицо навязывание А.П. Чехову несуществующей библейской аллюзии, а затем ее опровержение, дескать, не прав Чехов.

В русской литературе в повести И.С. Тургенева «Несчастная» (1868) уже было имя *Сусанна*. Здесь история любви Сусанны Ивановны очень близка к истории любви главных героев романа Вальтера Скотта «Айвенго» – еврейки Ребекки и бедного рыцаря Айвенго, причем Сусанна Ивановна сама говорит об этом.

Трудно предположить, что Чехов, намеренно или даже не отдавая себе отчета, выбрал имя *Сусанна*, обращаясь именно к библейской традиции. Еще труднее поверить, что писатель не знал о библейском сюжете Сусанны.

Однако рассказ «Тина» породил массу откликов, обвинявших писателя в махровом антисемитизме, чего у него никогда не наблюдалось. Более того, расставание с Сувориным произошло у Чехова именно из-за проявления этого качества у его друга.

А ведь и этот рассказ А.П. Чехова в некоторых чертах автобиографичен. В письме В.В. Билибину от 1 февраля 1886 г. автор писал: «A propos: святки стоили мне около трехсот... Ну не шальной ли? Не-ет, беда быть семейным! Впрочем, вчера, провожая домой одну барышню, сделал ей предложение... Хочу из огня да в полымя... Благословите жениться. <...> Невесту Вашу поблагодарите за память и внимание и скажите ей, что женитьба моя, вероятно, – увы и ах! Цензура не пропускает... Моя она – еврейка. Хватит мужества у богатой жи-довочки принять православие с его последствиями – ладно, не хватит – и не нужно... И к тому же мы уже поссорились... Завтра помиримся, но через неделю опять поссоримся... С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии – это характерно... Злючка страшная... Что я с ней разведусь через 1-2 года после свадьбы, это несомненно...»

Речь шла о Евдокии Исааковне Эфрос (1861-1943), которая училась вместе с М.П. Чеховой на Высших женских курсах В.И. Герье. О том, что Чехов делал Е.И. Эфрос предложение, его семья могла и не знать.

Сам Чехов шутливо называл Дуню «Эфрос с носом». Эту особенность ее лица он и отметил в рассказе: «В кресле <...> сидела женщина <...> с укутанной головой. Из-за вязаного шерстяного платка виден был только бледный длинный нос с острым кончиком и маленькой горбинкой да один большой черный глаз».

Девушка окончательно рассорилась с писателем после публикации рассказа (29 окт. 1886 г.) в суворинском «Новом времени», узнав в описании героини свой портрет. Потом Чехов подарил рассказ актрисе Каратыгиной с припиской: «с живой списано». Е.И. Эфрос вышла замуж за еврея (по мужу она стала Коновицер), после революции эмигрировала во

Францию. В 1943 г. была вывезена фашистами из дома престарелых в Париже. Скончалась в концентрационном лагере Треблинка.

Я, грешный, могу лишь предположить, что А.П. Чехов в рассказе «Тина» имел в имени *Сусанна* не всем понятный образ библейской Сусанны, а трудно усвоемую аллюзию в виде народного героя *Сусанина*.

В целом можно говорить, что ономастика творений практически нашего земляка и по происхождению украинца – А.П. Чехова вполне самостоятельна и оригинальна. Она отражает жизненный путь автора, его интеллектуальные запросы, художественный вкус и бытовые перипетии.

Библиографический список

1. Авилова Л.А. Рассказы. Воспоминания. М., Сов. Россия, 1984.
2. Бунин И.А. Окаймные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990.
3. Бунин И.А. Публицистика 1918-1953 годов. М., 1998.
4. Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. М., 1967.
5. Гиляровский В.А. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1997.
6. Головачева А.Г. Крым в жизни и творчестве А.П. Чехова // Литература в школе, 2010. №10.
7. Грачева И.В. Символика имен в рассказе Чехова «Невеста» и пьесе «Вишневый сад» // Литература в школе. 2004. № 7. С.19.
8. Зубарева В. Карусель Всея Руси. Купля-продажа в пьесе «Вишневый сад» // Вопросы литературы. №6. 2015.
9. Коновченко Е., Задорожный К. Южная степь и ее хутора. Где жили предки Чехова и что стало с родиной Героя // Ольховатский вестник. 2016. №30.
10. Розанов В.В. Уединенное. М., 2002.
11. Романов Е. Поклониться деду // Подъём-Регион, Богучар. Воронеж, 2014.
12. Супрун В.И., Мргачова Э. А.П. Чехов и чехи // Поэтический мир Чехова. Волгоград, 1985.
13. Толстая Е.Д. Поэтика раздражения. М., 2002.
14. Чехов М.П. Вокруг Чехова. М., 1980.
15. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем. Письма. М., 1974-1977.
16. Чуковский К.И. О Чехове // Чуковский К.И. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., «Правда», 1990.
17. Шершеневич В. Футуристы // Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания / Сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М., Наследие. 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ковалев Геннадий Филиппович,
доктор филологических наук, профессор;
независимый исследователь;
SPIN-код: 2855-2430;
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Kovalev Gennady Filippovich,
Doctor of Philology, Professor; independent
researcher;
SPIN-code: 2855-2430;
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

К юбилею М.А. Шолохова

УДК 81

О.И. Яковлева

Тюменский государственный университет

(Тюмень, Российская Федерация)

e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru

ФОРМУЛЫ ИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ М.А. ШОЛОХОВА В ПРОЗЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В настоящей работе описываются формулы именований персонажей и определяются особенности выбора антропонимов. Объектом исследования является проза М.А. Шолохова о Великой Отечественной войне (роман «Они сражались за Родину», рассказы «Наука ненависти» и «Судьба человека»). По причине отсутствия устоявшейся терминологии автор перечисляет существующие синонимические термины и делает выбор в пользу однокомпонентных, двухкомпонентных и трехкомпонентных формул именования. Автором статьи отмечается, что М.А. Шолохов использовал традиционную трехкомпонентную систему именования, при этом дополнительным идентификатором лица мог выступать appellativ. Чаще всего в прозе писателя о Великой Отечественной войне встречаются однокомпонентные («фамилия», «личное имя собственное» – «ЛИС») и двухкомпонентные («ЛИС + отчество», «ЛИС + фамилия» / «фамилия + ЛИС») формулы именования персонажей. Выбирая антропонимическую формулу, М.А. Шолохов учитывал половозрастную характеристику персонажей, семейное положение и родственные связи, тип ситуации, степень родства и знакомства, социальную иерархию, межличностные отношения, род занятий. Номинация происходит в соответствии с принятыми нормами речевого этикета. Отсутствие компонента в антропонимической формуле оказывается стилистически важным. С помощью модели именования автор может наполнить речь персонажа эмотивной оценкой.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, антропонимы, антропонимические формулы, формулы именования персонажей, appellativ, «Судьба человека», «Они сражались за Родину», «Наука ненависти».

O.I. Yakovleva

Tuymen State University

(Tyumen, Russian Federation)

e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru

FORMULAS FOR NAMING CHARACTERS IN M.A. SHOLOKHOV'S PROSE ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

This paper describes character naming formulas and identifies the specifics of choosing anthroponyms. The object of the study is M.A. Sholokhov's prose about the Great Patriotic War (the novel "They Fought for the Motherland," the stories "The Science of Hatred" and "The Fate of a Man"). Due to the lack of established terminology, the author lists existing synonymous terms and opts for one-component, two-component, and three-component naming formulas. The author of the article notes that M.A. Sholokhov used a traditional three-component naming system, with an appellative able to serve as an additional identifier. Most often, the writer's prose about the Great Patriotic War uses one-component and two-component character naming formulas. In choosing an anthroponymic formula, M.A. Sholokhov took into account gender, age, marital status and family ties, the type of situation, degree of kinship and acquaintance, social hierarchy, interpersonal relationships, and occupation. The nomination occurs in accordance with accepted norms of speech etiquette. The absence of a component in the anthroponymic formula proves stylistic. Using the naming model, the author can imbue the character's speech with an emotive evaluation.

Key words: Sholokhov, anthroponyms, anthroponymic formulas, character naming formulas, appellative, "The Fate of a Man", "They Fought for Their Country", "The science of hatred".

Антропонимы в зависимости от количества элементов представляют собой **формулы**. В русской антропонимической системе приняты формулы из одного, двух или трех элемен-

тов. В научных трудах по ономастике известны следующие синонимические термины: одно-, двух-, трехименные (А.В. Суперанская); ...словные (И.А. Королева), ...членные (С.И. Зинин), ...элементные (В.А. Шевцова) [Липихина 2007 : 98]. В нашей статье мы используем терминологию, встречающуюся в работах Н.В. Кайзер-Даниловой и ряда других исследователей: **одно-, двух-, трехкомпонентные** антропонимические формулы (модели) [Данилова 2004 и др.].

Антропонимические формулы русского национального именника прошли длительный путь развития. Известны случаи древнерусских многокомпонентных формул, в которых помимо личных имен собственных (ЛИС), отчеств и фамилий обозначались место жительства человека, принадлежность к этносу, сословное положение и прочие идентификаторы лица [Липихина 2007 : 99].

Военная проза М.А. Шолохова приходится на середину XX века. К этому времени устоялась трехкомпонентная система именования. Как и в реальном именословии, в антропонимическом пространстве военной прозы М.А. Шолохова отмечаются модели однокомпонентного, двухкомпонентного и трехкомпонентного именования персонажей.

Антропоним могут окружать другие лексические единицы. В сочетании они могут об разовывать комплексную номинативную единицу (например, учитель *Овражний, дядя Ва ся*). Такие лексические единицы называют «идентификаторами», «квалификаторами», «дeterminативами», «распространителями», «категориальными существительными» [Васильева, 2005 : 11], «классификаторами», «кименными атрибутами» [Фомин, 2007 : 150], «апеллятивами» [Данилова, Лоскутова, 2011]. В нашей работе мы используем термин «апеллятив».

Однокомпонентные формулы именования персонажей

Отталкиваясь от *половозрастной характеристики, одним* ЛИС М.А. Шолохов именует:

1) **детей, подростков, юношей**: «Вот уже когда *Ванюшка* мой подрастёт и придётся определять его в школу, тогда, может, и я угомонюсь, осяду на одном месте» [Шолохов 2005 : 8 : 337], «Главное старшенькую, *Машутку*, и ту толком не вспомню, а ведь ей пятнадцатый годок...» [Шолохов 2005 : 8 : 262]; иногда в связке с прилагательным «маленький» для идентификации персонажей-тёзок в одной семье: «А тут еще маленький Коля. Ребенок с прозорливостью взрослого сразу заметил наступивший между отцом и матерью разлад <...> *Николай* не раз во время обеда ловил его короткие вопрошающие взгляды...» [Шолохов 2005 : 8 : 40];

2) **молодых мужчин и женщин**. Например, молодого бронебойщика Копытовского: «На нас идут, – сквозь стиснутые зубы проговорил дрогнувшим голосом *Сашка*» [Шолохов 2005 : 8 : 169];

3) **мужчин и женщин среднего возраста**. Из разговора Александра Михайловича и Николая: «– ...Взрослеешь что ли? – Пора. Расколол уже четвертый десяток <...> И оттого ли, что действительно уже ушла за далекий степной горизонт, потонула в голубой дымке молодость... *Николай* ощущал на глазах жаркие слезы...» [Шолохов 2005 : 8 : 62];

4) **пожилых мужчин и женщин** с использованием формулы «**апеллятивы “дядя”, “старик”, “дедушка” + ЛИС**»: «Дядя Саша толкает меня локтем, говорит: “Тезка, это они нас, старых коммунистов, воспитывают. Ты это должен ценить!”» [Шолохов 2005 : 8 : 79], «– Пойдем, посмотришь на плес. Называется он Пахомова яма. Старик Пахом когда-то, при царе Горюхе, утонул тут, в память этого события и яму назвали его именем» [Шолохов 2005 : 8 : 63], «– Здравствуй, дедушка Сидор, – отозвался Николай. – Проходи, садись, гостем будешь» [Шолохов 2005 : 8 : 81].

При номинации писатель учитывает *семейное положение и родственные связи* персонажей. Одним ЛИС называют друг друга *супруги, братья и другие родственники*: «Николай только улыбался про себя, глядя на то, как брат преуспевает и с диковинной быстротой

становится в доме своим человеком. – Где ты, *Саша*, выучился сапожному мастерству? – спросил он, разглядывая тещину туфлю. – В лагере, – коротко ответил Александр» [Шолохов 2005 : 8 : 57-58]. Ребенок называет по формуле **«апеллятив “дядя” + ЛИС» как родственника**: «...дядя *Саша*, между прочим, говорил сегодня, что полководец Жлоба был рябой» [Шолохов 2005 : 8 : 55], так **и любого мужчину**: «Вот дядя *Василий*, плотник, ты знаешь, он тоже рябой. Я у него спросил, когда он в школе забор чинил: “Дядя *Вася*, вы, когда были молодым, вы были разбойником?”» [Шолохов 2005 : 8 : 56].

Отмечается, что родители называют **одним ЛИС** своих *детей, независимо от их возраста*. Лейтенант Герасимов вспоминал проводы на войну: «Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: “Смотри, – говорит, – *Виктор*, фамилия Герасимовых – это не простая фамилия”» [Шолохов 2005 : 8 : 10]; Андрей Соколов говорит о своем двадцатилетнем сыне: «Аккурат девятого мая, утром, в День Победы, убил моего *Anatolia* немецкий снайпер...» [Шолохов 2005 : 8 : 331]. Из приведенных примеров видно, что родители называют выросших детей ЛИС в полной форме.

В бытовом общении к антропониму может добавляться **притяжательное местоимение как дополнительное средство идентификации лица**. Подобные номинативные единицы используется для именования *супругов* («*а Ирина моя...* Такой я её за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видал» [Шолохов 2005 : 8 : 307]), **детей** («Вошёл я, моргаю им обоими глазами, бодро так говорю: “Вот и нашёл я своего *Ванюшку!*!”» [Шолохов 2005 : 8 : 334]).

Стилистические ремарки объективно раскрываются в использовании формул русского именника: «...нальёт гранёный стаканчик водки. “Похмелись, *Андрюша*, только больше не надо, мой милый”» [Шолохов 2005 : 8 : 306], «...моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова вымолвить не может. Я и говорю ей: “Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье”» [Шолохов 2005 : 8 : 307], «Провожали меня все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери – *Настенька* и *Олюшка*. Все ребята держались молодцом» [Шолохов 2005 : 8 : 307]. В приведённых примерах можно увидеть **однокомпонентные именования «ЛИС в квалитативной форме» с коннотацией «интимное», «ласкательное»**.

В романе «Они сражались за Родину» присутствует **случай несовпадения ожидаемой и реальной номинации**: «Ну, писала бы по-людски: “Дорогой *Ваня*” или там еще как, а то – “*цыпа*”» [Шолохов 2005 : 8 : 106].

Межличностные отношения также играют важную роль в номинации персонажей. Формулы **«ЛИС» или «фамилия»** встречаются при назывании *соседей, односельчан, приятелей*: «Вот, к примеру, залезет Иванова свинья к соседу *Петру* в огород, нашкодит там, а *Петро* – нет чтобы добром договориться, вот как мы с тобой, – берет карандаш, слюнявит его и пишет в ГПУ заявление на *Ивана...*» [Шолохов 2005 : 8 : 83], «...Ну, гляжу, – на рас- свете председатель чуть не рысью к моему двору спешает. “Промашка, – говорит, – вы- шла, *Наталья*. Это не бегунцы, – говорит, – а герои...”» [Шолохов 2005 : 8 : 292], «С трудом овладев речью, виновато улыбаясь и пожимая руки товарищей, Стрельцов проговорил: – Оглох я, ребята <...> Вон мы с *Лопахиным* какую канцелярию тут развели...» [Шолохов 2005 : 8 : 243-244]. Иногда **с иронией**: «*Лопахин* подошел к нему, шутовски раскланиваясь. – Как изволили почивать, почтенный мистер Стрельцов?» [Шолохов 2005 : 8 : 110].

При номинации персонажей учитывается **социальная иерархия**. Так, **одним ЛИС или одной фамилией** называют:

1) **начальники подчиненных**: «Заведующая оказалась простой и покладистой женщи- ной. Она... сказала: – ...*Глаша*, отпусти товарищу командиру молока два бидона, вчера- шнего вечорошника, и, если осталось в леднике сливочное масло, – тоже дай килограмма два- три» [Шолохов 2005 : 8 : 164]. В некоторых случаях к ЛИС присоединяется **апеллятив- характеристика**: «...И кто больше знает, майор или этот *свистун Васька?*» [Шолохов 2005 :

8 : 266-267] или апеллятив, указывающий на звание: «И откуда-то издалека дошел до его слуха знакомый голос Головкова (начштаба – *О.К.*): – Двадцать семь бойцов. Из них пятеро легко раненных. Привел старшина Поприщенко» [Шолохов 2005 : 8 : 294];

2) находящегося в одном звании с именуемым. Например, рядовой Некрасов обращается к рядовому Стрельцову: «– *Николай*, здравствуй!» [Шолохов 2005 : 8 : 242], при этом офицера персонаж называет по фамилии: «– …Лейтенант Жмыхов и штрафным батальоном мне грозил, и как только не взыскивал…» [Шолохов 2005 : 8 : 255].

На страницах романа встречается эпистолярный стиль, который диктует применение полной формы имени: «Второго поездом двадцать два вагон семь буду станции встречай обнимаю *Александр*» [Шолохов 2005 : 8 : 43]. Такая форма используется, потому что телеграмму может прочитать не только адресат.

Номинация шолоховских персонажей зависит от ситуации. Так, в неофициальной ситуации, когда нет свидетелей, формулой «ЛИС» называют друг друга офицеры, игнорируя позицию начальник-подчиненный. Майор Головков уговаривает раненого полковника Марченко не выходить к солдатам: «– *Вася*, ты не вставай. Приму я. Не вставай же, чудак, тебе худо! Ты белый, как стенка. Ну, разве можно так?!». Полковник Марченко отвечает: «– Я выйду к ним. Ты знаешь, *Федор*, под этим знаменем я прослужил до войны восемь лет… Я сам к ним выйду» [Шолохов 2005 : 8 : 294]. В официальной ситуации используется формула «фамилия с присоединением апеллятива, свойственного конкретной сфере деятельности: «На первом же допросе следователь говорит мне: “Обвиняемый Дьяченко, а ну, становись в двух метрах от меня и раскалывайся”» [Шолохов 2005 : 8 : 48].

Одним отчеством в неофициальной обстановке называет Николай Стрельцов своего начальника, пожилого Ивана Степановича. Здесь проявляется фамильярность: «Столько детски-наивной, простодушной убежденности было в словах пыщущего здоровьем степняка, что Николай, уже откровенно посмеиваясь, сказал: – Я тоже так думаю, *Степаныч*, а как насчет машины?» [Шолохов 2005 : 8 : 44].

Одним фамильным именем М.А. Шолохов обычно наделяет:

1) эпизодических персонажей: «На поляне возле дикой яблони с поникшими листьями, осыпанными слезинками дождя, Лопахин и еще один красноармеец, по фамилии *Майборода*, вырыли могилу» [Шолохов 2005 : 8 : 214]. Так же фамилия вне сочетания с именем используется персонажами при упоминании лиц, не участвующих в диалоге: «Некрасов… продолжал: – …А того невдомек, что мы с *Май-Бородой* под тополем спали…» [Шолохов 2005 : 8 : 259]. «Фамильное имя + апеллятив, указывающий на профессию может использоваться, чтобы подчеркнуть социальный статус персонажа (учитель *Овражский*);

2) представителей коммунистической партии СССР с присоединением апеллятива «товарищ»: «А секретарь и говорит: «Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет» [Шолохов 2005 : 8 : 11];

3) исторических лиц (писателей, поэтов, политиков, военных, врачей, ученых, промышленников): «…и *Пушкина* иначе воспринимаешь» [Шолохов 2005 : 8 : 77]. Иногда с апеллятивом «товарищ» (товарищ Сталин) [Шолохов 2005 : 8 : 46]; в связке с апеллятивом, указывающим на звание (генерал Деникин) [Шолохов 2005 : 8 : 72], титул (граф Толстой) [Шолохов 2005 : 8 : 44];

4) мужчин, независимо от их возраста. Ярко проявляется в среде военных, является средством идентификации личности. Звягинцев обращается к молодому солдату: «– Ты, паренек, не из третьей роты? Личность твоя мне будто знакомая. – Из третьей. – А фамилие твое как? – Утишев. – Ты женатый, Утишев?» [Шолохов 2005 : 8 : 190], Лопахин обращается к пожилому Некрасову: «– Ты откуда родом, *Некрасов?* Курский?» [Шолохов 2005 : 8 : 247]; нередко в сочетании с апеллятивом, указывающим на звание: «Подполковник подошел ко мне и тихо говорит: “Мужайся, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее”» [Шолохов 2005 : 8 : 331]. В данном примере эта формула именования необходима,

чтобы подчеркнуть статус убитого бойца. Но в основном эта формула является нейтральной, фоновой, придающей необходимую окраску военному времени.

В случае самоименования персонажа писатель использует «**фамильное имя**», иногда «**фамильное имя + апеллятив, указывающий на звание**»: «Останусь я один, – и один явлюсь к командиру дивизии? Вот, мол, товарищ полковник, видали вы старого дурня? Честь имею явиться, – старшина Поприщенко» [Шолохов 2005 : 8 : 266].

Иногда **с целью призыва к совести** к фамилии **военнослужащего** присоединяется **апеллятив «товарищ»**: «...взводный тихо так говорит: “Не выдавай меня, товарищ Крыжнев”. А тот засмеялся тихонько. “Товарищи, – говорит, – остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси, всё равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе”» [Шолохов 2005 : 8 : 316].

Еще один пример противоречия между планом выражения и планом содержания фиксируется в романе «Они сражались за Родину»: «– Но пасаран! Они не пройдут! – дрожащим от смеха голосом проговорил Хмыз. И тотчас же отозвался ему Акимов, снайпер третьего батальона, желчный и раздражительный человек, до войны работавший бухгалтером на крупном строительстве в Сибири: – Я попрошу вас, товарищ Хмыз, осторожнее обращаться со словами, которые дороги человечеству. Интеллигентный молодой человек, насколько мне известно, окончивший десятилетку, а усваиваете довольно дурную манеру – легко относиться к слову...» [Шолохов 2005 : 8 : 285].

Историческая справка: в 1936 г. во время Гражданской войны в Испании фразу «*No pasarán*» (с испанского «они не пройдут») произнесла в своей речи руководитель коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури. Эта фраза стала одним из символов антифашистского движения. Когда Испания пала, возглавлявший националистические силы Франсиско Франко произнес ответную фразу: «*Nemos pasado*» («Мы прошли») [Но пасаран: URL].

В военной прозе М.А. Шолохова фамилии могут выступать в роли **семейных имен**: «“Смотри, – говорит, Виктор, фамилия Герасимовых – это не простая фамилия. Ты – потомственный рабочий; прадед твой еще у Строгановых работал; наша фамилия сотни лет железо для родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным”» [Шолохов 2005 : 8 : 10]; «Произошел как бы невидимый надлом в их отношениях, и постепенно они, эти отношения, приняли такие тяжкие, угнетающие формы, о которых супруги Стрельцовы еще полгода назад никак не могли бы даже и помыслить» [Шолохов 2005 : 8 : 37-38]; «Был уже на исходе май, а в семье Стрельцовых все оставалось по-прежнему» [Шолохов 2005 : 8 : 37].

В романе «Они сражались за Родину» встречаются **однокомпонентные именования с коннотациями «уважительное», «с восхищением»**: «А наш Астахов уже впереди маячит и гремит, как гром небесный: “Бей, ребята, так их и разэтак!”» [Шолохов 2005 : 8 : 248], **«уничижительное»**: «А потом попробуй выиграть сражение с такими бойцами, как мой Сашка» [Шолохов 2005 : 8 : 116].

Прозвищным именем персонажи называют:

1) **человека, находящегося внизу социальной лестницы**; например, заключенного концентрационного лагеря: «Он и спрашивает меня: “Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки – это много?”» [Шолохов 2005 : 8 : 322];

2) **по роду занятий**: «длинношерий боец, за которым прочно утвердилась кличка «раколов»» [Шолохов 2005 : 8 : 284];

3) **приятеля**: «Тракторист Федор Белявин неспроста был прозван друзьями “Жуком Чернявиным”...» [Шолохов 2005 : 8 : 36];

4) **человека, который вызывает неприязнь**: «Некрасов... продолжал: – ...По нечаянности, когда вокруг тополя ходил, наступил этой Май-Бороде на голову...» [Шолохов 2005 : 8 : 259-260].

Двухкомпонентные формулы именования персонажей

Формулой «ЛИС + отчество» писатель в зависимости от поля, возраста, межличностных отношений, социального положения наделяет:

1) **пожилых мужчин и женщин**: «На вторую ночь перед сном он забрался в кровать к Серафиме Петровне, жарко зашептал ей на ухо: – Бабуля, дядя Саша, между прочим, говорил сегодня, что полководец Жлоба был рябой» [Шолохов 2005 : 8 : 55]; иногда с **апеллятивом, обозначающим профессию**: «Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич» [Шолохов 2005 : 8 : 329]. В том числе обращаются друг к другу флиртующие друг с другом пожилые мужчины и женщины: «– Любезная Серафима Петровна! Здесь этих милых рыбок ровным счетом шестьдесят три штуки… – Чему это вы, Александр Михайлович, посмеиваешься? – невольно краснея, спросила Серафима Петровна» [Шолохов 2005 : 8 : 58];

2) **приятелей-коллег**: «И только когда товарищ его – большой чернобородый доктор… негромко сказал: "Ну, как ваш богатырь, Николай Петрович? Выживет? – молодой хирург… немного охрипшим голосом ответил: – Безусловно…» [Шолохов 2005 : 8 : 237];

3) **начальников**. Примечательно, что именующий обращается к именуемому на «ты»: «– Я говорил тебе, Иван Степанович, что сегодня начинать не надо, – вот и засадили трактор… – раздраженно говорил Стрельцов… глядя на красное, налитое лицо директора МТС» [Шолохов 2005 : 8 : 34], «Не ожидая разрешения, в полутемную комнату вошел начштаба майор Головков. – Ты не спиши, Василий Семенович? – спросил он. – Нет, а что ты хотел?» [Шолохов 2005 : 8 : 293];

4) **мужчин и женщин среднего возраста (на публике)**: «– Уж вы меня извиняйте, Петр Федотович… Синяк-то у вас нехорош… Небось товарищи слыхали ночью? – Это пустое, – велиководушно сказал Лопахин. – …Наше дело, Наталья Степановна, жениховское» [Шолохов 2005 : 8 : 290-291]; в некоторых случаях такая формула употребляется в связке с притяжательным местоимением, указывающим на принадлежность: «Скажу тебе откровенно и по секрету: никак переписку со своей Настасьей Филипповной не налажу» [Шолохов 2005 : 8 : 106].

Как уже отмечалось исследователями [Данилова, Лоскутова, 2011], в текстах М.А. Шолохова «противопоставленность определенных антропонимических формул является показателем возрастного статуса именуемого». В военной прозе это находит свое отражение: «…старик … зычно крикнул: – Глашка, язвить твою душу, почему до сих пор кобылы нету? <…> Полная, статная доярка, с малиновыми губами и пышной грудью… не спеша отозвалась: – Скоро приведут, Лука Михалыч, не беспокойся…» [Шолохов 2005 : 8 : 162].

С помощью апеллятивов может передаваться **ирония**: «– Она царственno улыбнулась, сказала: «Я верю в вас, Александр Михайлович». – Дорогой Александр Михайлович? – Нет, просто Александр Михайлович, но «дорогой» висело в воздухе, то есть подразумевалось само собой. – Так вот, «просто Александр Михайлович», чтобы ваше обещание не повисло в воздухе, чтобы поймать реального, а не подразумеваемого сазана, чтобы вам еще раз царственno улыбнулась ваша Дульцина Петровна, – извольте идти, проверить насадку и упорно ждать» [Шолохов 2005 : 8 : 90-91].

Формулой «ЛИС + фамилия» М.А. Шолохов пользуется в условиях:

1) **ввода персонажа в повествование**, часто с указанием занимаемой должности: «Задолго до восхода солнца старший агроном Черноярской МТС Николай Стрельцов проснулся» [Шолохов 2005 : 8 : 29], «Около полевой кухни, широко расставив кривые ноги, стоял приятель Николая бронебойщик Петр Лопахин» [Шолохов 2005 : 8 : 108-109];

2) **обозначения социальной иерархии**. Так, **начальники называют подчиненных**: «…старшина Поприщенко… не раз говорил: – Если бы Петра Лопахина и Николая Стрельцова превратить в тесто, а потом хорошенъко перемесить…» [Шолохов 2005 : 8 : 112-113];

3) **самоименования персонажа**: «Иду по лагерному двору… думаю: “Вот и отмучился ты, Андрей Соколов…”» [Шолохов 2005 : 8 : 321]; **в том числе в официальной обстановке**:

«Ну, я… громко так докладываю: “Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился”» [Шолохов 2005 : 8 : 322]; **с присоединением апеллятива, указывающего на должность**: «А сейчас автоматчику Николаю Стрельцову надо плотнее сжать губы и постараться думать о чем-либо постороннем…» [Шолохов 2005 : 8 : 130]. Выбранная формула **может демонстрировать мнение персонажа о себе**. Например, Лопахин считает себя опытным солдатом: «Он представил… нудные наставления какого-нибудь бывшего лейтенанта, который по долгу службы и на него, Петра Лопахина, уже прошедшего все огни и воды и медные трубы, будет смотреть, как на молодого лопоухого призывающего…» [Шолохов 2005 : 8 : 218]. Ср.: Петр Лопахин – лопоухий призывающий;

4) упоминания персонажа (при его отсутствии): «Звягинцев… сонно заговорил: – Вот Микола Стрельцов был настоящий, серьезный человек, не то что ты, пустозвон» [Шолохов 2005 : 8 : 152], «Мне Коля Стрельцов, перед тем как в госпиталь его отправили, поручил за тобою присматривать» [Шолохов 2005 : 8 : 151]. При личной встрече друзья не называют его такой формулой, т. к. она необходима только для идентификации лица при его отсутствии.

В официальной ситуации применяется двухкомпонентная формула **«фамилия + полная форма ЛИС»**, которая фиксируется только в рассказе «Судьба человека». Она указывает на статус персонажа и имеет нейтральный оттенок: «Вечером приходят в барак переводчик и с ним два охранника. “Кто Соколов Андрей?” Я отозвался» (офиц.-дел. окраска) [Шолохов 2005 : 8 : 321].

Двухсловные модели **«ЛИС + прозвище»**, **«прозвище + ЛИС»** и **«прозвище + отчество»** применяются М.А. Шолоховым, чтобы:

1) **придать речи персонажа ироничность**: «– Иди, садись в лодку. Счастье тебя ждет, о рыцарь, вверивший свое сердце Серафиме прекрасной, – готовя кутан, улыбался Николай» [Шолохов 2005 : 8 : 90], «…чтобы вам еще раз царственно улыбнулась ваша Дульцина Петровна, – извольте идти, проверить насадку и упорно ждать» [Шолохов 2005 : 8 : 91], «Лопахин… принял услуги Звягинцева, но через несколько минут уже начальственно покрикивал на него, донимая неприятными шутками, и, похлопывая ладонью по… спине нового приятеля, говорил: – Рой глубже, богомолец Иван!..» [Шолохов 2005 : 8 : 154];

2) **подчеркнуть профессию персонажа**: «…старик спросил: – Никак вы, товарищ, братцем нашему Миколе-агроному доводитесь?» [Шолохов 2005 : 8 : 81], «…этого лодыря Ваньку-слесаря праведно обматить боюсь…» [Шолохов 2005 : 8 : 51], «– Ох, и горяч ты, агроном Микола!» [Шолохов 2005 : 8 : 35].

В военной прозе М.А. Шолохова **трехкомпонентная формула именования** относительно других формул малоупотребительна. С помощью этой формулы выражается уважительное отношение: «В одном из лагерей вместе со мной был Тодоровский Александр Иванович, бывший командир корпуса… Его знал Ленин. <…> Он и сейчас в лагерях! Но этот человек и там был коммунистом, коммунистом он и остался до конца своих дней» [Шолохов 2005 : 8 : 79].

Таким образом, при выборе антропонимических формул М.А. Шолоховым учитываются пол, возраст, семейное положение и родственные связи, тип ситуации, степень родства и знакомства, социальная иерархия, межличностные отношения, род занятий. Номинация проходит в соответствии с принятыми нормами речевого этикета. Отсутствие компонента в антропонимической формуле оказывается стилистически важным. С помощью модели именования автор может наполнить речь персонажа эмотивной оценкой. Писатель активно использует в текстах о Великой Отечественной войне апеллятивы, которые служат дополнительным идентификатором персонажа.

Библиографический список

1. Васильева Н.В. Собственное имя в тексте: интегративный подход : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Ин-т языкоznания РАН. Москва: 2005. 46 с.
2. Данилова Н.В. Словообразовательная вариативность христианских личных имен персонажей М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Славяно-русское духовное пространство в Сибири: материалы 27-ой межрегионал. науч.-практ. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2004. Ч. 1. С. 73-78.
3. Данилова Н.В. Художественно-изобразительная роль вариативности личных имен собственных персонажей в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Шолоховские чтения: сборник научных трудов. Москва: Таганка: МГОПУ, 2004а. Вып. 4. С. 151-159.
4. Данилова Н.В., Лоскутова Е.Н. Традиции русской антропонимии в формулах именования персонажей «Донских рассказов» М.А. Шолохова // Шолоховские чтения: сборник научных трудов. Москва: МГГУ, 2011. Вып. 10. С. 224-236.
5. Липихина Е.Л. Формулы именования персонажей в детских художественных текстах // Духовная культура русской словесности: материалы 29 научно-практической конференции / под общей ред. Н.К. Фролова. В 2 частях. Тюмень: ТюмГУ, 2007. Ч. 2. С. 98-102.
6. Но пасаран // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Но_пасаран (дата обращения - 31.10.2025).
7. Фомин А.А. [Рецензия] // Вопросы ономастики. Екатеринбург: УрГУ, 2007. №. 4. С. 145-157. Рец. на кн.: Собственное имя в мире текста / Васильева Н. В. Москва: Академия гуманитарных исследований, 2005. 224 с.
8. Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 8. Наука ненависти. Они сражались за Родину. Судьба человека. Москва: Советский писатель, 2005. 512 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яковлева Ольга Игоревна,
аспирант института социально-
гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет,
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru

Yakovleva Olga Igorevna,
postgraduate student of the Insti-
tute of Social Sciences and Humanities, Tyumen
State University,
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru

К юбилею И.А. Бунина

УДК 811.161

Н.А. Трубицина

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

(Елец, Российская Федерация)

e-mail: trubicina-nat@mail.ru

**БИБЛЕЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В МИКРОТОПОНИМИКЕ
«ПАЛЕСТИНСКИХ ГЛАВ» ЦИКЛА И.А. БУНИНА «ТЕНЬ ПТИЦЫ»**

В статье рассмотрены библейские антропонимы в микротопонимике «палестинских глав» цикла И.А. Бунина «Тень птицы». Иудеи, присваивая библейские имена собственные своим географическим объектам, исходили из исторического контекста Ветхого и Нового Заветов. В связи с этим в названиях культурно-географических объектов Палестины появились патрономические и мемориальные топонимы. Антропонимические названия имеют большое количество микротопонимов, связанных с городом Иерусалимом и его окрестностями. В «палестинских главах» цикла Бунина «Тень птицы» встречаются локусы, связанные с именами библейских персонажей – Иеговы, Давида, Соломона, Иосафата, Езекии и Самуила. Микротопонимы выполняют в тексте миромоделирующую, сюжетообразующую, биографическую, ориентационную, поэтическую и символическую функции и помогают раскрыть писателю свои конкретные идеино-художественные задачи, обозначить репрезентируемую территорию как семиотически насыщенное культурно-историческое пространство. Разрушающиеся от времени материальные культурно-географические объекты местности противопоставляются писателем человеческой памяти, которая закрепляет Священную историю территории в духовном опыте, в том числе и через топографическую меморификацию.

Ключевые слова: микротопонимика, антропонимы, Библия, И.А. Бунин, «Тень птицы».

N.A. Trubitsina

I.A. Bunin Yelets State University

(Yelets, Russian Federation)

e-mail: trubicina-nat@mail.ru

BIBLICAL ANTHROPOONYMS IN THE MICROTOPONYMICS OF THE "PALESTINIAN CHAPTERS" OF I.A. BUNIN'S "THE SHADOW OF A FLY" CYCLE

The article examines biblical anthroponyms in the microtoponymy of the "Palestinian chapters" of I.A. Bunin's "The Shadow of a Bird" cycle. The Jews, when assigning biblical proper names to their geographical objects, proceeded from the historical context of the Old and New Testaments. In this regard, patronymic and memorial toponyms have appeared in the names of cultural and geographical sites in Palestine. The anthroponymic names have a large number of microtoponyms associated with the city of Jerusalem and its surroundings. The "Palestinian chapters" of the cycle include loci associated with the names of biblical characters such as Jehovah, David, Solomon, Josaphat, Hezekiah, and Samuel. Microtoponyms perform world-modeling, plot-forming, biographical, orientational, poetic, and symbolic functions in the text and help the writer to achieve his specific ideological and artistic goals, to designate the represented territory as a semiotically saturated cultural and historical space. The material cultural and geographical objects of the area, which are destroyed by time, are contrasted with human memory, which consolidates the sacred history of the territory in spiritual experience, including through topographic memorialization.

Keywords: microtoponymy, anthroponyms, Bible, I.A. Bunin, "The Shadow of a Bird."

В 1907 году И.А. Бунин и его тогда еще гражданская жена В.Н. Муромцева совершают первое совместное путешествие на Восток, посетив в этот раз Египет, Сирию и Палестину. Это «паломничество во Святую землю» послужило источником нескольких путевых очерков, поначалу получивших название «Храм Солнца», и переименованных Буниным в парижском издании 1931 года в «Тень птицы».

Изначально Палестина была описана в главе «Иудея», из которой позднее писатель вы-

делил самостоятельные рассказы «Камень» и «Шеол». «Палестиной в то время считалась область, расположенная от восточного берега Средиземного моря до Аравийской пустыни, от горы Хермон (Бунин называет ее Гермон) на севере до залива Акаба на юге» [Двинятина Т.Н., Морозов С.Н. 2022 : 65]. Т.Н. Двинятина и С.Н. Морозов отмечают, что «кузловые моменты и главные впечатления путешествия отражены в стихах и путевых очерках Бунина, собранных в книге “Храм Солнца”, имеющих собственный хронотоп и носящих не только документальный, но и художественный характер» и что «маршрут, который можно восстановить по очеркам Бунина, отличается от реального» [Двинятина, Морозов 2022 : 65]. Таким образом можно заключить, что в текст очерков вошли те художественные детали, которые были особенно важны и значимы для автора. В этой связи представляется интересным изучить микротопонимику рассказов «Иудея», «Камень» и «Шеол» в свете библейской антропонимики.

Библия – книга особенная, и разными людьми воспринимается в мифологическом, легендарном или историческом контексте. Иудеи, присваивая библейские имена собственные своим географическим объектам, исходили из исторического контекста Ветхого и Нового Заветов. В связи с этим в названиях культурно-географических объектов Палестины появились патрономические, т.е. происходящие от имен первопоселенцев или землевладельцев (от древнегреческого «патронимот» – «носящий имя отца») и мемориальные, данные в память о человеке, топонимы.

Антропонимические названия имеют большое количество микротопонимов, связанных с городом Иерусалимом и его окрестностями. В «палестинских главах» цикла встречаются локусы, связанные с именами библейских персонажей – Иеговы, Давида, Соломона, Иосафата, Езекии и Самуила. Наиболее частотны в топонимах имена Давида и Соломона.

Шесть раз в описании Палестины встречаются микротопонимы, связанные с именем царя Давида. Царь Давид, которому довелось стать автором библейских Псалмов, является важнейшим персонажем Ветхого Завета, упоминание о нем имеется в десяти книгах. Однако и в Новом Завете его имя упоминается в трех из четырех канонических Евангелий (от Матфея, Марка и Луки), а также в Деяниях святых апостолов, Посланиях апостола Павла и Откровении Иоанна Богослова.

В «Тени птицы» трижды встречается годоним «улица Давида». Один раз в очерке «Иудея»: «Напротив – улица Давида: узкий, темный, крытый холстами и сводами ход между старыми-старыми мастерскими и лавками» [Бунин 1987 : 542]. И дважды в очерке «Камень»: «Если не свернешь с улицы Давида к Гробу и пройдешь немного ниже, то необходимо свернешь вправо, в узенькие и жаркие трущобные ходы, что уступами приводят в глухой длинный закоулок» [Бунин 1987 : 550]. «Черномазый араб-часовой, в феске и синей турецкой форме, с карабином на плече, медленно бродил возле старых крепостных ворот, когда мы, спустившись по улице Давида, несмело остановились возле них» [Бунин 1987 : 552].

Улица Давида является одной из старейших улиц Иерусалима и связана с именем основателя города – царем Давидом. «Археологи, работающие в Старом Иерусалиме, в очередной раз убедились в том, что планировка этого древнего города менялась довольно мало, несмотря на частые перестройки. Расположение главной улицы оставалось неизменным многие века: она начиналась у западных ворот (ныне это Яффские ворота) и шла на восток, где упиралась в Храмовую гору. Сейчас эта улица носит имя царя Давида и разделяет Христианский и Армянский кварталы. Раскопки у Яффских ворот показали, что она существовала еще в V веке» [Ефимов 2010].

Годоним «улица Давида» является патрономическим и мемориальным топонимом и увековечивает память о царе, сделавшем Иерусалим своей столицей. По библейским преданиям, Иерусалим был отвоеван царем Давидом у хананейского племени иевуситов, после чего Давид превратил его в сакральный центр, принеся в город ковчег Завета. Он планировал построить для ковчега завета храм, но это удалось только его сыну Соломону.

Дважды упоминается в тексте некроним «гробница Давида». Оба раза в очерке «Иудея»: «На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Вся Иудея – как эта могила» [Бунин 1987 : 544]. «А при Адриане внезапно распалась гробница Давида, и “волки и гиены с воем появились на улицах пустынного Иерусалима”» [Бунин 1987 : 546]. Находящееся на горе Сион сооружение, почитаемое как место захоронения царя Давида, расположено в нижнем этаже мечети. Царь Давид почитался не только в иудаизме и христианстве, но и в исламе под именем Дауд.

Этот некроним является мемориальным и патрономическим топонимом, но здесь можно отметить и его символическую функцию. Запустение местности, которое И.А. Бунин наблюдает на протяжении всего путешествия, и вывод, который он делает – Иудея как могила – автор связывает с гробницей, миром мертвых.

Еще один важный микротопоним, связанный с именем Давида, упоминает И.А. Бунин в очерке «Иудея»: «Небольшая площадь за воротами почти вся в тени, падающей и от них, и от тяжкой цитадели Давида с ее рвами и бойницами» [Бунин 1987 : 542]. Цитадель Давида на самом деле не имеет прямого отношения к легендарному царю. Современные источники сообщают, что «башней Давида византийцы называли сохранившуюся башню Ирода, полагая, что это часть дворца царя Давида, хотя на самом деле это не так. Позже Башней Давида стали называть минарет XVII века, построенный османами. А со временем это название распространилось на всю цитадель» [Уткина 2023]. Название это существует и до настоящего времени, а сама крепость, в частности башня Давида, стали с 1989 года музеем истории Иерусалима. Для писателя цитадель Давида – знаковое место. Экклезионим «цитадель Давида», как впрочем, и гидроним «улица Давида», и некроним «гробница Давида» выполняют в тексте указательно-локализующую функцию, называя место, где разворачивается событие.

С именем сына царя Давида, легендарного Соломона, также тесно связана палестинская микротопонимика. Дважды И.А. Бунин использует экклезионим «храм Соломона». В очерке «Иудея»: «Над ним высятся редкие минареты, католические колокольни и рубчатый черно-синий купол приземистой мечети Омара, занявшей место храма Соломона» [Бунин 1987 : 543]. В Библии говорится «И начал Соломон строить дом Господень в Иерусалиме на горе Мория, которая была указана Давиду, отцу его, на месте, которое приготовил Давид» (2 Пар 3:1).

Храм стал единственным местом поклонения Богу Иегове. Поэтому упомянутые в тексте Бунина «храм Иеговы» и «святилище Иеговы» – это и есть храм Соломона. «Одни будут лить слезы у Гроба, другие – у Стены Плача, уцелевшей от храма Иеговы» [Бунин 1987 : 548]. И далее: «Но еще более горькая радость – у Стены Плача, у останков святилища Иеговы» [Бунин 1987 : 550]. Храм Иеговы писатель тесно связывает с главной святыней иудаизма – Стеной Плача, а экклезионим «храм Соломона» выявляет историю Иерусалимского храма, связанную с возведением на его месте мусульманских святынь. Ряд исследователей считает, что Храм Соломона стоял на том месте, где сегодня стоит мечеть Омара (Харам аш-Шариф), точнее – Купол Скалы (Куббат ас-Сахра), построенный Абд аль-Маликом в 637 году. Сторонники этой точки зрения опираются на сведения исторических источников, согласно которым Куббат ас-Сахра перекрыла остатки стоявшего здесь Второго Храма.

Здесь к указательно-локализующей функции экклезионима добавляется лингвокультурологическая, связанная с духовными ценностями разных конфессий, в частности, иудаизма и ислама, для которых описанный Буниным локус является максимально значимым.

Еще с именем Соломона связаны в «Тени птицы» ороним и гидроним. «И вспоминались сады и виноградники Соломона» [Бунин 1987 : 544]. Дальнейшие цитаты из Песни Песней Соломона, когда «по пути в Вифлеем зеленели когда-то сплошные сады», наделяют этот ороним поэтической функцией. Ко времени путешествия И.А. Бунина садов уже не было. Сады Соломона в тексте очерка – это символ былого процветания Палестины, а виноградники – символ всего праведного Израиля; виноградники увядают, когда иудеи отступают от Бога.

«Водоемы Соломона! Я ждал их с волнением – и вот увидел наконец» [Бунин 1987 : 545]. Гидроним «водоемы Соломона» называет сохранившиеся за Вифлеемом пруды. «Соломоновы Пруды – три больших водоема (92,2 кв. м, 112,8 кв. м, 131,7 кв. м., общая емкость более 180 тыс. куб. м.) – были одним из главных источников водоснабжения древнего Иерусалима» – сообщают современные источники [Маламант 2014]. И.А. Бунин в «Тени птицы» описывает этот знаковый локус следующим образом: «Влево от дороги стоят руины зубчатой сааринской крепости. За ней вход в новую глухую, мертвую долину. И уступами лежат в этой долине три гигантских цистерны. Первая суха, пуста. Во второй половина покатого дна чуть прикрыта бирюзовой водой. В третьей покрыто все дно» [Бунин 1987 : 545]. То, что сохранилось от бывших водных резервуаров, не идет ни в какое сравнение с их бывшим предназначением. Здесь наблюдается иссякание воды как символа жизненной силы, угасания прежде цветущей земли, на которой теперь рождается только мак.

Ороним «долина Иосафата», используемый в тексте очерков «Иудея» и «Камень», обозначает еще один знаковый локус как древнего, так и современного Иерусалима. Иосафатова долина пролегает узкой полосой между Иерусалимом и Масличной горой, название она получила или как предполагаемое место погребения царя Иосафата, или как место большой победы, одержанной Иосафатом над моавитянами и над их союзниками. О ней говорит пророк Иоиль: «Я (Иегова) сберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд... На основании сих слов пророка евреи, магометане и некоторые из христиан полагают, что долина Иосафатова будет местом последнего Страшного Суда Божия над народами» [Библейская энциклопедия 2023].

И.А. Бунин дважды упоминает в очерках «Иудея» и «Камень» это место: «Он [Иерусалим – Т.Н.], воспетый Давидом и Соломоном, некогда блеставший золотом и мрамором, окруженный садами Песни Песней, ныне возвратился к аравийской патриархальной нищете. Уступами сходящий к кремнистой ложбине Кедрона, к переполненной несметными могилами Иосафатовой долине, окруженный пустырями и оврагами, он кажется тяжким и грубым вретищем, одевшим славный прах былого» [Бунин 1987 : 543]. Некротические мотивы («пустыри», «прах», «вретище») дополняются «несметными могилами Иосафатовой долины». Долина видится автору как некрополь, и легенда о том, что это место Страшного Суда, никак не обыгрывается И.А. Бунином.

Это подтверждает и следующий контекст из очерка «Камень»: «Сколько здесь круглоликих, огнеглазых юношей с черно-синими пейсами, в одеждах испанских евреев, и тонконогих, худосочных старцев, точно сбежавших из Долины Иосафата!» [Бунин 1987 : 541]. Сбежавшие из долины старцы – аллюзия на живых мертвцев – препрезентирует это место как кладбище. Как основная символическая функция оронима наблюдается и в очерке «Иудея», и в очерке «Камень», и знаменует кладбищенский локус.

Единожды в антропонимических названиях упоминаются имена «Иезекия» и «Самуил». «Иду по внутренним и наружным лестницам, на одном повороте останавливаюсь: за окном подо мной – громадный «водоем пророка Иезекии», темно-зеленая вода которого стоит прямо среди домовых стен с решетчатыми окошечками, пробитыми как попало – и очень высоко, и очень низко» [Бунин 1987 : 543]. Вероятно, И.А. Бунин имеет здесь ввиду «бассейн Езекии», или, другое название, «Патриарший бассейн».

Езекия не был пророком, он был царем. И.А. Бунин в более позднем произведении «Весной, в Иудее» еще раз опишет это место: «Там, глубоко внизу за узким окном, виден был древний “Водоем пророка Иезекииля”, зеленоватая вода которого лежала, как в колодце, в квадрате соседних сплошных домовых стен с решетчатыми окошечками» [Бунин 1987 : 542]. Как отмечают современные израильские исследователи, возможно, «память подвела писателя, и вместо царя Иезекии предложила в качестве исторического хозяина пророка Иезекииля» [Бунин в Иерусалиме 2012]. Но для нас важно другое: название водоема (Езекии или Иезекииля) писатель связывает с библейской историей. Основная функция гидронима здесь – указательно-локализующая. Однако библейский контекст усиливает символическую функцию микротопонима, подчеркивает его древность, а

«темно-зеленая вода» акцентирует состояние ветхости, умирания водоема. Американские культурологи заметили, что на момент 2008 года этот бассейн уже использовался как мусорная свалка.

К иерусалимским достопримечательностям относится парк Неби Самуэль. «Неби Самуэль – это ничто иное, как арабский вариант имени еврейского пророка Самуила, которое очень походит на ивритский вариант» [Нисенбаум 2021]. Неби Самуэль находится в нескольких километрах к северу от Иерусалима на холме высотой 908 метров. Неби Самуэль считается местом древнего еврейского поселения и могилы одного из самых главных библейских пророков – Самуила.

Это место одновременно свято для евреев, христиан и мусульман. «Могила пророка Самуила находится в подземном помещении здания, которое представляет собой бывший замок крестоносцев, синагогу и построенную в XVIII в. на основании синагоги мечеть. Сегодня это действующая синагога на первом “ярусе и мечеть под патронажем Вакфа” одновременно. По преданию, гора Неби Самуэль называется “горой слез”, потому что именно здесь Ричард Львиное сердце проливал свои слезы после поражения в крестовом походе, глядя на неприступные стены Иерусалима» [Колтыпин 2025]. Еще одно название имеет это место – гора Радости. Крестоносцы прозвали так этот холм, поскольку отсюда во время похода на Иерусалим им впервые открылся вид на Святой Город.

Бунин лаконично представляет этот локус в очерке «Иудея»: «На севере, на горизонте, – четкий известковый конус, гора Самуила» [Бунин 1987 : 542]. Не используя других названий холма, Бунин равноудаляется от всех конфессиональных споров, связанных со спорными территориями данной местности. Ороним «гора Самуила» здесь географический ориентир по частям света, без привязки к находящимся на ней постройкам.

С.Б. Аюпова в работе «Топонимическое пространство в языковой художественной картине мира прозы И. С. Тургенева» [Аюпова 2011: 61] выделяет семь функций топонимов в художественном тексте:

1) миромоделирующая: топонимы, которые называют реально существующие и вымышленные объекты, участвуют в создании художественной географо-политической картины мира;

2) мистифицирующая функция, функция правдоподобия изображаемого мира: эффект достоверности и четкости изображаемого достигается путем использования реальных географических названий;

3) ориентационная (тесно связана с мистифицирующей функцией): топоним в тексте локализует описание в тексте, используется как ориентир;

4) поэтическая функция: в авторском повествовании топонимы используются в лирических зарисовках, которые, несмотря на небольшой объем, отсутствие деталей, весьма экспрессивны, передают первое впечатление о месте, содержат оценку, часто гармонируют с состоянием персонажа;

5) сюжетообразующая: перечисление включенных в повествование о каких-либо событиях топонимов делают его более лаконичным и динамичным;

6) символическая: часто топонимы, связанные с судьбой героя, формируют подтекст произведения и становятся символами;

7) биографическая функция: «Топонимы, непосредственно не связаны с развитием сюжета, характеризуют биографию персонажа».

Цикл «Тень птицы» отличается от прочих художественных произведений тем, что художественное пространство в нем реально достоверно. Поэтому мистифицирующая функция топонимов здесь исключается. В основе сюжета лежит путешествие, поэтому сюжетообразующая функция топонимов является здесь основной. Автор наблюдает и описывает один за другим культурно-географические объекты и передает мельчайшие детали и оттенки, отражающие онтологию локуса, тем самым подключая миромоделирующую функцию художественной топонимики. Ориентационная функция топонимов в «Тени птицы» не связана с мистифицирующей функцией. Напротив, она указывает точный ориентир объекта на репрезентируемой территории, и связана с био-

графической функцией. Присутствуют в цикле поэтическая и символическая функции микротопонимов, которые мы обозначили в тексте статьи.

Таким образом, библейские антропонимы в микротопонимике «палестинских глав» цикла И.А. Бунина «Тень птицы» играют важную роль, помогая раскрывать писателю свои конкретные идейно-художественные задачи, и, в частности, обозначить репрезентируемую территорию как семиотически насыщенное культурно-историческое пространство. Разрушающиеся от времени материальные культурно-географические объекты местности противопоставляются человеческой памяти, которая закрепляет Священную историю территории в духовном опыте, в том числе и через топографическую меморификацию.

Библиографический список

1. Аюрова, С. Б. Топонимическое пространство в языковой художественной картине мира прозы И. С. Тургенева // Русская словесность. 2011. № 3. С. 61-64.
2. Библейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/2023> (дата обращения - 18.10.2025).
3. Бунин И.А. Тень птицы. / Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. С.539-559.
4. Бунин И. А. Весной, в Иудее / Собрание сочинений: в 6 т. М.: Сантакс, 1994. Т. 6. 416 с.
5. Двинятина Т.М., Морозов С.Н. Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст // Литературный факт. 2022. № 2 (24). с. 64-94.
6. Бунин в Иерусалиме. [Электронный ресурс]. URL: <https://mk.livejournal.com/286309.html> (дата обращения - 18.10.2025).
7. Ефимов А. Где эта улица [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2010/02/13/jerusalem/> (дата обращения - 18.10.2025).
8. Колтыпин А. Земля до потопа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dopotopa.com/> (дата обращения - 18.10.2025).
9. Маламант Г. Вифлеем, город хлеба. [Электронный ресурс]. URL: <https://galina-malamant.com/2014/03/22/vifleem-3/> (дата обращения - 18.10.2025).
10. Нисенбаум Д. Неби Самуэль - 3000 лет истории и политических игр. [Электронный ресурс]. URL: <https://nisenisrael.com/nebi-samuel-3000-let-istorii-i-politicheskix-igr/> (дата обращения - 18.10.2025).
11. Уткина М. Башня Давида: где можно узнать реальную историю Иерусалима [Электронный ресурс]. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/basna-davida-gde-mozno-uznat-realnuu-istoriu-ierusalima.html>. (дата обращения - 18.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Трубицина Наталья Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и жур-
налистики Елецкого государственного
университета им. И.А. Бунина,
SPIN-код 9482-0859,
e-mail: trubicina-nat@mail.ru

Trubitsina Natalia Alekseevna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism at I.A. Bunin Yelets State University,
SPIN code 9482-0859,
e-mail: trubicina-nat@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЯТВОРЧЕСТВА PRAGMATIC ASPECT OF NAME CREATION

УДК 811.161.1'373.211 (470.62)

М.Ю. Беляева

*Кубанский государственный университет, Филиал в г. Славянске-на-Кубани
(г. Славянск-на-Кубани, Российская Федерация)
fliny@mail.ru*

УРБАНОНИМЫ Г. КРАСНОДАРА: ДИНАМИКА НОМИНАЦИЙ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ И МИКРОРАЙОНОВ

Статья посвящена выявлению динамики номинаций микрорайонов и жилых комплексов города Краснодара. На материале 823 единиц выявлялись особенности номинации микрорайонов, дачных территорий, коттеджных посёлков, жилищных комплексов (ЖК) г. Краснодара, как готовых, так и не сданных в эксплуатацию. Урбанонимы доперестроичного периода подчеркивали значение трудовой деятельности, демонстрировали разнообразие профессий населения Кубани. С 2000-х годов на первые позиции выдвигаются ценности европейского образа жизни. Урбанонимы начали ориентироваться на зарубежные образцы, что проявляется в использовании производящих-топонимов – названий стран и городов Европы. В последнее время вырос престиж спорта, единения с природой. Активны народно-разговорные ориентационные образцы урбанонимов. Предпочтения кириллицы или латиницы на разных временных отрезках проявляют вектор развития социально-политической жизни страны. Выявлены прецедентные имена, являющиеся производящими для урбанонимов. Традиции и новшества, соотношение исконного и заимствованного в номинации обусловлены экстраглоссическими факторами: социально-политическими приоритетами, динамикой взаимоотношений с зарубежными странами в периоды до и после перестройки.

Ключевые слова: ономастика, урбаноним, микрорайон, коттеджный поселок, жилой комплекс, динамика.

M.Yu. Belyaeva

*Kuban State University, Branch in Slavyansk-on-Kuban
(Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation)
fliny@mail.ru*

URBANONYMS OF KRASNODAR: DYNAMICS OF NOMINATIONS OF RESIDENTIAL COMPLEXES AND MICRODISTRICTS

The article is devoted to identifying the dynamics of nominations of microdistricts and housing complexes of the city of Krasnodar. On the material of 823 units, the features of the nomination of microdistricts, summer cottages, cottage villages, housing complexes (LCD) of Krasnodar, both ready and not commissioned, were revealed. Urbanonyms of the pre-perestroika period emphasized the importance of labor activity, demonstrated the diversity of professions of the population of the Kuban. Since the 2000s, the values of the European way of life have been put forward in the first position. Urbanonyms began to focus on foreign samples, which is manifested in the use of producing toponyms - the names of countries and cities in Europe. Recently, the prestige of sports, unity with nature has grown. Popular colloquial orientation patterns of urbanonyms are active. Preferences of Cyrillic or Latin at different time periods show the vector of development of the socio-political life of the country. Precedent names of producers for urbanonyms have been identified. Traditions and innovations, the ratio of original and borrowed in the nomination are due to extralinguistic factors: socio-political priorities, the dynamics of relations with foreign countries in the periods before and after perestroika.

Keywords: onomastics, urbanonym, microdistrict, cottage villages, housing complexes dynamics.

Разнообразная, динамичная городская жизнь становится сегодня наиболее показательной моделью социальных трансформаций современности. Новые характеристики социальности представлены как «текучесть» (З. Бауман), «креативность» (Ч. Лэндри), «мобильность» (Дж. Урри), и наиболее выразительно они проявляются именно в трансформациях города [Кочухова 2013].

Краснодарский край изначально не подпадает под определение «страны городов»: в середине XIX века на Кубани среди населенных пунктов указывали лишь три города, одну немецкую колонию, 63 куреня, или станицы (включая Екатеринодар, Тамань), пять поселков и до трех тысяч хуторов [Попка 1998: 37]. По мнению И.Д. Попки, изложенному в известном труде «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы», Екатеринодар «не подходит под учреждение городов в губерниях», что заметно в его внешнем облике («этот город имеет вид большого села, главная особенность которого состоит в том, что оно служит вывеской для всех остальных сел в крае»), а кроме того в социальной политике – отсутствии прав оседлости для кого-либо, за исключением казаков) [Попка 1998 : 43].

Согласно точке зрения Ю.М. Лотмана, город может быть рассмотрен как пространство двух видов: город концентрический (находящийся в центре, город на горе, тяготеющий к замкнутости, выделению из окружения, которое воспринимается враждебным) и город эксцентрический (расположенный на периферии культурного пространства, имеющий в основе противостояние природы и культуры, тяготеющий к разомкнутости, культурному диалогу) [Лотман 1996 : 276-277]. И.Д. Попка отмечает, что «казацкое общество тяготеет больше к своей окружности, чем к средоточию, ... раздробление, особничество ... составляют отличительную черту характера черноморцев. Им всё как-то тесно, в самом куренном поселении они отдвигаются сколько можно дальше, один от другого. Они не сливаются в обществе, как камни в здании» [Попка 1998: 48].

Екатеринодар, по мысли автора, находится между городами «отжившими» (крепость Фанагория) и «начинающими жить» (Ейск). Относительно будущего городов на Кубани цитируемый автор полон оптимизма: «Изменяются обстоятельства, изменится и <...> город к лучшему» [Попка 1998 : 44-45].

Екатеринодар получил статус города в 1867 году. Процесс формирования и развития типологической застройки исторической части города проанализирован в работе [Маркова 2019]. Действительность подтвердила прогнозы казака. В настоящее время Краснодар (до 1920 г. *Екатеринодар*), миллионер (по официальным данным, в нем проживает до 1,5 млн. человек, по неофициальным – свыше двух млн), краевой центр, занимает первые позиции в РФ по масштабу строительства и введению в эксплуатацию жилого фонда, существенно расширив границы Екатеринодара. Приток приезжих из других регионов и из-за рубежа делает строительный бизнес одним из наиболее востребованных в крае. К жилищному фонду времён бывшего СССР добавляются новые микрорайоны и жилые комплексы (далее ЖК). При этом застройка идёт в ногу со временем не только в плане материалов и методов работы, но и в аспекте номинации – области, где переплетаются социально-экономические интересы, политические ориентации, веяния моды.

Одной из задач лингвистики является сопоставление сугубо языковых явлений с их социокультурными стимулами, изучение их связей и взаимозависимости [Беляева 2015 : 161]. Не последнюю роль в решении проблемы отводят онимам, неслучайно получившим определение «зеркала социальной истории». В данной работе рассматривается динамика собственных имен микрорайонов, дачных территорий и жилых комплексов города Краснодара, обусловленная преимущественно внешнеязыковыми факторами. В задачи исследования входили:

- сбор языкового материала (на основе данных картографии);
- классификация собственных имен микрорайонов и дачных территорий с позиций идеалов времени;

- выявление специфики собственных имен ЖК, готовых к эксплуатации в сравнении с образцами наименований строящихся объектов.

Собственные имена входят в группы названий микрорайонов (59 ед.), дачных территорий (378 ед.), коттеджных посёлков – 131 ед.), ЖК, сданных в эксплуатацию (180 ед.) и строящихся ЖК (75 ед.). Общее количество проанализированного языкового материала составило 823 ед. Источником сведений послужил картографический материал 2 ГИС [Гидрострой в Краснодаре], [Жилые комплексы].

«Смена вех» в тексте города тесно связана с общественно-политической ориентацией государства, в развитии которого выделяются периоды до и после перестройки, с динамикой взаимоотношений РФ с зарубежными странами. Традиции и новшества, соотношение исконного и заимствованного в номинации прослеживаются на материале собственных имен жилых массивов. Созданные в разные различные отрезки времени – от советского до постперестроечного, – объекты получили названия, отражающие цели и задачи общества в соответствующие периоды.

Спектр терминов и терминоидов для понятия 'жилой комплекс' достаточно широк. В статье Р.В. Разумова перечисляются такие, как *жилой дом, апартаменты, клубный дом*, а также искусственные *веллаус, мортонград* и словосочетания собственного имени с опорными компонентами *квартал, парк, плаза, посад, усадьба, хаус* [Разумов, с. 109]. С нашей точки зрения, под родовое название *урбаноним* для городских объектов в данном случае целесообразно подвести видовое *хороним* (точнее *микрохороним*), содержащее указание на территорию любого масштаба, каковой и являются ЖК и микрорайон. Наличие ансамблевости как «блочного принципа для называния территориально соположенных объектов» [Голомидова 2019 : 20] относится к основополагающим признакам рассматриваемых объектов. Примером может служить краснодарский ЖК «Станиславский». Это клубный квартал бизнес-класса от застройщика «Континент в районе Западного Обхода Краснодара. Он представляет собой 3 корпуса переменной этажности (9-15 этажей) в стиле Ар-Деко, каждый из которых имеет собственное название («Дом Время», «Дом Действие», «Дом Место») [Сайт застройщика ГК НВМ].

В рамках данной статьи мы оставляем родовой термин «урбаноним». Аналогичной точки зрения придерживается М. В. Голомидова [Голомидова 2019 : 14].

Микрорайоны

В нашем материале насчитывается 59 микрорайонов МО Краснодар, а также станицы Северской и МО Горячий Ключ.

Массовая застройка города спальными микрорайонами («Фестивальный», «Комсомольский», «Юбилейный», «Гидростроителей») ведёт отсчёт с 1970–1980-х годов. «Фестивальный» начали строить в 60-х годах XX века; получив свое название от улицы Фестивальной. Ввод в эксплуатацию Гидростроя (микрорайон «Гидростроителей») датируется 1973 годом, когда в целях защиты города от паводков было возведено Краснодарское водохранилище.

Для крупных микрорайонов используются традиционные «советские» наименования: «Комсомольский», «Молодёжный», «Фестивальный». Турецкая строительная фирма ENKA, обозначившая себя на торце одного из домов микрорайона Жукова, возводимого ею в 1993–1994 гг., дала впоследствии название этому району,

Часть микрорайонов содержит адресацию к таким предприятиям, как Восточная промышленная зона, завод измерительных приборов, завод им. Седина, Краснодарский ЗИП, Лекраспром, Табачная фабрика.

Среди прецедентных личностей, чьи имена стали производящими для микрорайонов, укажем Вавилова, Демьяна Бедного, Жукова, Калинина (2 раза), Репина, Ткачева, Петра Мельникова, Седина.

Дачные территории (СНТ, ДНТ, СТ)

В эту группу объединены садовые некоммерческие товарищества (СНТ); садовые товарищества (СТ); дачные некоммерческие товарищества (ДНТ). В обследованном материале их количество составляет 378 ед.

Этапным годом для развития дачного хозяйства стал период хрущевской "оттепели", когда жители городов стали получать от государства долгожданные б соток. Продовольственный кризис конца 1980-х годов дал толчок бурному росту садоводческих товариществ. Товарищества окружили все крупные города, а также мелкие и даже центральные усадьбы совхозов [Вараксин 2011].

Идеалы времен Морального кодекса строителя коммунизма воплощены в абстрактной лексике с положительной коннотацией: «Весна», «Мечта», «Надежда», «Радуга». Оним «Дружба» повторяется чаще других (21 ед., 5,6 % от общего количества названий дачных территорий), встречаются и однокоренные – «Содружество», «Дружное». Релевантны прилагательные-производящие для онимов «Изобильный», Светлый», «Солнечный», «Радужное».

Часть наименований отвечает советским требованиям к личности, когда всякий труд объявлялся почетным, в соответствии с чем жильё предоставлялось представителям актуальных для края профессий. Из 378 онимов 73 (19,3 %) образованы от названий профессий. Спектр профессий впечатляет. Разнообразны тематические подгруппы производящих:

- сельское хозяйство: *агроном, животновод, лесник, садовод, биолог, микробиолог;*
- транспорт: *авиатор, автомобилист, железнодорожник, пилот, речник;*
- связь: *радист, связист, электрик;*
- медицина: *витаминолог, лекарственник, медик;*
- энергоресурсы: *газовики, нефтяники, энергетики;*
- строительство: *гидростроитель, градостроитель, монтажник, проектировщик, строитель и др.*

Ряд названий повторяется: «Строитель», «Автомобилист» – по 6 раз, «Медик» – 5, «Лесник», «Нефтяник» – по 4 раза, «Железнодорожник», «Монтажник», «Садовод» – по 3 раза. Показательно название «Труженик».

Садовые некоммерческие товарищества (СНТ) получают названия по предприятиям: «Тензорприбор», «Краснодарсельэнергопроект», «Рыбхоз», «Краснодарсельмаш», «Коммунпроект», «Сельмаш», «АО ЮГТЕКС-2», «КТТУ», «КСТ-2». Принадлежность к организациям определяется также по личным существительным-производящим: *биопромовец, водхозовец, зиповчанка* (от ЗИП), *лекраспромовец* (3,4 %).

Патриотическая направленность проявляется в пietете по отношению к малой родине. Ряд урбанонимов позиционирует это в однословных единицах («Кубань», «Кубаночка», «Прикубанье») и в словосочетаниях («Берег Кубани», «Кубанские зори, «Кубанские сады», Закубанские сады», «Кубанская нива», «Южная Кубань», «Сад Кубани» и, наконец, «Слава Кубани») (2,9 %).

Коттеджные посёлки

Обследованный материал содержит 131 ед.

Коттеджными посёлками в настоящее время считаются частные дома, объединённые в территории, организованные одним застройщиком, зачастую изолированные, закрытые, охраняемые. Участки индивидуального жилищного строительства (ИСЖ) в настоящее время переведены из площадей бывшего сельскохозяйственного назначения на окраинах города и сейчас активно застраиваются.

Перестроочный период резко изменил ориентацию номинаторов. Образцом для подражания становятся реалии ранее закрытого западного мира («Греция» («Эллада»), «Австрия», «Италия», «Португалия», «Скандинавия»; города Вена, Женева, Севилья), венцом градостроительства признается «Европейская деревня» (альпийская, немецкая, финская) или «Вилла роз». Высшими ценностями выглядят, судя по производящих для урбанонимов:

- принадлежность к эlite общества: *аристократ, знатный; элитный; Рублёвский, Рублёвка, Царское село;*
 - первенство: *лидер, лучший, победитель;*
 - движение в ногу со временем: *инноваторы, перспективный.*

Для номинации более новых по времени образования коттеджных поселков выбраны имена Сахарова, Феллини.

Среди таких посёлков популярны названия с компонентом «парк»: «Николино парк», «Онегин-парк», «Солнце-парк», «Южный парк».

Готовые жилые комплексы (ЖК)

С 2007 года принятая государственная программа «Краснодару – столичный облик», способствовавшая активной застройке жильем, сносу ветхого жилья. Бум строительства ЖК приходится на 2000-е годы: получили развитие блочное строительство и новые жилые районы.

В названиях ЖК, выстроенных в это время, сохраняется власть приоритетов, подпадающих под номинации ЖК «*Smart life*» и «*Все свои VIP*». Достойным подражания признают «*Западный город*» – образ жизни в Британии, Италии, Провансе и Марселе во Франции (все топонимы из названий ЖК).

Духу современности отвечает ряд убранонимов, приветствующих здоровый, подвижный образ жизни: «Спорт», «Спортивный парк», «Sport Village», «Парусная регата». Другим трендом является призыв к руральному образу жизни в единении с природой, суть которого точно передаёт название ЖК «Гармония»: «Лето», «Хорошая погода», «Оазис», «Небо», «Облака», «Краски». Идеализированный образ безмятежной жизни на лоне природы («Зелёный город», «Фруктовый квартал») дополняют производящие от фитонимов (в широком понимании термина): *мята, огурцы, подсолнух, смородина, тополиный*. Вновь в тренде *доброта и улыбка*.

К прецедентам онимам-производящим добавились *Гагарин*, из писателей – *Островский*, *Тургенев*, из конфессионально-просветительской сферы – *Россинский*. «Свое» носит, с одной стороны, официально-пафосный характер («Губернский», «Екатеринодар», «Краснодарский», «Кремлевские ворота», «Достояние», «Триумф», «Возрождение», с ноткой «русскости»: «Гагарин-2», «Радонеж», «Пересвет», «Сармат», «Три богатыря»), с другой – опирается на народно-разговорные образцы ориентационной номинации: «На Красных партизан», «На Магистральной», «На Садовой». Постперестроечная свобода оказывается в разнообразии моделей именования и средств графики: «I SAY парк», «RED 777», «New Tower» и др. Встречается русская транслитерация англоязычных наименований – «Грин вудз» (от *Green Woods* (‘Зелёные леса’)).

Отантропонимические названия «Анит-центр», «Иван-да-Марья», «Ида», «Кларисса» относятся к недостроенным объектам. На фоне инцидентов с обманутыми дольщиками актуальна модель с названием застройщика: «Гарантия на...»: «Гарантия в Немецкой деревне», «Гарантия на Обрывной» («Гарантия» – застройщик).

ЖК строящиеся

Строительная реформа, начавшаяся с 1 июля 2019 года, сделала эскроу-счета обязательными для всех новых проектов долевого строительства. Теперь деньги дольщиков переводятся на специальный банковский счет, который остается под контролем банка. Застройщик получает средства только после завершения строительства и ввода дома в эксплуатацию, что защищает покупателей от рисков банкротства застройщика и недостроя.

Ряд ЖК в Краснодаре начал строиться несколько лет назад, но еще не полностью сдан в эксплуатацию. К новейшим по времени застройки относят «Образцово», «Reeds»,

«Архитектор», «Дом 101», «Традиции», «Народные кварталы» и мн. др. Как и в предыдущий период, урбанонимы сигнализируют о желании будущих владельцев квартир в ЖК соответствовать европейским стандартам («Империал», «Прима», «Первое место»; «Европа», «Европейский», «Компаньон-Сити», «Мегасити»); таковы противопоставлены «Народные кварталы», «Традиции». Тяготение к природе подчеркивают наименования «Огурцы», «Цитрус», «Смородина». Участок около реки получает гордое название «Reeds» ‘тростинка, соломинка, камыш’.

Менее многочисленны по сравнению с предыдущим периодом случаи обращения к латинице. Приобретение жилья стойко ассоциируется с жизненными переменами: «Nova vita», «Novella». Графика предлагает компромисс между «своим» и «чужим»: для так и не увидевшего свет ЖК предлагалось название «Graff Суворов». ЖК «One Love» в 2024 году был переименован в «Событие».

Приметой времени становится увеличение количества ориентационных номинаций: «Дом 101», «На Шоссейной», «Самолет», «Фонтаны», «Центральный двор».

Новаторством выглядит использование производящих, относящихся к области искусства: профессии (*архитектор, режиссер*), прецедентные объекты (*Эрмитаж*) и личности (*Репин* в «Репин-парк»), характеристики любителей прекрасного (*эстет*); см. также: *портрет, опера*. Примечательно, что указываются люди профессий, не имеющих отношения к заселению ЖК от предприятий, как это имело место ранее при номинации микрорайонов и дачных территорий.

Итак, Краснодарский край позиционирует себя как динамично развивающийся регион, что подтверждается масштабами жилищного строительства. Краснодар, город «с выраженным южно-провинциальным характером» [Маркова 2019 : 16], меняется, расширяется, отражая в собственных именах микрорайонов, дачных территорий, ЖК особенности социально-политических приоритетов в различные периоды жизни страны, в т. ч. соотношение исконного и заимствованного в урбанонимах.

Библиографический список

1. Беляева М. Ю., Балаценко Н. С., Фролова Н. Н Текст города: тенденции развития лингвокультуры Краснодарского края: монография; отв. ред. М. Ю. Беляева. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2015. 197 с.
2. Вараксин Г. С., Нефодина Т. А. История становления и развития дачного хозяйства в России // Вестник КрасГАУ. 2011. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-dachnogo-hozyaystva-v-rossii> (дата обращения: 23.10.2025.)
3. Гидрострой в Краснодаре на карте // URL // <https://2gis.ru/krasnodar/search/%D0%93%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. № 6. С.11-30. // URL <https://cyberleninka.ru/article/n/urbanonimy-kak-resurs-upravleniya-vospriyatiem-gorodskogo-prostranstva/viewer> (дата обращения: 23.10.2025).
5. Жилые комплексы в Краснодаре // URL // <https://2gis.ru/krasnodar/search/%D0%96%D0%B8%D0%BB%D1%8B%D0%B5%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%8B?m=39.328856%2C45.038884%2F9.32> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Кочухова Е. С. Город: политики репрезентации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

8. Маркова О. Н. Опыт типологического анализа исторической застройки г. Краснодара // Наследие веков. 2019. № 1. С. 112–126.
9. Масленников Д. Развитие города Краснодара [Переезд на Юг Сиб 23] // URL <https://sib23.ru/2025/02/razvitiye-goroda-krasnodara> (дата обращения: 20.10.2025).
10. Попка И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В двух частях. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.
11. Разумов Р. В. Динамические процессы в урбанизационной номинации (на примере названий жилых комплексов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. №3.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-protsessy-v-urbanonimicheskoy-nominatsii-na-primere-nazvaniy-zhilyh-kompleksov> (дата обращения: 23.10.2025)
12. Сайт застройщика ГК НВМ. URL:// <https://gk-nvm.ru/obekty/zhk-stanislavsky> (дата обращения: 23.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Беляева Марина Юрьевна,

доктор филологических наук, доцент, профессор Кубанского государственного университета, Филиал в г. Славянске-на-Кубани (г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края РФ)
SPIN-CODE 5121-6124
e-mail: fliny@mail.ru

Belyaeva Marina Yurievna,

doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Kuban State University, Branch in Slavyansk-on-Kuban (Slavyansk-on-Kuban, Krasnodar Territory RF)
SPIN-CODE 5121-6124
e-mail: fliny@mail.ru

Д.Д. Новикова
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ СЦЕНИЧЕСКИХ ИМЕН

Статья посвящена исследованию моделей образования сценических имен как категории псевдонимов в системе неофициального антропонимикона. На материале корпуса псевдонимов российского шоу-бизнеса проведен анализ структурных особенностей сценических имен. Исследование выявило три основные модели образования. В работе подробно описываются особенности каждой модели образования сценических имен российского шоу-бизнеса. Детально рассматриваются субмодели каждой категории, включая использование различных форм имён (кратких, гипокористических, вымышленных), преобразованных фамилий, имён нарицательных, прецедентных феноменов и т.д. Особое внимание уделено графическому варьированию и поликодовым способам образования как средствам создания запоминающегося сценического образа.

Ключевые слова: сценическое имя, псевдоним, неформальный антропоним, ономастика, шоу-бизнес

D.D. Novikova
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

MODELS OF STAGE NAME FORMATION

The article is devoted to the study of stage name formation models as a category of pseudonyms within the system of unofficial anthroponomy. Based on a corpus of pseudonyms from the Russian show business, an analysis of the structural features of stage names is conducted. The study identifies three main formation models. The paper provides a detailed description of the characteristics of each stage name formation model in Russian show business. Submodels of each category are examined in detail, including the use of various name forms (shortened, hypocoristic, invented), modified surnames, common nouns, precedent phenomena, etc. Special attention is paid to graphic variation and polycode methods of formation as means of creating a memorable stage image.

Keywords: stage name, pseudonym, informal anthroponym, onomastics, show business

В лингвокультурологическом пространстве особый интерес представляет феномен неофициального антропонимикона. Ключевым критерием его классификации служит цель употребления, в соответствии с которой различают псевдонимы, прозвища, клички и позывные имена. В свою очередь, псевдонимы как одна из категорий неофициальных антропонимов подразделяются в зависимости от сферы функционирования на литературные псевдонимы, политические псевдонимы и сценические псевдонимы (сценические имена). Сценические имена – это профессиональные псевдонимы, используемые артистами шоу-бизнеса. Необходимо уточнить, что понимается под термином «шоу-бизнес». Универсального определения этого понятия не существует, так как данный лингвистический и культурный феномен стал объектом научного анализа относительно недавно. По мнению Х.Д. Гродзелидзе, шоу-бизнес – область культуры и искусства, подчиненная цели удовлетворить потребности толпы в развлечениях и эмоциональных впечатлениях [Гродзелидзе 2008]. По мнению Т. Камилев и М.П. Файзулаева, шоу-бизнес – это коммерческая деятельность в сфере развлекательных зреищ. В широком смысле к шоу-бизнесу относят не только музыкальную эстраду, но и многие другие близкие к ней по функциональному назначению виды деятельности: киноиндустрию, зреищные спортивные состязания, развлекательные телепередачи, конкурсы красоты и даже музыкальное радиовещание [Камилев, Файзулаева 2010]. Таким образом, шоу-

бизнес – это коммерческая деятельность в сфере культуры и искусства, направленная на удовлетворение потребности массовой аудитории в развлечениях и эмоциональных впечатлениях. Сфера шоу-бизнеса включает в себя не только музыкальную индустрию, но и другие творческие области, такие как кинематограф, телевидение, театр, индустрия моды и смежные направления развлекательной деятельности.

Развитие цифровых технологий в XXI веке преобразовало информационное пространство, сделав интернет универсальной платформой для коммуникации, развлечений и само выражения. Особую значимость приобрёл феномен блогинга, эволюционировавший от средства виртуального общения в начале 2010-х годов до полноценной творческой индустрии. Современный блогинг интегрирован в шоу-бизнес как его неотъемлемая часть, а блогеры стали полноправными медийными персонами. Это обусловлено следующими факторами: развлекательной функцией, аналогичной традиционному шоу-бизнесу; профессиональной организацией их деятельности при участии продюсеров и режиссёров; системой монетизации; наличием массовой аудитории и узнаваемого сценического образа. Таким образом, блогеры наравне с актёрами, музыкантами и телеведущими входят в индустрию развлечений, а их сценические имена становятся объектом лингвистического исследования наряду с псевдонимами других представителей шоу-бизнеса.

В рамках исследования сценических имен как специализированной категории псевдонимов в системе неофициального антропонимикона был собран корпус из более 500 сценических псевдонимов российского шоу-бизнеса, состоящий из сценических имен музыкантов, актеров, телеведущих, юмористов, блогеров и моделей. Стоит отметить, что проведенный количественный анализ выявил четкую стратификацию корпуса псевдонимов по профессиональному признаку. Превалирующую группу онимов формируют представители музыкальной индустрии (322 псевдонима), куда включены как исполнители эстрадного вокала, так и рэп-артисты. Существенную долю корпуса составляют псевдонимы блогеров (никнеймы), их количество составляет 109 онимов; затем псевдонимы телеведущих (28 онимов); псевдонимы актеров театра и кино (26 онимов); псевдонимы юмористов/комиков (23 онима), а также псевдонимы моделей, которые составляют 12 онимов.

Приступая к анализу структурных особенностей сценических имен, необходимо исходить из структуры официального антропонимикона, канонической для русской лингвокультурной традиции системы, представленной трехкомпонентной формулой имя-отчество-фамилия. В условиях неформальной коммуникации наблюдается редукция данной модели до таких частотных сочетаний, как «имя + отчество» либо «имя + фамилия». Поскольку сфера шоу-бизнеса носит преимущественно неформальный характер, то трехкомпонентная форма имени наречения в данном дискурсе практически отсутствует.

В ходе исследования сценических имен российских артистов был проведен анализ структурных особенностей образования сценических имен. Исследование выявило ряд устойчивых закономерностей в формировании сценических имен, среди которых особого внимания заслуживают модели образования сценических имен. Рассмотрим их подробнее.

1. Модель «имя + фамилия»

В рамках исследуемого корпуса была идентифицирована устойчивая тенденция к доминированию модели «имя + фамилия». Исходя из полного корпуса данных, состоящего из 520 псевдонима, 218 псевдонима созданы по модели «имя + фамилия» (это примерно 42% от общего количества псевдонимов в корпусе). Важно отметить, что в данной модели в качестве первого компонента может выступать как полная (официальная) форма имени, так и его сокращенная или гипокористическая (уменьшительно-ласкательная) форма, а в качестве второго компонента может выступать как полная фамилия, так и ее преобразованная форма. Учитывая вариативность компонентов, представляется целесообразным классифицировать указанную модель на следующие субмодели:

- а) краткая или гипокористическая форма имени + реальная фамилия;

- б) краткая форма имени + вымышленная фамилия;
- в) полная форма имени + вымышленная фамилия;
- г) имя + преобразованная форма фамилии;
- д) вымышленное имя + вымышленная фамилия;
- е) вымышленное имя + реальная фамилия;

Рассмотрим каждую субмодель подробнее.

а) краткая или гипокористическая форма имени + реальная фамилия

В способах образования сценических имен субмодель *краткая или гипокористическая форма имени + реальная фамилия* выделяется как одна из наиболее продуктивных (39 употреблений). Её формирование представляет собой процесс контаминации элементов разговорного и официального стилей. В качестве компонента неофициального, разговорного стиля предполагаются имена в краткой форме, например, *Екатерина-Катя, Елена-Лена, Иван-Ваня*, или в гипокористической форме. Под гипокористиком имени понимается усеченные варианты личных имен, которые сопровождаются дополнительными словообразовательными средствами (аффиксацией) (Буденная 2021). Например, *Анна-Нюша, Игорь-Игорек* и т.д. В качестве второго компонента выступает официальная фамилия владельца псевдонима в неизменном виде.

Синтаксически конструкция представляет собой словосочетание с устойчивым порядком следования компонентов, соответствующим антропонимической модели русского языка (имя + фамилия).

С pragматической точки зрения, данная модель выполняет функцию создания эффекта доверительности посредством имитации неформальной коммуникативной ситуации. Сохранение фамилии выступает как маркер аутентичности, обеспечивающий связь с исходной идентичностью, в то время как краткая форма или гипокористик формирует запоминающийся образ. Примерами такой субмодели образования псевдонимов могут служить следующие сценические имена: *Ваня Дмитриенко (Иван Дмитриенко), Влад Топалов (Владислав Топалов), Гарик Сукачёв (Игорь Сукачёв), Женя Любич (Евгения Любич), Ирсон Кудикова (Ирина Кудикова), Кай Метов (Кайрат Метов), Люся Чеботина (Людмила Чеботина), Миша Барский (Михаил Барский), Сосо Павлиашвили (Иосиф Павлиашвили), Эля Чавес (Элинор Чавес), Юля Савичева (Юлия Савичева), Юля Чичерина (Юлия Чичерина), Тина Канделаки (Тинатин Канделаки), Аня Пересильд (Анна Пересильд), Маха Горячёва (Мария Горячёва)* и другие.

б) краткая форма имени + вымышленная фамилия

Данная субмодель представляет собой синтез разговорной (неофициальной) формы антропонима и искусственно созданного компонента, выполняющего функцию фамилии. Частота использования, относительно данного корпуса данных, составляет 58 употреблений. Главной особенностью такой субмодели является желание сохранить настоящее имя и изменить реальную фамилию по той или иной причине. С морфологической точки зрения первый компонент псевдонима формируется по принципу усечения, в то время как второй компонент создаётся с применением различных словообразовательных моделей, среди которых, по данным анализа корпуса, можно выделить четыре основных типа:

1) ассоциативный образ, где целью является создание яркого запоминающегося образа. Например, *Наташа Королева (Наталья Порывай), Рома Зверь (Роман Бильк), Паша Техник (Павел Ивлев), Рома Жиган (Роман Чумаков), Слава КПСС (Вячеслав Машнов), Ирина Понарошку (Ирина Годизова), Таша Стrogая (Наталья Фролова), Тима Белорусских (Тимофей Морозов), Настя Кош (Анастасия Васина)* и другие;

2) «фонетическая игра», предполагающая подбор компонентов для благозвучного сочетания. Например, *Маш Милаш (Мария Камова), Алекс Дубас (Алексей Топорков), Миша Маваши (Михаил Ниц)*;

3) собственно вымышленный способ (фамилия-окказионализм), при котором новый оним создаётся без явной семантической или ассоциативной мотивации, что нередко подчёр-

кивается самими носителями. Это такие псевдонимы, как *Мари Краймбрери* (*Мария Жадан*), *Влад Глент* (*Владислав Чашейко*) и другие;

4) иноязычное заимствование, предполагающее использование иностранных слов или фамилий, присущих иностранному антропонимику, например: *Катя Голден* (*Екатерина Мясникова*); «*golden*» от англ. *golden* — «золотой»; *Макс Браун* (*Максим Волков*); «*Brown*» — *американская фамилия*; *Маша Вэй* (*Мария Высотина*); «*way*» от англ. — «путь»; *Настя Бэдбарби* (*Анастасия Чернышова*); «*badBarbie*» от англ. *bad* — «плохая» и *Barbie* — *кукла Барби*; *Ника Вайпер* (*Вероника Назинцева*); «*viper*» от англ. *viper* — «гадюка»; *Паша Морис* (*Павел Осипов*); «*Morris*» — *американская фамилия*.

в) полная форма имени + вымышленная фамилия

Данная субмодель, аналогично рассмотренной ранее, представляет собой двухкомпонентную структуру, состоящую из неизмененной полной (официальной) формы имени и искусственно созданной фамилии. Основываясь на собранном корпусе сценических имен российского шоу-бизнеса, частота использование данной подмодели составляет 69 употреблений. Анализируя псевдонимы, образованные по данной субмодели, можно выявить некоторую закономерность в образовании вымышленных фамилий:

а) фамилии, созданные по правилам русской антропонимики: *Александр Малинин* (*Александр Выгузов*), *Александр Серов* (*Александр Сяров*), *Андрей Губин* (*Андрей Клементьев*), *Вера Брежнева* (*Вера Галушка*), *Владимир Асмолов* (*Владимир Савельев*), *Галина Босая* (*Галина Габдульбарова*), *Ирина Круг* (*Ирина Воробьёва*) и другие;

б) фамилии, созданные по иноязычным правилам: *Александр Маршал* (*Александр Миньков*), *Алиса Вокс* (*Алиса Кондратьева*), *Анна Асти* (*Анна Дзюба*), *Елена Ваенга* (*Елена Хрулёва*), *Жанна Фриске* (*Жанна Копылова*), *Инна Стил* (*Инна Курченко*), *Лада Дэнс* (*Лада Волкова*), *Лика Стар* (*Лика Павлова*), *Олег Майами* (*Олег Кривиков*), *Тимур Родригез* (*Тимур Керимов*), *Юлия Беретта* (*Юлия Глебова*) и другие.

г) имя + преобразованная форма фамилии

Данная субмодель представляет собой контаминацию антропонимических компонентов, где первый элемент представлен подлинным именем (чаще в полной официальной форме, реже — в гипокористической форме) обладателя псевдонима, а второй — производным компонентом, образованным путём усечения, наращивания или иного видоизменения исходной фамилии. Частота использования такой субмодели для образования сценического антропонима составляет 18 употреблений. Зачастую выбор такой модели при формировании сценического имени обусловлен стремлением к созданию более лаконичного и фонетически-благозвучного варианта антропонима, соответствующего требованиям медиального пространства.

Анализ псевдонимов, образованных по данной модели, позволяет выделить следующие способы преобразования фамилий:

1. Усечение конечной части фамилии: *Григорий Лепс* (*Григорий Лепсверидзе*), *Алёна Швец* (*Алёна Швецова*), *Ева Польна* (*Ева Польная*), *Евгений Петросян* (*Евгений Петросянц*), *Роман Карцев* (*Роман Кац*), *Аня Покров* (*Анна Покровская*), *Иван Золо* (*Иван Золочевский*), *Павел Гайд* (*Павел Гайденко*).

2. Усечение с наращиванием конечного «и», предполагающее создание иностранного образа. К этому способу можно отнести следующие псевдонимы: *Настя Кудри* (*Анастасия Кудряшкина*), *Наташа Поли* (*Наталья Полевщикова*)

3. Также встречаются примеры, где фамилия претерпевает процесс усечения с последующим наращиванием основы, а имя представлено в различных формах: как в краткой форме реального имени (*Гусейнхан-Гусейн*, *Сергей-Серж*, *Валентина-Валя*), так и в виде полностью вымышленного варианта (*Денис-Павел*) в следующих примерах: *Павел Воля* (*Денис Добровольский*), *Гусейн Гасанов* (*Гусейнхан Гасанханов*), *Серж Горелый* (*Сергей Гореликов*), *Валя Karna.val* (*Валентина Карнаухова*), *Алексей Шевченков* (*Алексей Шевченко*), *Семён*

Альтов (Семён Альтшуллер, в данном примере наблюдается процесс русификации фамилии немецкого происхождения «Altschüller», предполагающий замену конечного элемента -шуллер на суффикс русского происхождения -ов).

д) вымышленное имя + вымышленная фамилия

Субмодель представляет собой контаминацию антропонимических компонентов, состоящих из вымышленного имени и фамилии, которые формируются путём целенаправленного создания принципиально новых антропонимических единиц, а не преобразования существующих элементов наименования человека. Данная субмодель демонстрирует высокую продуктивность в образовании сценических имён, что подтверждается значительной частотой её использования – 28 употреблений. Примерами такой модели могут служить следующие сценические имена: *Александр Ливер* (Дмитрий Тихонов), *Вероника Андреева* (Елена Неклюдова), *Ева Бушмина* (Яна Швец), *Карина Кокс* (Каролина Порошкова) и другие. Ключевой особенностью субмодели является креативный характер, позволяющий сценическому имени существовать автономно, без прямой корреляции с настоящим именем артиста.

Выявленные псевдонимы, образованные по такой субмодели, можно условно разделить на следующие группы:

1. Семантически нейтральные неологизмы – искусственно созданные антропонимические единицы, не несущие явной смысловой нагрузки: *Абраам Руссо* (Абрахам Инджян), *Айна Вильберг* (Елена Белоус), *Рем Дигга* (Роман Воронин), *Энди Картрайт* (Александр Юшко), *Артур Пирожков* (Александр Ревва), *Заза Наполи* (Владим Казанцев), *Брайн Манс* (Максим Тарасенко).

2. Прецедентно-ориентированные псевдонимы: *Прохор Шаляпин* (Андрей Захаренков), *Алла Довлатова* (Марина Евстрахина), *Маша Распутина* (Алла Агеева), *Миша Романова* (Наталья Могиленец), *Анфиса Чехова* (Александра Корчунова), *Тутта Ларсен* (Татьяна Романенко), *Бритни Мэнсон* (Ника Краущ).

3. Семейно-обусловленные псевдонимы (использование семейных антропонимов): *Ян Арлазоров* (Яков Шульцуфер) взял фамилию мамы; *Оскар Кучера* (Евгений Боголюбов) – семейное прозвище «Оскарик» (по аналогии с дедом) и девичья фамилия матери.

е) вымышленное имя + реальная фамилия

Субмодель представляет собой контаминацию антропонимических компонентов, состоящих из вымышленного имени (имени, не имеющего ничего общего с реальным наименованием) и настоящей фамилии. Данная субмодель демонстрирует наименьшую продуктивность среди всех рассмотренных способов образования сценических имён (7 употреблений). Выбор такой субмодели может мотивироваться личным неприятием собственного имени или его неблагозвучием. При анализе псевдонимов, созданной по такой модели, заметна устойчивая тенденция к выбору артистами общераспространенных антропонимов, характерных для русской антропонимики: *Алёна Винницкая* (Ольга Винницкая), *Анжелика Варум* (Мария Варум), *Дима Билан* (Виктор Белан), *Крис Кельми* (Анатолий Кельми), *Аглай Тарасова* (Дарья Тарасова), *Паулина Андреева* (Екатерина Андреева), *Михаил Галустян* (Ниан Галустян).

2. Модель «Имя»

Рассмотрим следующую модель образования сценических имен – модель «Имя», которая состоит из одного компонента, представленного в различной форме: полной, краткой, усеченной, преобразованной и т.д. Данная модель демонстрирует высокую продуктивность, поскольку частота ее использования, относительно корпуса сценических имен, составляет 38 % корпуса (201 употребление).

Стоит отметить, что в рамках нашего исследования мы рассмотрим «имя» как наименование человека, выраженное в разнообразных формах, выходящее за пределы традиционного антропонимического понимания и включающее творческие преобразования, используемые для создания сценического образа.

Как было указано выше, имя в качестве сценического псевдонима может реализовываться в различных формах. Проанализируем наиболее распространённые модели образования односоставных псевдонимов:

а) подлинное имя;

б) вымышленное имя;

в) неофициальная форма имени: краткая, гипокористическая, усеченная, преобразованная;

г) имя нарицательное;

д) имя, созданное на основе прецедентных имен;

е) различные части речи в качестве сценического имени.

Рассмотрим каждую подробнее.

а) подлинное имя

Рассматриваемая субмодель, основанная исключительно на официальной (полней) форме имени, демонстрирует относительно низкую продуктивность в сравнении с другими вариантами. Частота её использования в исследуемом корпусе составляет всего 7 употребления: *Алсу* (*Алсу Абрамова*), *Земфира* (*Земфира Рамазанова*), *Лолита* (*Лолита Горелик*), *Айза* (*Айза Вагапова*), *Akmal'* (*Акмаль Ходжсаниязов*), *Elman* (*Эльман Зейналов*), *Ramil'* (*Рамиль Алимов*).

Мотивом выбора такой субмодели образования псевдонима может служить, как было указано выше, непринятие собственной фамилии или использоваться в целях благозвучия. Кроме того, наблюдается устойчивая тенденция: такую субмодель используют преимущественно артисты, обладающие редким и уникальным именем, которое само по себе легко узнаваемое и запоминающееся, оно не требует дополнения фамилией или творческого преобразования. Именно поэтому в примерах отсутствуют частотные имена такие, как Елена или Анастасия, которые широко распространены и не несут достаточной индивидуальности для создания узнаваемого сценического образа.

б) вымышленное имя

Следующая субмодель предполагает использование в качестве псевдонима антропонимический компонент, который полностью замещает реальное имя артиста и не имеет с ним смысловой связи. Стоит отметить, что это самая продуктивная субмодель образования сценических имен, ее частота употребления составляет 96 единиц. Все сценические имена, относящиеся к данной категории, можно разделить на три основные группы:

1) первая включает имена, заимствованные из русской антропонимической системы, которые, однако, не совпадают с настоящим именем артиста. Как, например, имя певицы Аллы Перфильевой, выступающей под псевдонимом *Валерия*. Аналогичными примерами могут служить следующие псевдонимы: *Агния* (*Юлия Короткова*), *Варвара* (*Алёна Сусова*), *Любаша* (*Татьяна Мелентьева*), *МакСим* (*Марина Абросимова*), *Мира* (*Анна Аввакумова*), *Никита* (*Алексей Фокин*), *Трофим* (*Сергей Трофимов*), *Ханза* (*Ишхан Авакян*);

2) вторая группа включает в себя имена, заимствованные из иностранных антропонимических систем: кириллица: *Лоя* (*Ольга Засульская*), *Пелагея* (*Полина Ханова*), *Бьянка* (*Татьяна Липницкая*), *Мэйти* (*Михаил Тютькин*), *Аврора* (*Ирина Юдина*), *Мигель* (*Сергей Шестёров*); латиница: *JONY* (*Джасиd Гусейнли*), *Miyagi* (*Азамат Кудзаев*).

3) третья группа объединяет полностью вымышленные имена, не существующие в системах русского и иных языков. Примерами псевдонимов, входящих в данную группу, могут служить следующие сценические имена: кириллица: *Эйсик* (*Игорь Аборин*), *Ганвест* (*Руслан Гоминов*), *Грюндиг* (*Алексей Перминов*), *Гуф* (*Алексей Долматов*); латиница: *Maruv* (*Анна Корсун*), *Niletto* (*Данил Прытков*), *Ooes* (*Елизавета Оспенникова*), *Zivert* (*Юлия Сытник*) и другие.

в) неофициальная форма имени: краткая, гипокористическая, усеченная

Также рассмотрим субмодель, где в качестве единственного компонента выступает имя в неофициальной форме. Эта модель демонстрирует высокую частотность, насчитывая 35 случаев употребления в исследуемом корпусе. Главной особенностью такой субмодели является творческое преобразование истинного имени артиста в яркий и запоминающийся сценический образ. Исследуемые псевдонимы можно классифицировать на пять основных групп:

1. Краткая форма имени: *Иракли* (*Ираклий Пирцхалава*), *Света* (*Светлана Колтунова*), *Зара* (*Зарифа Мгоян*);

2. Усеченная форма имени: кириллица: *Асия* (*Анастасия Алентьева*), *Свят* (*Святослав Степанов*), *Хабиб* (*Хабиб-Рахман Шарипов*), *Влади* (*Владислав Лешкевич*), *Гавр* (*Гавриил Гордеев*); латиница: *Bakr* (*Абубакр Абдыкапаров*); *NEEL* (*Даниил Конорёв*);

3. Гипокористическая форма имени: кириллица: *Игорёк* (*Игорь Сорокин*), *Нюша* (*Анна Шурочкина*), *Шура* (*Александр Медведев*), *Сява* (*Вячеслав Хахалкин*), *Ростик* (*Ростислав Хасбик* (*Хасбулла Магомедов*); латиница: *VAVAN* (*Владимир Селиванов*), *Lizzka* (*Елизавета Неред*);

4. Наращивание основы имени: кириллица: *КруЭлла* (*Элла Дубовицкая*), *Ивангай* (*Иван Рудской*), *Лерчек* (*Валерия Чекалина*), *Макарена* (*Карен Адамян*), *ЯнГо* (*Ян Гордиенко*); латиница: *Yanix* (*Янис Бадуров*), *Kiliana* (*Лиана Геворкян*);

5. Имя с имитацией иностранного происхождения: *Dime* (*Дмитрий Нечаев*), *Дора* (*Дарья Шиханова*); *Катрин* (*Екатерина Яковleva*); *Натали* (*Наталья Миняева*); *Мот* (*Матвей Мельников*), *Ханна* (*Анна Иванова*), *Тимати* (*Тимур Юнусов*);

6. Комбинированный метод (усечение + наращивание): *Витас* (*Виталий Грачёв*), *EVГеника* (*Евгения Диодюля*), *Юта* (*Анна Осипова*).

г) имя нарицательное

Стоит также обратить внимание на субмодель, в которой псевдоним формируется на основе имени нарицательного, а не собственного, как в предыдущих случаях. В данном контексте имя нарицательное утрачивает свою первоначальную функцию и приобретает статус имени собственного, выступая в роли неофициального именования. Такой псевдоним сближается с прозвищем или кличкой, поскольку отражает определенную особенность или характеристику исполнителя. При этом важно отметить, что подобные псевдонимы создаются самими носителями сознательно и целенаправленно. Данная субмодель демонстрирует высокую продуктивность: частота её использования составляет 42 употребления в исследуемом корпусе, что свидетельствует о её востребованности среди артистов.

Анализ сценических имён, образованных по данной субмодели, позволяет выделить устойчивые закономерности и классифицировать псевдонимы на следующие группы:

1. Одушевленные имена: кириллица: *Акула* (*Оксана Почепа*), *Дельфин* (*Андрей Лысиков*), *Змей* (*Антон Мишенин*), *Олень* (*Олег Башкатов*), *Птаха* (*Давид Нуриев*), *Зануда* (*Давид Нуриев*), *Ресторатор* (*Александр Тимарцев*), *Хаски* (*Дмитрий Кузнецов*), *Шефф* (*Владислав Валов*), *TheЛюди* (*Антон Лядов*); латиница: *Tatarka* (*Ирина Смелая*);

2. Неодушевленные имена:

Русские слова: кириллица: *Гречка* (*Анастасия Иванова*), *Елка* (*Елизавета Иванчиков*), *Жасмин* (*Сара Манахимова*), *МУККА* (*Серафим Сидорин*), *Винт* (*Виктор Кисткин*), *Нигатив* (*Владимир Афанасьев*), *Кана* (*Александр Малец*), *Карандаш* (*Денис Григорьев*), *Кишилак* (*Максим Фисенко*), *Боб* (без указания настоящего имени), *DJ Кефир* (*Сергей Лазарев*), *Глюк'оЗа* (*Наталья Чистякова-Ионова*); латиница: *VESNA305* (*Юрий Николаенко*), *R.A.SVET* (*Рамазан Ахмедов*), *VTORNIK* (*Максим Никитин*), *Konfuz* (*Михаил Маргарян*);

Иностранные слова: кириллица: *Booker* (*Фёдор Игнатьев*), *Cakeboy* (*Дмитрий Ганджа*), *IQ* (*Олег Веров*), *BadComedian* (*Евгений Баженов*), *Bearwolf* (*Валерия Василевская*), *OlyaRedAutumn* (*Ольга Михневич*), *Torontotokyo* (*Александр Хертек*); латиница: *Face* (*Иван*

Дрёмин), *Pharaoh* (Глеб Голубин), *Нарциссизм* (Мария Оганян), *Лигалайз* (Андрей Меньшиков), *Сэт* (Александр Борови), *Шайн* (Максим Ермолов).

Стоит также отметить тенденцию таких сценических имен к использованию абстрактных слов при создании сценического образа: кириллица: *МУККА* (Серафим Сидорин), *Нигатив* (Владимир Афанасьев), *Кана* (Александр Малец), *Кишилак* (Максим Фисенко), *Нарциссизм* (Мария Оганян); латиница: *VESNA305* (Юрий Николаенко), *R.A.SVET* (Рамазан Ахмедов).

Также наблюдается графическое разнообразие в написании сценических имен:

- варьирование регистров: *TheЛюди* (Антон Лядов); *МУККА* (Серафим Сидорин), *VESNA305* (Юрий Николаенко), *R.A.SVET* (Рамазан Ахмедов), *DJ Кефир* (Сергей Лазарев), *VTORNIK* (Максим Никитин), *Глюк'оЗа* (Наталья Чистякова-Ионова);

- разная письменность (кириллица/латиница): *VESNA305* (Юрий Николаенко), *R.A.SVET* (Рамазан Ахмедов), *DJ Кефир* (Сергей Лазарев), *Face* (Иван Дрёмин), *Pharaoh* (Глеб Голубин), *Нарциссизм* (Мария Оганян), *Глюк'оЗа* (Наталья Чистякова-Ионова);

- использование цифр, орфографических знаков: *VESNA305* (Юрий Николаенко), *R.A.SVET* (Рамазан Ахмедов), *Глюк'оЗа* (Наталья Чистякова-Ионова).

Использование графических преобразований в сценических именах служит инструментом для привлечения внимания. Нестандартное написание, такое как сочетание кириллицы и латиницы, варьирование регистров, использование цифр и специальных символов, позволяет артистам визуально выделяться на фоне других. Например, написание имени полностью заглавными буквами или преднамеренное искажение орфографии создаёт эффект новизны и оригинальности, что способствует более лёгкому запоминанию аудиторией. Кроме того, такие приёмы часто отражают творческую концепцию артиста, подчёркивая его индивидуальность и современный подход к созданию сценического образа. Следовательно, графические преобразования не только усиливают визуальное восприятие, но и становятся частью сценического образа, делая его более узнаваемым в медийном пространстве.

д) имя, созданное на основе прецедентных имен

При анализе данной субмодели, ключевым элементом которой является прецедентное имя, необходимо уточнить, что под ним подразумевается, и какие именно сценические имена следует к данной категории относить. Согласно статье А.В. Терещенко, прецедентные имена — это имена собственные, обладающие широкой известностью в рамках определённой культурной или языковой общности, которые используются не для прямого обозначения объекта, а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств (Терещенко 2016). Таким имена не только идентифицируют объект или субъект номинации, но и вызывают у носителей языка устойчивые ассоциации. Однако, несмотря на свою образность, такая субмодель является довольно редкой: всего 9 употреблений.

Рассмотрим примеры, выявленные в ходе исследования:

1. *Барби* (Марина Волкова): Барби — это всемирно известная кукла, ставшая символом гламурной, идеализированной жизни. Сценическое имя «Барби» создаёт образ, ассоциирующийся с красотой, модой, но также может отсылать к искусственности и «кукольности».

2. *Данко* (Александр Фадеев): Данко — это герой рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль», который вырвал своё пылающее сердце, чтобы осветить путь людям и вывести их из тёмного леса. Образ Данко стал в русской культуре символом самопожертвования, геройства и светлой цели. Сценическое имя отсылает к образу лидера, спасителя, человека с «горящим сердцем», готового вести за собой публику.

3. *КруЭлла* (Элла Дубовицкая): Круэлла — эксцентричная и безжалостная злодейка из фильма «101 далматинец». Её имя стало прототипом жестокой, но обладающей вызывающим вкусом женщины. Сценическое имя создает образ эпатажной и дерзкой женщины.

4. *МУККА* (Серафим Сидорин): «мукка» в переводе с японского означает «полное отсутствие», «ничего», такжеозвучно с русским словом «мука», означающее сильное физиче-

ское или нравственное страдание (Толковый словарь Ушакова). Такое сценическое имя создает образ, отражающий переживания одиночества и душевной боли, что находит прямой отклик в текстах определённых музыкальных направлений.

5. *Нигатив* (Владимир Афанасьев): Нигатив – от английского слова «negative» (негативный, отрицательный). Это не имя собственное, а понятие, ставшее прецедентным в массовой культуре для обозначения пессимистичного, деструктивного взгляда на жизнь. Сценическое имя создает образ чего-то отрицательного.

6. *Паскаль* (Павел Титов): Паскаль – это имя великого математика, физика и философа XVII века, а также имя харизматичного хамелеона из мультфильма «Рапунцель: Запутанная история». Такое сценическое имя может отсылать к интеллекту, рациональности и глубоко-мыслию (учёный) или к дружелюбию, юмору и авантюризму (персонаж).

7. *Шаман* (Ярослав Дронов): шаман, другими словами, ворожбит, кудесник посредник между миром людей и миром духов в традиционных культурах. Создаёт образ мистического, духовного лидера, человека, способного вести за собой массы.

8. *Зануда* (Давид Нуриев): зануда – скучный человек, который придерживается формальностей и лишён чувства юмора. В качестве сценического имени может использоваться самоиронично и самокритично. Мотив выбора может быть актом самоиронии, помогающим создать образ артиста, который намеренно играет с негативной характеристикой, превращая её в свою отличительную черту.

9. *Кореи* (Алексей Деревяшкин): кореш – это сокращение от «коренной друг», означающего близкого друга. Это слово – важный элемент субкультурной и бытовой лексики, особенно в России и странах СНГ. Сценическое имя создает образ «своего», приближенного к аудитории. Вызывает ассоциации с дружбой, верностью и искренностью.

е) различные части речи в качестве сценического имени

Данная субмодель объединяет сценические имена, образованные от различных частей речи. В отличие от предыдущих субмоделей, где основой преимущественно служили имена существительные, здесь используются имена прилагательные, глаголы, наречия и междометие:

- имена прилагательные: *Линда* (Светлана Гейман) – транслитерация испанского слова «*linda*», которое переводится как «красивая», *BLIZKEY* (Валерий Майромян) – транслитерация русского слова «близкий», *Hensy* (Александр Стратонов) в переводе с английского языка обозначает «куриный», *polnalyubvi* (Марина Демещенко) – транслитерация русского словосочетания «полная любви», где слово «полная» является прилагательным, *Slim* (Вадим Мотылёв) в переводе с английского языка обозначает «стройный, худой», *drugoi* (Рустем Адагамов) – транслитерация русского слова «другой»;

- глаголы: *БРЕДИШЬ* (Денис Макарчик), в качестве псевдонима выступает глагол настоящего времени, 2 лица, единственного числа (бредить-бредишь), *Obladaet* (Назар Вотяков) – транслитерация русского слова «обладает», которое является глаголом настоящего времени, 3 лица, единственного числа (обладать-обладает);

- наречия: *ТЕПЛО* (Алексей Макаров), где в качестве псевдонима выступает наречие «тепло», обозначающее признак действия или состояние, *TEMNEE* (Артем Гришин) – транслитерация слова «темнее», которое является наречием, обозначающее признак действия, *Децл* (Кирилл Толмацкий), в качестве псевдонима выступает слово «децл», которое употребляется в качестве наречия, обозначающее «немножко», «чуть-чуть»;

- междометие: *Баста* (Василий Вакуленко), в качестве псевдонима выступает транслитерация итальянского/испанского слова «*basta*», которое переводится как «хватит, достаточно», употребляемое с целью заявления о желании или необходимости прекратить что-либо.

Особенностью этой субмодели является не только разнообразие частей речи, но и слов разных культур (русские, английские, испанские, итальянские), а также вариативность в написании: использование кириллицы и латиницы, изменение регистра (прописные и строчные буквы). Стоит также отметить, что такая субмодель является довольно уникальной и не частотной: всего 12 употреблений.

3. Модель «Фамилия»

Рассмотрим третью модель образования сценических имен. Анализ собранного материала выявил тенденцию к использованию фамилии в качестве единственного компонента при формировании сценического псевдонима. Однако стоит заметить, что такая модель демонстрирует относительно низкую продуктивность и наиболее характерна для молодых представителей шоубизнеса, включая рэперов, блогеров и начинающих музыкантов. В ходе исследования было выявлено 18 примеров псевдонимов, образованных по такой модели. Как и предыдущие модели, здесь прослеживаются определенные закономерности формирования. В качестве единственного антропонимического компонента может выступать:

- а) настоящая фамилия исполнителя;
- б) вымышленная фамилия исполнителя;
- в) неофициальная форма фамилии: усеченная и преобразованная.

Рассмотрим основные группы сценических имен подробнее:

а) настоящая фамилия исполнителя как сценический псевдоним

Проанализируем первую закономерность модели «фамилия» при создании сценических имен. Отметим, что в качестве антропонимической основы псевдонима выступает реальная фамилия исполнителя в официальной (полной) форме без преобразований. Практика использования такой субмодели является довольно частотной, относительно данной модели, ее частота составляет 8 употреблений. Примеры таких псевдонимов следующие: кириллица: *Арефьев (Василий Арефьев)*, *Минаева (Ксения Минаева)*, *Замай (Андрей Замай)*, *Сысоев FM (Александр Сысоев)*; латиница: *Chebanov (Иван Чебанов)*, *DOROFEEVA (Надежда Дорофеева)*, *TERESHINA (Татьяна Терёшина)*, *TSOY (Анатолий Цой)*.

Стоит отметить, что сценические имена, образованные по данной субмодели, отличаются специфическим графическим оформлением. В отличие от традиционных правил русской ономастики, предполагающих написание антропонимов с заглавной буквы с последующим строчными, здесь встречаются случаи полного написания псевдонима буквами верхнего регистра, например, *DOROFEEVA*, *TERESHINA*, *TSOY*. Кроме того, наблюдается вариативность в выборе алфавита: наряду с кириллическими псевдонимами широко распространена практика использования латиницы. В качестве примеров можно привести такие антропонимы, как *Chebanov*, *DOROFEEVA* и *TERESHINA*, написанные буквами английского алфавита.

б) вымышленная фамилия исполнителя как сценический псевдоним

Отдельную группу составляет субмодель, в которой псевдоним представляет собой искусственно созданную фамилию, не связанную с реальными антропонимическими данными исполнителя. Данная субмодель демонстрирует низкую продуктивность: в исследуемом корпусе зафиксировано всего 4 употребления: кириллица: *Нурминский (Альберт Шарафутдинов)*, *Словетский (Валентин Преснов)*, *Булкин (Александр Шабанов)*; латиница: *Voskresenskii (Евгений Островский)*.

Стоит отметить, что преобладающее число фамилий в данной антропонимической группе образованы по единой словообразовательной модели: они представляют собой фамилии с суффиксом *-ский*, что является характерным признаком славянской ономастической традиции: *Нурминский*, *Словетский*, *Воскресенский*.

в) неофициальная форма фамилии: усеченная и преобразованная

Проанализируем третью закономерности в образовании псевдонимов, состоящих исключительно из фамилий. Данная субмодель предполагает, что в качестве антропонимического компонента будет выступать неофициальная форма настоящей фамилии исполнителя, то есть ее усеченная или преобразованная форма. Такая субмодель является одной из самых продуктивных в рамках модели «фамилия»: в исследуемом корпусе псевдонимов насчитывается 6 примеров: кириллица: *Потап (Алексей Потапенко)*, *Парадеевич (Александр Парадеев)*; латиница: *KOREL (Сергей Корелов)*, *Wallem (Артур Валемов)*, *Zoloto (Владимир Золотухин)*, *Markul (Маркас Маркулис)*.

Отличительной особенностью таких сценических имен является преобладание морфологического способа словообразования — апокопы, то есть усечения конца настоящей фамилии: *Корелов* — *Корел*, *Валемов* — *Валем*, *Золотухин* — *Золото*, *Маркулис* — *Маркул*, *Потапенко* — *Потап*.

Особый интерес представляет пример преобразования реальной фамилии в патроним путём усечения конечной части слова и добавления суффикса -ич, характерного для русской антропонимической системы: *Парадеев* — *Парадеевич*.

Кроме этого, важным аспектом является графическое оформление: преимущественно встречаются псевдонимы на латинице: *KOREL*, *Walleм*, *Zoloto*, *Markul*.

Мотивом для создания такого рода сценических псевдонимов может быть достижение благозвучности, облегчение произношения, создание запоминающегося образа.

Стоит также отметить, что в ходе исследования иных моделей образования псевдонимов не обнаружено.

Таким образом, проведенное исследование сценических имен артистов российского шоубизнеса позволило выявить ключевые закономерности их образования. Анализ корпуса из 520 псевдонимов показал абсолютное доминирование модели «Имя + фамилия», составляющей 42% от общего числа исследованных случаев. Значительную распространенность также демонстрирует модель «Имя» - 38%, тогда как модель «Фамилия» оказалась наименее востребованной, представленная всего 3,5% примеров. В рамках исследования установлено, что современные артисты активно используют творческие стратегии формирования сценических имен, включая создание вымышленных антропонимических конструкций, графическое варьирование с применением кириллицы и латиницы, а также семантизацию через обращение к прецедентным феноменам культуры. Выявленные тенденции свидетельствуют о том, что сценические имена представляют собой динамично развивающуюся подсистему антропонимики.

Библиографический список

1. Буденная Е.В. Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке // Вопросы языкоznания. 2021. № 3. С. 26-46.
2. Гродзелидзе Х.Д. Театр и шоу-бизнес // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 55. С. 71-77.
3. Камилев Т., Файзулаева М.П. Шоу-бизнес в современном мире // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2. С. 36-52.
4. Терещенко А.В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. №11 (176). С. 76-73.
5. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. (мука) URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=30933> (Дата обращения: 24.10.2025)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Новикова Дарья Дмитриевна,

магистрант

Воронежского государственного университета,
SPIN-код: 8796-9830,

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

Novikova Darya Dmitrievna

Master's student

Voronezh State University

SPIN code: 8796-9830

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

B.B. Катермина

Кубанский государственный университет

(Краснодар, Российская Федерация)

e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

ТОПОНИМЫ-БЛЕНДЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В настоящей работе рассматриваются английские неологизмы-топонимы, образованные при помощи блэндинга, взятые из неографического электронного источника Cambridge Dicationaries Online Blog (New Words). Автором статьи отмечается, что важность изучения неологических топонимов-блендов заключается в том, что они не только служат отражением языкового творчества, но и являются значимыми компонентами лингвокультурного контекста и отражают особенности коллективного сознания и социокультурные тренды. В новой научной парадигме топоним понимается не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания. Анализ неологических единиц позволил выделить три «топонимические модели» – «государство + государство», «американский штат + американский штат», «американский приграничный город + американский приграничный город». Неологизмы-бленды с топонимическим компонентом присутствуют в разных типах дискурса, таким образом раскрывая их значимость и место в системе англоязычного дискурса. Наблюдение за возникающими языковыми явлениями позволяет выстроить ряд социальных и pragматических факторов, характеризующих языковое сообщество определенного периода и дающих представление о наиболее динамично развивающихся сферах его существования.

Ключевые слова: топоним, блэндинг, неологизм, английский язык, дискурс, социокультурное явление.

V.V. Katermina

Kuban State University

(Krasnodar, Russian Federation)

e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

TOPONYMS-BLEND AS A REFLECTION OF SOCIOCULTURAL PHENOMENA OF THE REALITY OF ENGLISH NEOLOGICAL DISCOURSE

This paper examines English toponymic neologisms formed by blending taken from the neographic electronic source *Cambridge Dicationaries Online Blog (New Words)*. The author of the article notes that the importance of studying neological toponyms-blends is that not only do they serve as a reflection of linguistic creativity, but are also significant components of the linguacultural context and reflect the features of collective consciousness and sociocultural trends. In the new scientific paradigm, a toponym is understood not only as a unit of language (linguistic sign), but also as a linguacultural sign, as an ethnocultural phenomenon (ethnocultural text), as a knowledge structure. The analysis of neological units made it possible to identify three “toponymic models”: “country + country”, “American state + American state”, “American border town + American border town”. Blend neologisms with a toponymic component are present in different types of discourse thus revealing their significance and place in the system of English discourse. Observation of emerging linguistic phenomena allows us to build a number of social and pragmatic factors that characterize the language community of a certain period and give an idea of the most dynamically developing areas of its existence.

Key words: toponym, blending, neologism, the English language, discourse, sociocultural phenomenon.

Неология, наука о порождении новых слов и выражений, на данный момент является «одним из наиболее перспективных направлений лингвистики. Предмет неологии обладает перманентной актуальностью, так как создание неологизмов происходит постоянно. Возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и

социальных отношений. Неологизмы следует рассматривать как механизмы познания мира, инструмент категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира» [Катермина, Липириди 2021 : 61].

Неология сегодня развивается в разных направлениях. В научной литературе встречается упоминание «когнитивного, психолингвистического, коммуникативного и социолингвистического направлений, деривационного и стилистического направлений» [цит. по: Катермина, Ширяева 2023 : 454].

По словам О.В. Куликовой, «перемены, стремительно происходящие в сегодняшнем мире, сложность и многообразие со временной жизнью, факты “новой реальности” неизбежно находят свое отражение в языке, при этом наибольшие изменения традиционно претерпевает его лексический состав. Наблюдение за возникающими языковыми явлениями позволяет выстроить ряд социальных и pragматических факторов, характеризующих языковое сообщество определенного периода и дающих представление о наиболее динамично развивающихся сферах его существования» [Куликова 2020 : 163].

Образование блендов, или контаминация, привлекает внимание всё возрастающего числа лингвистов многих стран ... Продуктивность контаминации как источника неологизмов в английском языке значительно возросла в XX – начале XXI вв. [Беляева 2013 : 243].

Блендинг является «продуктивным способом словообразования в английском языке, поскольку путем словослияния образуется большое количество новых слов, позволяющих эффективно отражать перемены, происходящие в жизни общества» [Коротких, Какоткин 2024 : 81].

Бленды-неологизмы – «уникальные языковые конструкции, представляющие собой слияние слов или выражений. Важность их изучения заключается в том, что они не только служат отражением языкового творчества, но и являются значимыми компонентами лингвокультурного контекста и отражают особенности коллективного сознания и культурные тренды. Бленды являются микроскопом, позволяющим рассмотреть динамику социокультурных изменений» [Коротких, Какоткин 2024 : 78].

Имя как оним является «неотъемлемой частью человеческой жизни и культуры. Оно несет в себе множество значений и символов, которые влияют на восприятие человека обществом и его собственное самосознание. Исследование роли имени в лингвокультуре позволяет лучше понять механизмы формирования идентичности, а также выявить взаимосвязи между языком, культурой и обществом» [Бугакова 2025 : 22].

В новой научной парадигме топоним понимается «не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания» [цит. по: Катермина, Ширяева 2023 : 455].

По мнению С.А. Попова, географические названия «служат ориентирами в пространстве и времени, позволяя читателям лучше понимать контекст описываемых событий и явлений. Кроме того, топонимическая информация способствует созданию целостного образа региона, раскрывающего его уникальность и своеобразие» [Попов 2025 : 34.]

Изучение топонима «как определенной структуры знания позволяет выявить и описать ментальные представления о пространстве в целом, об отдельных географических объектах и особенностях их восприятия тем или иным этносом, а также воссоздать ментальный образ самого человека, проживающего на определенной территории» [цит. по: Катермина, Ширяева 2023 : 455].

Неологизм может «имплицитно содержать в себе указание как на определённый исторический период, эпоху, так и на местность, локацию» {Агеев, Антоненко, Пушкарев 2020 : 12].

Материалом для данной статьи послужили неологизмы, представленные в неографическом электронном источнике *Cambridge Dictionaries Online Blog (New Words)* за период 2017–2025 гг. Анализ неологических единиц позволил выделить три модели.

1. Модель «государство» + «государство».

Наш анализ начнем с рассмотрения концептуальной метафоры *Chindia (China + India – China and India taken together, particularly as an economic entity or market* [Китай и Индия вместе взятые, особенно как экономический субъект или рынок]) «развивающиеся государства – одно экономическое пространство».

По словам одного из официальных лиц Китая, «Китай и Индия станут “двуумя пагодами” экономической мощи в XXI веке. Сотрудничество подобно двум пагодам — одна в области оборудования, другая в области программного обеспечения» (*China and India will be the “two pagodas” of economic power in the 21st century. Cooperation is just like two pagodas — one hardware and one software*).

Chindia рассматривается как экономический регион с обширными внутренними рынками, где китайское производство дополняет теперь уже широко известный ИТ-сектор Индии (*an economic region with vast domestic markets, where China's manufacturing complements India's now highly renowned IT sector*).

По некоторым прогнозам, к 2020 году на Китай будет приходиться треть всех абонентов мобильной связи в мире, а объём рынка мобильных телефонов составит 100 миллиардов долларов. Объём рынка фасованных продуктов питания составит 480 миллиардов долларов, что в полтора раза превышает объём текущего рынка США и в пять с половиной раз – объём рынка Великобритании. Совокупный объём банковских кредитов в Китае к 2020 году составит 9 триллионов долларов, что вдвое превышает текущий ВВП Японии (*Chindia will have one-third of the world mobile subscribers and a \$100 billion mobile handset market. Its packaged food market size will be \$480 billion, which is one and a half times the present US market and five and a half times the present United Kingdom market. The aggregate of bank loans in Chindia will be \$9 trillion in 2020 – twice the current GDP of Japan*).

По аналогии с данной моделью образовались следующие топонимы-блэнды, относящиеся к экономическому дискурсу:

– *Chimerica (China + America) – the interrelated elements of the economies of China and America, particularly the Chinese supply of credit to America and the American purchase of cheap Chinese goods* (взаимосвязанные элементы экономик Китая и Америки, в частности, предоставление Китаем кредита Америке и покупка Америкой дешевых китайских товаров).

Так, например, считается, что определяющей чертой современной мировой экономики является не избыток ликвидности или дефицит активов, а разрыв между прибылью компаний и уровнем реальных процентных ставок. Этот разрыв между доходностью капитала и стоимостью капитала во многом обусловлен впечатляющим ростом того, что мы называем *Chimerica (China + America)*: Китая, самого быстрорастущего развивающегося рынка в мире, и Америки, самой финансово развитой экономики мира (*The defining feature of the current world economy is not an excess of liquidity or a shortage of assets, but the gap between company profits and the level of real interest rates. This wedge between the return on capital and the cost of capital is in large measure attributable to the spectacular rise of what we call “Chimerica”: the sum of China, the world's most rapidly growing emerging market, and America, the world's most financially advanced developed economy*).

– *Chindonesia (China + India + Indonesia) – China, India, and Indonesia taken together, particularly their economies and trade relationships* (Китай, Индия и Индонезия вместе взятые, особенно их экономики и торговые отношения).

Растущая роль Китая на всех рынках – глобальная тенденция, но растущий спрос со стороны Китая, а также Индии, особенно сильно сказывается на Индонезии – для описания этих симбиотических отношений был придуман новый термин *Chindonesia (China + India + Indonesia)*.

– *Chermany* (*China + Germany*) – *China and Germany taken together, particularly as an economic entity or market* (Китай и Германия вместе взятые, особенно как экономический субъект или рынок).

Анализ *Chermany* интересен тем, что он исследует экономические отношения Германии и Китая с их торговыми партнерами и сходства в обоих типах отношений.

2. Модель «Американский штат» + «Американский штат».

Необходимо отметить присутствие лексем, называющих обобщенные (и неофициальные) регионы, обычно сосредоточенные вокруг городов, расположенных вблизи границ штатов в США. Они обычно простираются за пределы границ штатов:

Minnewisowa (*Minnesota + Wisconsin + Iowa*) – Миннесота + Висконсин + Айова;

Florgia (*Florida + Georgia*) – Флорида + Джорджия;

Washegonada (*Washington + Oregon + Nevada*) – Вашингтон + Орегон + Невада;

West Pensylhio (*West Virginia + Pennsylvania + Ohio*) – Западная Вирджиния + Пенсильвания + Огайо;

New Arizado (*New Mexico + Arizona + Colorado*) – Нью-Мексико + Аризона + Колорадо.

Тенденция «Техафорния» (*Texas + California*) стремительно меняет демографический ландшафт США. В то время как калифорнийцы продолжают покидать «Золотой штат» в поисках более доступного жилья и лучшего качества жизни, Техас стал самым популярным направлением. Эта миграция, теперь обычно называемая «Техафорнией», – не просто переход из одного штата в другой, а значительный культурный и экономический сдвиг, влияющий как на Техас, так и на весь американский рынок недвижимости.

3. Модель «Американский приграничный город» + «Американский приграничный город».

В качестве данной модели выделим сочетание «приграничных» городов двух штатов:

Ohiosa (*Ohio + Iowa*) – город в штате Небраска, получивший свое название от древних поселенцев-выходцев из Огайо и Айовы;

Texarkana (*Arkansas + Texas*) – город в Арканзасе рядом с Техасом;

Texico (*Mexico + Texas*) – город в Нью-Мексико близ Техаса.

Таким образом, топонимы-блэнды выступают номинацией новых явлений в жизни англоязычного общества. Входя в экономический и урбанистический дискурсы, данные единицы указывают на свою важность для максимально эффективной коммуникации. Выделенные при анализе англоязычных неологизмов-топонимов, образованных при помощи блэндинга моделей («государство + государство», «американский штат + американский штат», «американский приграничный город + американский приграничный город»), способствуют формированию представления об аксиологической составляющей картины мира носителей языка, культурных конструктов, интенций и социокультурных факторов.

Библиографический список

1. Агеев С.В., Антоненко Н.В., Пушкарев Е.А. О когнитивно-прагматическом функционировании неологизма // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 5–17.
2. Беляева Н.В. Структура и семантика современных английских блэндов // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. Выпуск 2. С. 243-250.
3. Бугакова Н.Б. Имя в лингвокультуре // Ономастический вестник. 2025. № 3(3). С. 19-23
4. Катермина В.В., Липириди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.
5. Катермина В.В., Ширяева Т.А. Неологизмы-топонимы в англоязычном дискурсе: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2(54). С. 454-459.
6. Коротких Ж.А., Какоткин В.Н. Бленды-неологизмы английского языка как феномен лингвокультуры // Педагогическое образование на Алтае. 2024. № 1. С. 77-82.

7. Куликова О. В. Социопрагматическая обусловленность современных тенденций развития английского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 08. С. 163-168.

8. Попов С.А. Роль топонимики в энциклопедическом исследовании региона // Ономастический вестник. 2025. № 1(1). С. 33-37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Катермина Вероника Викторовна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета,
SPIN-код: 8749-9598,
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Katermina Veronika Viktorobna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of English Philology,
Kuban State University,
SPIN-code: 8749-9598,
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

E.B. Тимофеева

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий

(Стерлитамак, Российская Федерация)

e-mail: eva.timofeeva.98@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФИТОНИМОВ В «ДЕТСКИХ» ЭРГОНИМАХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье рассматриваются «детские» эргонимы, в состав которых входят наименования различных растений (фитонимы). Особое внимание авторы обращают на то обстоятельство, что в составе «детских» эргонимов, зафиксированных на территории Республики Башкортостан, часто употребляются уменьшительно-ласкательные суффиксы. Анализ наименований детских учреждений и предприятий показал, что частотное употребление фитонимов обусловлено узнаваемостью данных образов, их высокой ассоциативностью, а также направленностью не только на детскую аудиторию, но и представителей старшего поколения.

Ключевые слова: эргоним, фитоним, стратегии номинации, детские учреждения.

E.V. Timofeeva

Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology

(Sterlitamak, Russian Federation)

e-mail: eva.timofeeva.98@bk.ru

FEATURES OF THE USE OF PHYTONYMS IN "CHILDREN'S" ERGONYMS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article examines "children's" ergonyms, which include the names of various plants (phytonyms). The authors draw particular attention to the fact that "children's" ergonyms recorded in the Republic of Bashkortostan often include diminutive suffixes. An analysis of the names of children's institutions and businesses revealed that the frequent use of phytonyms is due to the recognizability of these images, their high associative value, and their target audience, not only for children but also for older people.

Keywords: ergonym, phytonym, nomination strategies, children's institutions.

Эргономика как один из самых обширных разделов ономастики является важной частью номинации, так как правильно подобранное наименование способно существенно повлиять на востребованность заведения или организации. «Детские» эргонимы, то есть, согласно Н.В. Подольской, наименования предприятий и организаций, чьей целевой аудиторией являются дети [Подольская 1978 : 197], требуют особого внимания, так как подобные названия должны быть направлены как на детей, так и на их родителей. В связи с этим необходимо учитывать культурные, психологические, возрастные и другие особенности потенциального потребителя.

Проблемы «детской» эргономии интересуют многих исследователей: З.М. Дударева рассматривает особенности языковой игры в наименованиях детских магазинов [Дударева 2022], Ши Гуанчao изучает стратегии номинации на примере «детских» эргонимов Ростова-на-Дону [Ши 2020], Н.А. Габдулина анализирует функционирование казахских, русских и английских эргонимов г. Петропавловска (в лексико-семантическом аспекте) [Габдулина 2022], а С.Ю. Семенова изучает эргонимию города Чебоксары (на примере названий дошкольных образовательных учреждений) [Семенова 2015]. Можно отметить, что исследования в этой области крайне разнообразны. Это связано с тем, что эргонимы важны для продвижения товара или услуги, так как выполняют целый ряд функций: информируют потреби-

бителя, привлекают его внимание и вызывают положительные ассоциации.

Чтобы достичь заданной цели, предприятия в качестве «детских» эргонимов используют узнаваемые образы объективной действительности: названия животных, персонажей мультфильмов и сказок, явления природы и т.д.

Одними из самых популярных составляющих «детской» эргономики являются фитонимы. В данной статье нами будут рассмотрены фитонимы и особенности их употребления в «детских» эргонимах Республики Башкортостан. Материалом для исследования послужили наименования детских садов, развивающих центров и магазинов, расположенных на территории Республики Башкортостан. В качестве источника материала были использованы данные перечня образовательных учреждений Республики Башкортостан и сервисы геоинформационных систем «Карты Google», «Яндекс.Карты» и «2ГИС».

Фитонимы, согласно словарю лингвистических терминов А. С. Ахмановой, – это названия растений как объект лингвистического изучения [Ахманова 1966 : 483]. В качестве «детских» эргонимов они встречаются довольно часто. В рамках данного исследования нами были выделены три группы фитонимов:

1. Наименования фруктов, плодов;
2. Наименования деревьев;
3. Наименования цветов, растений.

Рассмотрим более подробно каждую группу.

В первой категории наиболее часто встречаются наименования детских садов «Апельсин», «Ягодка» и развивающих центров «Груша», «Дон-Апельсин», «Апельсин», «Арбуз».

Как можно заметить, самым востребованным в данной категории является эргоним «Апельсин», который употреблён трижды, что вполне оправдано: образ яркого узнаваемого фрукта позволяет привлечь внимание потенциального потребителя, вызывать положительные ассоциации, хотя субъективизированная стратегия номинации в этом случае не позволяет в полной мере передать информацию о товаре или предоставляемой услуге. Подобная тенденция довольно часто встречается в случаях, когда «детские» эргонимы представлены лексемами, напрямую не связанными с категорией «детства». Примером могут послужить вышеперечисленные названия «Ягодка», «Груша» и «Арбуз».

Вторая группа эргонимов использует наименования деревьев. К ним можно отнести названия детских садов «Берёзка», «Ёлочка», «Тополёк», «Рябинка», «Рябинушка»; развивающих центров «Кедр под солнцем» и «Берёзка», детских лагерей «Берёзка» и «Зелёные дубки».

Особое положение занимает пара эргонимов «Рябинка» и «Рябинушка». Слова отличаются морфемным составом: уменьшительно-ласкательными суффиксами -к- и -ушк- соответственно. В связи с этим и оттенок лексического значения у данных слов несколько отличается: «рябинушка» является более поэтическим вариантом, часто используемым в народном творчестве и поэзии.

Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса в данных эргонимах позволяет сделать отсылку на «детскую» направленность организации [Лопатин 2016 : 469]. Таким образом, наименование частично сохраняет информативность.

Наиболее востребованным является эргоним «Берёзка»: на территории Республики Башкортостан выявлено двадцать четыре детских сада с подобным наименованием, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, береза символизирует чистоту, весну, красоту и свет, являясь одним из самых главных символов России [Андреева 2004 : 77]. Во-вторых, уже неоднократно упомянутый суффикс -к- акцентирует внимание на детской аудитории. В-третьих, берёза – одно из самых узнаваемых деревьев. Но вместе с этим, эргоним «Берёзка» является и одним из самых распространённых, что лишает его оригинальности.

Во многом вышесказанное применимо и к эргонимам «Ёлочка», «Тополёк» и «Зелёные дубки». Исключением можно считать наименование «Кедр под солнцем», так как данный

эргоним опирается на субъективизированную стратегию, а потому является оригинальным, но лишённым информативности.

Третья группа эргонимов предполагает использование наименований цветов и растений. В процессе исследования были выделены названия детских садов «Колосок» и «Ромашка», магазина «Жасмин», развивающих центров «Росток», «Цветы жизни», «Гвоздика» и детского лагеря «Колос».

Эргонимы «Колос» и «Колосок» являются одними из самых популярных. На территории Республики Башкортостан выявлено десять подобных наименований детских учреждений. Это обусловлено тем, что колос является символом жизни, богатства и благополучия [Юдин, URL]. Данный эргоним вызывает положительные ассоциации, а узнаваемый образ позволяет закрепиться в сознании носителя. Уменьшительно-ласкательный суффикс в эргониме «Колосок» придаёт более мягкое звучание наименованию, что тоже служит вышеуказанной цели - привлечь внимание потенциальной целевой аудитории [Лопатин, 2016: 469].

Эргоним «Цветы жизни» интересен тем, что является отсылкой к фразеологизму «Дети – цветы жизни» [Белянин, 1994: 6]. Подобное наименование является одним из самых эффективных, так как сохраняет информативность, не лишаясь оригинальности.

Таким образом, цифровые данные позволяют сделать вывод о том, что фитонимы довольно часто употребляются в качестве «детских» эргонимов. Это связано с тем, что фитонимы позволяют передать узнаваемый образ, вызвать положительные ассоциации, а часто употребляемые в подобных наименованиях уменьшительно-ласкательные суффиксы подчёркивают направленность на детскую аудиторию. Недостатком подобных эргонимов является низкий уровень оригинальности, за исключением некоторых случаев, ранее нами рассмотренных.

Библиографический список

1. Андреева В. А. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / сост. В. А. Андреева. М.: АСТ, 2004. 556 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966 г. 598 с.
3. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС. 1994. 186 с.
4. Габдулина Н.А. Функционирование казахских, русских и английских эргонимов г. Петропавловска в лексико-семантическом аспекте // Актуальные вопросы развития научно-образовательного сотрудничества на просторах Евразии. Сборник статей Международной научно-практической конференции // Редколлегия: О.А. Лебедева, Е.Е. Смирнова. Москва. 2022. С. 40-45.
5. Дударева З.М. Особенности языковой игры в наименованиях детских магазинов». Казанская наука. 2022. № 5. С.40-44.
6. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
8. Семенова С.Ю. Эргонимия города Чебоксары (на примере названий дошкольных образовательных учреждений). Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 3(5). С. 215-216.
9. Ши ГуанчАО. «Детские» эргонимы Ростова-на-Дону: стратегии номинации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. Том 24 № 4. С. 56-66.

10.Юдин А. В. Русская народная культура. Мифология восточных славян. Славяне и славянские языки. URL: <http://lib.babr.ru/index.php?book=3391> (дата обращения – 18.09.2025 г.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тимофеева Евгения Викторовна,
Старший преподаватель кафедры русского
языка и литературы
Стерлитамакского филиала Уфимского
университета науки и технологий,
e-mail: eva.timofeeva.98@bk.ru

Timofeeva Evgeniya Viktorovna,
Senior Lecturer, Department of Russian
Language and Literature,
Sterlitamak Branch of Ufa University
of Science and Technology,
e-mail: eva.timofeeva.98@bk.ru

O.B. Меренкова

Министерство образования Воронежской области
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru

C.A. Скуридина

Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

ФАМИЛИЯ КАРАМАЗОВ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ОНИМ В НАЗВАНИЯХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

В современном мире прецедентные имена популярны в разных сферах деятельности, в связи с чем активно используются в названиях различных организаций. Данный прием является лаконичным способом передачи культурного кода. К их числу относятся антропонимы персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», рассмотренные в данной работе.

Ключевые слова: прецедентное имя, оним, ономастика, имя собственное, Карамазовы, Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», наименование сообществ в социальных сетях.

O.V. Merenkova

*The Ministry of Education of the Voronezh Region
(Voronezh, Russian Federation)*
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru

S.A. Skuridina

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)*
e-mail: saskuridina@yandex.ru

THE SURNAME KARAMAZOV AS A PRECEDENT ONYM IN THE NAMES OF COMMUNITIES ON THE «VKONTAKTE» SOCIAL NETWORK

In the modern world, precedent names are popular in various fields of activity and are actively used in the names of various organizations. This technique is a concise way of conveying a cultural code. This includes the anthroponyms of the characters in Fyodor Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov," which are discussed in this article.

Keywords: precedent name, onym, onomastics, proper name, Karamazovs, Fyodor Dostoevsky, «The Brothers Karamazov».

В современном мире все чаще паблики в социальных сетях, например, в «ВКонтакте», официальные сайты различных организаций и заведений, например, ресторанов, отелей, кафе, называют именами собственными, являющимися прецедентными, что позволяет сделать прагматонимы семантически емкими.

Прецедентные имена Ф.М. Достоевского активно изучаются современными исследователями. Е.А. Попова рассматривает составляющие прецедентность имени *Достоевский* в русской лингвокультуре, подчеркивая, что прецедентные феномены, восходящие к произведениям писателя, используются не только в классической, но и в современной литературе. Имя Ф.М. Достоевского – неотъемлемая часть персоносферы современных носителей рус-

ского языка и культуры, в том числе, представителей молодого поколения [Попова 2021 : 24-32]. Э.В. Будаев, говорит о том, что прецедентное имя – это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [Будаев 2021: 22-36]. С.А. Скуридина подчеркивает, что имя собственное, закрепившееся в массовом сознании как носитель определенного рода информации, введенное в другой текст, становится емким и лаконичным средством реализации многопланового замысла и создания диалогичности. Так, «оним, погруженный в новый контекст, расширяет свой семантический диапазон» [Скуридина 2022: 5]. В одной из наших работ отмечалось, что «без творчества Ф.М. Достоевского невозможно представить себе развитие не только русской, но и мировой культуры, его имя давно стало прецедентным, превратившись в элемент культурного кода, который обусловлен определенными чертами творчества писателя, его философскими идеями и индивидуально-авторским стилем. При упоминании фамилии писателя возникает мысль о философской глубине, психологизме, свободе выбора, русском характере, религиозных и нравственных исканиях и т.д.» [Скуридина, Меренкова 2025 : 201].

В данном исследовании нами рассмотрены несколько пабликсов, использующих в своем названии библионим последнего романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», задуманного писателем как первая часть эпопеи «История Великого грешника» и затрагивающего глубокие философские проблемы веры, свободы и морали. Библионим «Братья Карамазовы» можно рассматривать как культурный код, в связи с чем его включение в название пабликсов в соцсетях делает данную номинацию узнаваемой и понятной пользователю (читателю).

Предваряя анализ использования библионима «Братья Карамазовы» в качестве названия сообществ в соцсетях, обратимся к семантике фамилии *Карамазовы*. С.А. Скуридина проводит анализ ономастической лексики в произведениях Ф.М. Достоевского и отмечает, что в контексте художественного текста ономастические единицы инициируют ассоциативные связи, которые подвергаются другой интерпретации, отличающейся от первоначальной. Следовательно, имена собственные выступают в качестве фундаментального компонента системы средств художественной выразительности, а для писателя выбор или создание имени – важный процесс, без которого не обходится акт творения героя, поэтому исследование художественного наследия писателя редко избегает обращения к созданной им ономастической системе [Скуридина 2022 : 8].

Фамилия *Карамазов* является семантически маркированной и реализующей в тексте романа комплекс значений. Например, скрытый смысл фамилии *Карамазов* обнаруживается Ариной Петровной Снегиревой во время ее знакомства с Алешей Карамазовым, когда она его несколько раз называет Черномазовым (кара – ‘черный’). Другое значение тюркской лексемы *кара* – ‘великий, могучий’ [Гафуров 1987 : 22], в связи с чем «антропоним *Карамазов*, соотносимый с титулом владельца, приобретает дополнительные коннотации, указывая на величие и могущество *Карамазовых*, породивших карамазовщину» [Скуридина 2022 : 110].

П.А. Бицилли видит связь фамилии *Карамазов* с реально существующими фамилиями *Каракозов* и *Карамзин*. Автор обращает внимание на образование на основе фамилии *Карамазов* существительного карамазовщина – «темное, страстное общечеловеческое начало». П.А. Бицилли анализирует фамилии некоторых героев Ф.М. Достоевского с позиций психолингвистики, выявляя «что-то очень сильное, внушительное и вместе тяжелое, недобroe, в таких именах, как Ставрогин, Свидригайлов» [Бицилли 1931 : 26].

В диссертационной работе Т.А. Бондаренко приводит к убедительной версии образования фамилии *Карамазов* от другой фамилии – Богомазов, путем замещения первого исторического корня этого имени [Бог-] антонимичным в метафорическом значении корнем [Кара-]. Таким образом, оказывается, что фамилия *Карамазов* является собой антонимию фамилии *Богомазов*. В свою очередь компонент *богомаз* – может трактоваться двояко: богомаз – буквально – иконописец, ме-

тафорически – помазанник Божий: следовательно, семантика компонента *карамаз* прочитывается как «черный помазанник, наместник дьявола» [Бондаренко 2006].

И.Л. Чижова приводит в пример трактовку английского слависта, вице-президента Международного общества Достоевского, который утверждает, что первая часть фамилии имеет значение ‘наказание’, в связи с чем получается, что «Карамазов» – «мазанный карой» [Чижова 2013].

В настоящее время достаточно часто в социальных сетях используются названия пабликов, включающие фамилию *Карамазовы*. Нами было проанализировано несколько подобных сообществ. «Братья Карамазовы» – серьезное произведение, которое заставляет задуматься о глубине человеческой души, морали, принципах, проблеме межличностных отношений. Парадоксально, но имя собственное стало брендом для многих организаций.

Рассмотрим мотивы выбора владельцами пабликов данного прецедентное имени.

Во-первых, классические русские произведения, которые знакомы многим, создают эффект престижа и солидности. Во-вторых, в произведении рассказывают истории нескольких героев, что позволяет вести паблики в разной направленности. Если мы говорим о пабликах, которые носят только развлекательный характер, то и при их создании используется библионим «Братья Карамазовы». Организаторы в таком ключе могут играть на контрасте, чем вызывают интерес у широкой аудитории.

Относительно недавно в Старой Руссе появилась ещё одна точка питания, связанная с именем Фёдора Достоевского. Новое заведение получило название «Карамазовы». У ресторана также есть свои социальные сети и официальный сайт, где посетители могут познакомиться с тематикой и меню заведения. Остановимся поподробнее на оформлении страницы в социальной сети «ВКонтакте». В своих произведениях Ф.М. Достоевский особую роль отводит цветовой символике предметов. Перейдя на страницу ресторана «Карамазовы» в соцсетях, пользователь видит карикатуру состаренное фото старого города.

Стоит обратить внимание и на главное фото, которое «встречает» посетителей: в центре – изображение керосиновой лампы, которая еще до появления электричества была основным источником света в тёмное время суток, однако в творчестве Ф.М. Достоевского керосиновая лампа как символ света не рассматривается [см. подробно: Болотская, Рябова 2024], хотя керосиновые лампы активно использовались с середины XIX века. Полагаем, что использование данного символа связано с тем, что керосиновая лампа экспонируется в Доме-музее Ф.М. Достоевского в Старой Руссе, о чем свидетельствует пост на странице в соцсетях: «В Доме-музее Ф.М. Достоевского на рабочем столе писателя находится керосиновая лампа, датируемая серединой XIX века. Она была изготовлена берлинской фирмой «Carl Holly». Этот экспонат является живым напоминанием о быте и неповторимой атмосфере ушедшей эпохи» [Музеи Ф.М. Достоевского в Старой Руссе, URL]. Интересно, что отец писателя, по воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского, не любил запаха керосиновых ламп: «Ламп у нас не было, отец не любил их, а у кого они и были, то освещались постным маслом, издававшим неприятный запах» [Достоевский 1990 : 62].

Интересно меню ресторана «Карамазовы», которое размещено во вкладке на странице во «ВКонтакте»: есть ссылки к блюдам из романа «Братья Карамазовы», так, например, здесь подают белый хлеб, соленую капусту, различные виды супов. Владельцы паблика отмечают, что «ресторан «Карамазовы» – это сочетание безупречной дворянской кухни и элегантной Италии. Как известно, Федор Павлович Карамазов в романе является мелкопоместным дворянином, в связи с чем понятна ориентация на дворянскую кухню. В ресторане «Карамазовы» также представлен сет из блюд, которые любил Ф.М. Достоевский: салат с ростбифом, уха из ильменьской рыбы и расстегаем, рубленная котлета с селянкой, тыквенный чизкейк с греческим орехом [Ресторан Карамазовы – Старая Русса, URL].

В городе Тамбове расположен «КАРАМАЗОВЪ ПАБ», на странице которого в социальной сети «ВКонтакте» указано, что это «идеальное место для тех, кто ищет уютную атмосферу, отличное пиво и вкусную еду» [КАРАМАЗОВЪ_ПАБ_Тамбов, URL]. Во вкладке «О нас» в паблике тамбовского паба, к сожалению, нет информации о связи его названия с романом Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Силуэт мужчины в шляпе, являющийся логотипом заведения, по-

скольку расположен и на титуле меню, напоминает, как писателя, который носил цилиндр, так и Федора Павловича Карамазова. Отметим, что в пабе нет тематического меню, связанного с творчеством Ф.М. Достоевского.

Еще одно сообщество социальной сети «ВКонтакте» отражает деятельность отеля «Братья Карамазовы» (4*) [Отель Братья Карамазовы, URL], расположенного в историческом центре Санкт-Петербурга в непосредственной близости от музея-квартиры Ф.М. Достоевского. По словам владельцев отеля и администраторов, группа в «ВК» была названа также, как сам отель – «Братья Карамазовы», который расложен недалеко от музея - квартиры Ф.М. Достоевского, где он написал свой последний роман «Братья Карамазовы». Примечательно, что номера и интерьеры отеля выполнены в стилистике второй половины 19 века, а интерьерные номера имеют уникальные дизайны и названы именами героинь из произведений Ф.М. Достоевского. Всего в отеле 6 таких номеров: номер под названием «Варенька» - в честь героини Вареньки Доброселовой из произведения «Бедные люди»; номер «Неточка Незванова» по одноименному роману и героине; номер «Грушенька» и номер «Катерина», которые названы в честь данных персонажей из самого романа «Братья Карамазовы»; номер «Аглай» и номер «Настасья Филипповна» в честь этих героинь из романа «Идиот».

На странице паблика в шапке профиля посетителей встречает сам писатель, сидящий в кресле одного из номеров отеля. Страница отеля выполнена в теплых тонах. Стоит обратить внимание на оформление различных виджетов с адресом, официальным сайтом и прочее на главной странице. Тексты сделаны в стиле рукописи, что отсылает творческой деятельности писателю.

Посты, которые публикуются на странице отеля, дополняются не только фотографиями самих номеров, но и карточками с изображением Ф.М. Достоевского. В одной из публикаций отмечено: «Отсылки к образу Фёдора Михайловича в нашем отеле можно встретить в самых неожиданных мелочах». Тексты, размещаемые на странице отеля, часто сопровождаются информационными справками о жизни и творчестве писателя.

Отсылки к роману «Братья Карамазовы» присутствуют не только в оформлении постов, но и в самом интерьере номеров. Так, например, на журнальных столиках для гостей оставлены книги Ф.М. Достоевского, в том числе и роман «Братья Карамазовы».

У отеля «Братья Карамазовы» также имеется свой официальный сайт, на рекламных баннерах и виджетах которого гостей встречает Ф.М. Достоевский, а в альбомах присутствуют фотографии с изданием романа «Братья Карамазовы».

Таким образом, в современном мире все чаще заведения общепита, гостиницы носят названия героев произведений русских классиков. Владельцы ресторана в Старой Руссе «Карамазовы» и отеля «Братья Карамазовы» (4*) в Санкт-Петербурге, создают целостную и историческую формулу «писатель плюс его произведение». В Старой Руссе Достоевский провел много времени, там же были написаны многие его произведения, в том числе и роман «Братья Карамазовы». Отель в Санкт-Петербурге расположена в историческом центре города, вблизи музея – квартиры Достоевского, где был написан роман «Братья Карамазовы». Так, прослеживается целостная и логически завершённая история создания ресторана и отеля. Кроме того, русская литература, высоко ценится не только на территории России, но и произведения русских писателей переводят и цитируют за рубежом. Поэтому одними из главных критериев выбора названия владельцами ресторанов, является престиж и узнаваемость.

Библиографический список

1. Бицилли П.М. Происхождение имени Карамазовых // Россия и Славянство. Париж. 24.Х.1931.
2. Болотистая М.П., Рябова М.В. Репрезентация источников света в текстах художественных произведений Ф.М. Достоевского // Мир науки, культуры, образования. 2024. №6 (109). С. 442-444.

3. Бондаренко Т.А. Антропонимия романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Бондаренко Татьяна Александровна. Тюмень, 2006.
4. Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. №3 (87). С. 22-36. DOI 10.26170/1999- 2629 2021 03 02.
5. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука, 1987. 220 с.
6. Достоевский А.М. Из «Воспоминаний» // Достоевский в воспоминаниях современников в 2-х тт. Т. 1. М.: «Художественная литература», 1990. С. 29-163.
7. КАРАМАЗОВЪ_ПАБ_Тамбов [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/karamazovpub> (дата обращения: 31.10.2025).
8. Музеи Ф.М. Достоевского в Старой Руссе [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-50394750_15197 (дата обращения: 31.10.2025).
9. Отель Братья Карамазовы [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/hotelstpetersburg?from=search> (дата обращения: 31.10.2025).
10. Попова Е.А. «Достоевский» как прецедентное имя русской лингвокультуры // Сборник научных статей по итогам XVII Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции. 2021. С. 24-32.
11. Ресторан Карамазовы – Старая Русса [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-33083739_7130 (дата обращения: 01.11.2025).
12. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 343 с.
13. Скуридина С.А., Меренкова О.В. Специфика использования прецедентных онимов в социальной сети «Вонтакте» (на примере антропонима Раскольников) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 2(57). С. 198-209.
14. Чижова И.Л. Роль антропонимов в раскрытии идейного замысла романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологический класс. 2013. №. 211. С. 74-77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Меренкова Ольга Владимировна,
главный специалист пресс-службы Министерства образования Воронежской области,
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru

Merenkova Olga Vladimirovna,
Chief Specialist of the Press Service
of the Ministry of Education of the Voronezh
Region,
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного технического университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,

SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

E.M. Мишинёва

Кубанский государственный университет

(Краснодар, Российская Федерация)

e-mail: mishnevaelizaveta@mail.ru

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ФИЛЬМА «ГОЛОВОЛОМКА»

Данная статья посвящена лингвистическому анализу антропонимов в мультипликационном фильме «Головоломка» («Inside Out», 2015) в контексте аудиовизуального перевода. В статье отмечается, что работа аудиовизуального переводчика является незаменимой и уникальной, так как трудно полностью заменить данный вид перевода машинным. В статье рассматриваются особенности перевода имен собственных как составляющих мультипликационного фильма. На материале английской и русской версий мультипликации исследуются стратегии перевода антропонимов, учитываются психологическая глубина персонажей и культурные особенности русскоязычного зрителя. Особое внимание уделяется переводу антропонимов Радость, Печаль, Страх, Гнев и Брезгливость, которые точно передают характер персонажей. Также анализируются антропонимы Бинго Бонго и Единорожка, в которых переводчики использовали приемы звукоподражания и уменьшительно-ласкательный суффикс для сохранения эмоционального окраса имен. В статье отмечается, что удачный перевод антропонимов в мультипликации требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и понимания культурного контекста, психологических особенностей персонажей и особенности детского восприятия. Результаты исследования, отраженные в статье, подтверждают эффективность использованных переводческих стратегий для передачи замысла режиссеров и обеспечения правильного восприятия мультфильма русскоязычной аудиторией.

Ключевые слова: мультипликационный дискурс, мультипликационный фильм, антропонимы, имя, аудиовизуальный перевод

E.M. Mishnyova

Kuban State University

(Krasnodar, Russian Federation)

e-mail: mishnevaelizaveta@mail.ru

ONOMASTIC SPACE OF THE ANIMATION FILM "INSIDE OUT"

This article examines the linguistic analysis of anthroponyms in the animated film "Inside Out" (2015) in the context of audiovisual translation. It notes that the work of an audiovisual translator is indispensable and unique, as it is difficult to completely replace this type of translation with machine translation. The article examines the specifics of translating proper names as components of the animated film. Using the English and Russian versions of the film, it explores strategies for translating anthroponyms, taking into account the psychological depth of the characters and the cultural characteristics of Russian-speaking viewers. Particular attention is paid to the translation of the anthroponyms Joy, Sadness, Fear, Anger, and Disgust, which accurately convey the characters' personalities. The article also analyzes the anthroponyms Bing Bong and Rainbow Unicorn, in which the translators used onomatopoeia and diminutive suffixes to preserve the emotional connotations of the names. The article notes that successfully translating anthroponyms in animation requires translators not only linguistic competence but also an understanding of the cultural context, the psychological characteristics of the characters, and the nuances of children's perception. The research findings presented in the article confirm the effectiveness of the translation strategies used in conveying the directors' intent and ensuring the cartoon's accurate reception by Russian-speaking audiences.

Key words: animated discourse, animated film, anthroponyms, name, audiovisual translation

Каждый год студии анимации представляют большое количество аудиовизуальных произведений искусства. Все новые анимационные фильмы нуждаются в адаптации для зрителя, что делает работу аудиовизуального переводчика незаменимой и уникальной. Из-за

сложности структуры данного вида интерпретации АВП (аудиовизуальный перевод) является тем видом перевода, который очень трудно полностью заменить на машинный перевод [Степанова 2019 : 33-46]. Переводчику следует иметь навыки работы с текстом и, кроме того, «...учитывать особенности самого аудиовизуального произведения» [Аносова 2018 : 179].

В современном мире мультипликация интересна людям всех возрастов. Мультипликационный дискурс является одним из отдельных направлений в изучении дискурса. Он характеризуется собственным набором особенностей и все еще изучается лингвистами. Данный жанр помогает зрителям сформировать стереотипы поведения, предлагает методы урегулирования различных ситуаций [Кабылкина Н.С., Ломтева Т.Н. 2016: 229-234].

Анализ ономастических единиц в процессе аудиовизуального перевода мультипликационного дискурса является важной темой для лингвистов. Е.С. Обухова [Обухова 2025:85-90], А. Меркулова и А.Л. Соломоновская [Меркулова А., Соломоновская А.Л. 2023: 156-167] и другие современные исследователи изучают вопросы ономастики. Имена собственные образуют особую систему, отражающую замысел автора [Суперанская 1973: 89]. Они могут характеризовать персонажей, передавать национальный колорит и оживлять произведение. Так, в мультипликационном фильме «Головоломка» (“Inside Out”, 2015) можно увидеть множество антропонимов, которые идентифицируют персонажей.

В мультфильме «Головоломка» речь идет о пяти эмоциях (Радость, Печаль, Страх, Гнев, Брезгливость), которые управляют разумом 11-летней девочки Райли Андерсон. Она переезжает с родителями из Миннесоты в Сан-Франциско и пытается приспособиться к жизни на новом месте. Девочка сильно переживает, и эмоции, которые «живут» в мозговом центре Райли, руководят всеми ее поступками. После переезда они конфликтуют, пытаясь справиться с переменами и сохранить воспоминания. В этом же «пространстве» накапливаются все воспоминания главной героини за день. Они представлены в виде небольших разноцветных стеклянных шариков, обозначающих определенную эмоцию, которую испытывала Райли. В завершение дня все воспоминания отправляются в специальное хранилище – долговременную память. В конце мультипликационного произведения все эмоции работают сообща и жизнь Райли в Сан-Франциско налаживается.

Имя *Райли Андерсон* (*Railey Andersen*) является современным нейтральным именем, популярным в США. Оно звучит дружелюбно, что способствует созданию образа 11-летней девочки. Фамилия *Андерсон* представляет собой распространенную в США фамилию, что делает семью Райли «типичной». Режиссеры старались показать, что каждый ребенок и каждый взрослый человек могут испытывать похожие эмоции. У каждого человека невероятно сложный мир в сознании, который не зависит от имени и фамилии.

Антропонимы в мультипликационном дискурсе являются значимыми, так как они не только определяют персонажей, но и несут важный семантический и символический смысл. Антропонимы в мультипликации обладают особыми свойствами, потому что не только называют персонажей, но и отражают их характеристики.

В «Головоломке» выделяются пять основных человеческих эмоций: Радость, Печаль, Страх, Гнев и Брезгливость.

1. Радость (Joy) отражает все положительные эмоции человека. Имя персонажа в мультфильме полностью идентично значению абстрактного существительного. Радость считает, что она должна властвовать над жизнью главной героини, но в конце осознает, что другие эмоции важны. В русском языке «радость» ассоциируется со смехом, улыбкой и счастьем.

2. Печаль (Sadness) была переведено на русский не «Грусть», а мягче, лиричнее и добавило мудрости этому персонажу. Благодаря такому переводу этот герой стал более глубоким и сочувствующим. В самом начале мультфильма Печаль воспринималась как проблемная эмоция, но позже ее значение изменилось, она стала синонимом поддержки и эмпатии.

3. Страх (Fear) так же как и Радость идентичен значению абстрактного существительного, слово емкое и полностью отражает свою суть. Задача Страха – оградить от опасности

главную героиню. В мультильме Страх близок к осторожности, он внимателен и любое новое событие может вызвать в нем панику.

4. Гнев (Anger) был точно передан в переводе. Слово «гнев» идеально подошло данному персонажу, оно звучит резко, взрывоопасно и визуально подкрепляется его кубическим телом и горящей головой. Персонаж выступает за справедливость и готов вступить в конфликт в любой момент.

5. Брезгливость (Disgust) не была переведена на русский язык как «отвращение», так как это слово означает слишком сильную и обширную эмоцию. Брезгливость является более конкретной эмоцией. Она реагирует на брокколи, которую не любит Райли, комментирует глупые поступки и стиль в одежде, что делает персонажа более понятным и комичным для зрителя. Ее имя отражает ее роль, Брезгливость защищает девочку от вредного влияния общества и служит внутренним критиком.

Кроме эмоций, в сознании Райли Андерсон существуют другие антропонимы:

1. Бинго Бонго (Bing Bong) – это звукоподражательное имя, которое не имеет смысла, но мелодично звучит. Его имя является олицетворением детской фантазии, которая не подчиняется логике, оно смешное, нелепое и трогательное. Именно таким является этот персонаж розового цвета – полу-слоном, полу-котом и полу-дельфином.

2. Единорожка (Rainbow Unicorn) – это имя актрисы, которая работает в Студии Сновидений в сознании Райли. Единорожка имеет радужные волосы, она является символом детства, фантазий и любимой игрушки. Переводчик не стал сохранять «радугу» в переводе, что привело бы к громоздким конструкциям, он хотел сохранить образ чего-то маленького, милого и любимого, поэтому использовал уменьшительно-ласкательный суффикс, и получилось имя Единорожка.

В мире «Головоломки» имя персонажа-эмоции полностью определяет его роль, поведение и характер. Эмоции не могут действовать вне своей сущности, заданной антропонимом. Русский перевод антропонимов в данном мультильме был выполнен очень хорошо. Замена «Отвращения» на «Брезгливость», а «Грусти» на печаль сделала персонажей психологически более точными и глубокими для русскоязычной аудитории.

Система антропонимов в мультиликационном фильме поднимает вопрос: «Наши эмоции – это мы?» Зрителей заставляют задуматься о том, какие эмоции мы испытываем и о сложном разнообразии персонажей-эмоций, у каждого из которых есть свой голос и своя задача.

Библиографический список

1. Аносова Н. Э. Закадровый перевод и субтитрирование: особенности и перспективы // Перспективы науки и образования. 2018. №1 (31). С. 179-182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakadrovyj-perevod-i-subtitirovanie-osobennosti-i-perspektivy> (дата обращения: 19.10.2025).
2. «Головоломка» (мультильм, 2015). URL: <https://rutube.ru/video/d9364562caf7fce637bc9c0f40f44be/> (дата обращения: 17.10.2025).
3. Кабылкина Н.С., Ломтева Т.Н. Анимационный текст как речевой жанр и способы его языковой реализации / Н.С. Кабылкина, Т.Н. Ломтева // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 229-234
4. Меркулова А., Соломоновская А.Л. Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале англоязычного мультильма «Мадагаскар») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-imen-sobstvennyh-v-protsesse-audiovizualnogo-perevoda-na-materiale-angloyazychnogo-multfilma-madagaskar> (дата обращения: 30.10.2025).

5. Обухова Е.С. Особенности перевода некоторых брендов в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на македонский язык // Ономастический вестник. 2025. №2 (2). С. 85-90.
6. Степанова М. М. «Методическая подготовка преподавателя к обучению студентов аудиовизуальному переводу» // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8. № 29. С. 33-46.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мишинёва Елизавета Михайловна,
преподаватель кафедры теории и практики
перевода Кубанского государственного
университета,
e-mail: mishnevaelizaveta@mail.ru

Mishnyova Elizaveta Mikhailovna,
lecturer of the Department of Theoretical and
Practical Translation,
Kuban State University,
e-mail: mishnevaelizaveta@mail.ru

ОНИМНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ONYM PERIPHERY

УДК 81

Г.А. Заварзина

*Воронежский государственный педагогический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: zga1311@mail.ru*

R. Buasaeng

*Воронежский государственный педагогический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: rbuasaeng@yahoo.com*

НОВЫЕ ПРИМЕТЫ С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В статье исследуются процессы трансформации русских народных примет в условиях современного интернет-дискурса. Исследование базируется на теоретических положениях Т.Г. Никитиной, О.В. Ломакиной, В.Г. Костомарова и других ученых, рассматривающих приметы как разновидности паремии, обладающие кумулятивной памятью и отражающие культурные коды народа. Доказано, что, несмотря на устойчивость паремиологического фонда, его единицы активно адаптируются к новым коммуникативным условиям, что приводит к изменению их семантики при сохранении базовых структурных моделей. Основное внимание уделяется анализу нового пласта политических примет, содержащих антропонимический компонент (имена известных политиков). На обширном материале, извлеченном из интернет-источников, демонстрируется, что самой продуктивной структурой для таких примет остается конструкция сложноподчиненного предложения с условной связью. Выявляются и описываются две основные функционально-семантические разновидности современных политических примет: приметы-толкования и приметы-прогнозы, которые служат для юмористической или сатирической оценки политических событий и деятелей. Делается вывод о том, что изучение современных примет невозможно без учета их функционирования в конкретном дискурсе, а их активное продуцирование подтверждает жизнеспособность паремиологических моделей и их способность аккумулировать актуальные социальные смыслы.

Ключевые слова: паремиология, народные приметы, интернет-дискурс, политическая коммуникация, антропонимический компонент, структурно-семантическая модель, карнавализация языка, трансформация фразеологии.

G.A. Zavarzina

*Voronezh State Pedagogical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: zga1311@mail.ru*

R. Buasaeng

*Voronezh State Pedagogical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: rbuasaeng@yahoo.com*

NEW SIGNS WITH AN ANTHROPOONYMIC COMPONENT IN MODERN MEDIA

The article examines the processes of transformation of Russian folk traditions in the context of modern Internet discourse. The research is based on the theoretical propositions of T.G. Nikitina, O.V. Lomakina, V.G. Kostomarov and other scientists who consider omens as varieties of paremia with cumulative memory and reflecting the cultural codes of

the people. It is proved that, despite the stability of the paremiological fund, its units actively adapt to new communicative conditions, which leads to a change in their semantics while maintaining basic structural models. The main attention is paid to the analysis of a new layer of political signs containing an anthroponymic component (names of famous politicians). Based on extensive material extracted from Internet sources, it is demonstrated that the most productive structure for such signs remains the construction of a compound sentence with a conditional connection. Two main functional and semantic varieties of modern political signs are identified and described: omens-interpretations and omens-forecasts, which serve for a humorous or satirical assessment of political events and figures. It is concluded that the study of modern concepts is impossible without taking into account their functioning in a particular discourse, and their active production confirms the viability of paremiological models and their ability to accumulate relevant social meanings.

Key words: paremiology, folk signs, Internet discourse, political communication, anthroponymic component, structural and semantic model, carnivalization of language, transformation of phraseology.

По мнению Т.Г. Никитиной, «приметы – это разновидность паремий, максимально близких к пословицам по способности выражать умозаключения. Они употребляются в речи для указания на сложную систему связей прошлого и будущего, познаваемого и непознанного» [Никитина 2008: 74]. О. В. Ломакина отмечает, что приметы представляют собой сжатый текст, обладающий кумулятивной памятью и культурной информацией [Ломакина 2022: 134], то есть содержат представления народа об окружающей действительности, передающиеся из поколения в поколение.

Несмотря на устойчивость фонда примет в русском языке, способы воздействия на потенциальную аудиторию трансформируют их структуру и семантику, в том числе приметы с антропонимическими элементами, и обуславливают формирование новых устойчивых конструкций, отражающих творческие возможности русского народа. Характеризуя современную эпоху развития русского языка как период «карнавализации», В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова отмечали, в частности, отмену осторожности в выборе выражений, гипертрофированное обращение к образным средствам выражения и, что важно, необходимость знания и понимания для успешной коммуникации прецедентных текстов [Костомаров, Бурвикова 2001: 7–16; Заварзина 2021]. Современные ученые отмечают, что если в прошлом веке основной целью изучения примет было познание «духа народа», то с укреплением фразеологии как лингвистической дисциплины... стали интересовать и чисто языковые особенности фразеологизмов и паремий...» [Мокиенко 2011: 34], а также их употребление в публицистическом и интернет-дискурсах. Действительно, изучение языковых и структурных особенностей единиц паремиологического фонда без учета специфики их функционирования является достаточно однобоким и зачастую даже малопродуктивным, так как не отвечает базовым методологическим принципам комплексности, системности и взаимодополняемости [Федуленко-ва 2017].

Народные приметы с антропонимическим компонентом могут служить основой для формирования новых примет, сохраняющих структурные модели. Большое количество примет и направления их изменений свидетельствуют о заметной роли этих выражений в современном обществе. Ср.: «Новые приметы демонстрируют сохранение смысловой структуры традиционной приметы: в них реализуется идея воздействия некоего явления, действия, ситуации на события человеческой жизни, хотя и преимущественно не метафорической, а причинно-результативной, рационалистической связи между ними» [Васильева 2021: 123].

Как показало исследование, для традиционных и современных примет самой продуктивной является конструкция сложноподчиненного предложения с придаточной условной частью «если – значит»: *Если в твоём самолёте оказался Навальный, ты приземлишься совсем не там, где планировал. Если Ярош заявляет о создании новой политической партии – это значит, что у него кончились деньги.*

Приметы в современном интернет-дискурсе могут быть оформлены в виде бессоюзного сложного предложения (*Ешь морковку, картошку и хрен – будешь как Софи Лорен*) или представлены рядом простых предложений, реализующих семантику сложного бессоюзного предложения с причинно-следственными отношениями: *Полицейские идут. Навальнята не*

пройдут (<https://pikabu.ru/tag>). Подобные конструкции ориентированы на специфику разговорной речи, связанную с простотой оформления моделей живой речи.

Новые приметы, как правило, используются для юмористического освещения политических событий или характеристики политического деятеля и чаще всего реализуют семантику предостережения: *Есть такая народная примета – если в новостях видишь Набиуллину, то жди беды* (<https://vk.com/>. 21.01.2023). *Если президент хвалит Набиуллину – значит рубль уйдёт в пике. Если Улюкаев говорит, что дно достигнуто – значит ещё копать и копать, если Ткачёв говорит, что подорожания продуктов не будет – значит пора сметать с прилавков* (<https://otvet.mail.ru/question/181313850>). *Народная примета: если Зеленский в ночь с воскресенья на понедельник в хлам и в бункере, значит утро на Украине начнётся с массированного ракетного удара.* (<https://m.ok.ru/20.11.2022>). *Если Янукович у власти – это к Майдану* ([pikabu.ru. story/oryat_1722335](https://pikabu.ru/story/oryat_1722335)). *Есть верная народная примета: если Янукович заговорил о переговорах – жди штурма* (livejournal.com/1498922). *Трамп заболел коронавирусом, Порошенко госпитализировали с воспалением легких, если еще и Меркель зачихает – санкций не избежать!* (<https://anekdotix.ru/jokes/poroshenko>. 2024-12-01).

Ср.: «Народная примета: "Если Вы видите трезвого Деда Мороза, то скорее всего это – Санта-Клаус"! (<https://www.anekdot.ru>). Если Лукашенко скинут, Беларусь может потерять для России роль некрасивой подружки. Говорят, в этом году на Масленицу в России по традиции, чтобы пришла быстрой весна, будут сжигать чучело ГРЕТЫ ТУНБЕРГ.

Если Ефремов не признает свою вину, значит он до сих пор не пропрэвел (<https://anekdot.1002.ru/person/soloviev/>).

Среди новых политических примет можно выделить:

- приметы – толкования, которые истолковывают уже произошедшие события:

Если по телевизору вы смотрите выступление президента Украины Петра Порошенко, потом выступление премьера Украины Арсения Яценюка, потом выступление спикера Верховной Рады Владимира Гройсмана – значит, Новый год вам окончательно испортили. Вы верите в приметы? Янукович побежал с Украины-значит скоро побежит и простой люд.. так и получилось. Возникла примета: куда Зеленский, приезжает «на передовую» – там ВСУ получают по сусалам: Бахмут, Авдеевка, Работино, теперь вот Купянск.

- приметы – прогнозы, которые в шутливой форме предсказывают развитие событий в будущем:

Если Генпрокуратура Украины арестовала Корбана, то значит это дело рук Вальцмана, а если Рабинович угрожает обнародовать документы о том, как Гройсман нарушает законы Украины, то Украина вскоре примет новую Конституцию, которую скопирует с Конституции Израиля. Если на телезкране появился Медведев, то минут через пять, там же, будет давать наставления Путин! Олимпийская примета: Если Медведев уснул на официальной части мероприятия, все будет великолепно! Если за два дня до выборов в центр Киева завезут сотни палаток и полевые кухни, то победит Янукович.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что народные приметы, являясь устойчивой разновидностью паремий, в современную эпоху претерпевают активную трансформацию, обусловленную спецификой интернет-дискурса и общими процессами «карнавализации» языка. Несмотря на изменение содержательного наполнения, они сохраняют базовую структурную модель традиционной приметы, чаще всего реализуясь в виде сложноподчиненных предложений с условной связью «если – значит», а также в формах, ориентированных на разговорную речь (бессоюзные сложные предложения, ряды простых предложений).

Основным тематическим вектором развития новых примет стала политическая сфера. Антропонимический компонент (имена политических деятелей) служит ключевым элементом для формирования новых устойчивых конструкций, которые выполняют функции юмористического освещения событий, предостережения, толкования произошедшего и прогноза.

зирования будущего. Таким образом, современные политические приметы, наследуя структурный каркас традиционных паремий, аккумулируют в себе новые культурные коды и актуальные смыслы, отражая творческие возможности языка и выполняя важную роль в оценке и осмысливании социально-политической действительности.

Библиографический список

1. Васильева К.Н. Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021. 259 с.
2. Заварзина Г. А., Буасаенг Р. Паремиологическое пространство современного русского языка (на материале пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 178–182.
3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. СПб.: Златоуст, 2001. 71 с.
4. Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России/ О.В. Ломакина// Вестник Челябинского государственного университета. 2022. №. 9 (467). С. 133-140.
5. Мокиенко В.М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации// Литературная и диалектная фразеология: история и развитие: мат-лы Междунар. науч. симпозиума к 90-летию со дня рождения В.П. Жукова: в 2 т. Т. 1. Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 33-41.
6. Никитина Т.Г. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения. Псков: ПГПУ, 2008. 256 с.
7. Федуленкова Т.Н. Тенденции развития пословицы (на материале английского языка)// Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография. Владимир, 2017. С.176-195.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Заварзина Галина Анатольевна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка, со-
временной русской и зарубежной литерату-
ры Воронежского государственного педаго-
гического университета,
SPIN-код: 4767-5323,
e-mail: zga1311@mail.ru

Буасаенг Раттанапорн,
аспирант кафедры русского языка, совре-
менной русской и зарубежной литературы
Воронежского государственного педаго-
гического университета
e-mail: rbuasaeng@yahoo.com

Zavarzina Galina Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature at Vo-
ronezh State Pedagogical University
SPIN-code: 4767-5323,
e-mail: zga1311@mail.ru

Buasaeng Rattanaporn,
Postgraduate student of the Russian
Language Department, modern Russian
and foreign literature Literature
of the Voronezh State University Pedagogical
University
e-mail: rbuasaeng@yahoo.com

ОНОМАСТИКА В ЛИЦАХ ONOMASTICS IN FACES

УДК 81

В.И. Супрун,

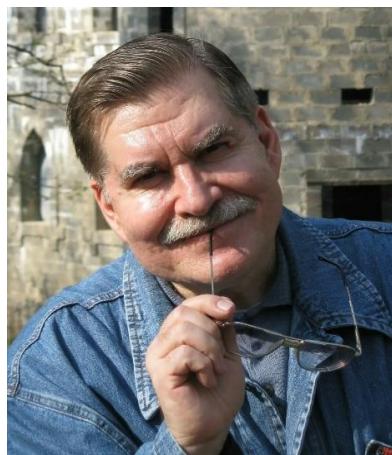
*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Российская Федерация)
e-mail: suprun@vspu.ru*

НЕЗАМЕНИМЫЙ ЧЕЛОВЕК: ПАМЯТИ МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧ ГОРБАНЕВСКОГО (21.5.1953 – 20.9.2025)

V.I. Suprun

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russian Federation)
e-mail: suprun@vspu.ru*

AN IRREPLACEABLE PERSON: IN MEMORY OF MIKHAIL VIKTOROVICH GORBANEVSKY (21.5.1953 – 20.9.2025)

Трудно, невозможно представить себе, что в нашей науке, культуре, общественной жизни не будет больше Михаила Викторовича Горбаневского. Его кипучая энергия, огромный объём знаний и умение воплотить их в проекты, книги и статьи, активная жизненная позиция стимулировали научные исследования в разных направлениях гуманитарных наук в стране и за её пределами, приводили к созданию новых научных и общественных объединений и организаций, соединяли людей разных, порой противоположных взглядов для решения научных и социально значимых проектов. У Михаила Викторовича было много сподвижников, были и противники, но не было рядом равнодушных людей.

Фразу «Незаменимых людей нет» приписывают И.В. Сталину, внёсшему эти слова в пьесу Александра Евдокимовича Корнейчука «Фронт», но исследователи обнаружили первоисточник в книге «Искусство быть довольным собой», написанной итальянским энциклопедистом, вице-королём Сицилии Доменико Каракчиоли (Domenico Caraccioli, 1715–1789), а

также в резолюции комиссара французского революционного Конвента Жозефа Лебона (Joseph Lé-Bon, 1665–1695) на просьбе о помиловании виконта Луи де Гизелена. И каждый раз уход из жизни выдающегося человека опровергает справедливость, неполную правду этих слов. Конечно, ни развитие науки не остановится, ни общественная жизнь в стране не угаснет, но без М.В. Горбаневского они будут другими, а что-то из того, что он задумал, но не успел выполнить, не будет реализовано никогда.

Михаил Викторович Горбаневский – москвич по всем направлениям своей деятельности, по любви к столице, воплощённой во многих публикациях и проектах, хотя он родился на Урале, где его отец Виктор Евгеньевич Горбаневский (1929–1995) работал инженером на Челябинском тракторном заводе. Но уральский период жизни мало отразился в судьбе будущего профессора. В большей степени его волновали донские корни отца. Когда Михаил Викторович прочитал воспоминания донского писателя Фёдора Дмитриевича Крюкова «О пастыре добром. Памяти о. Филиппа Петровича Горбаневского», он сразу же предположил, что этот священник каким-то образом связан с их родом.

Интересовало учёного и Поволжье, поскольку его мама Галина Даниловна (1929–2014), к которой он питал нежные сыновьи чувства и с которой не расставался до последних дней её жизни, была родом из саратовских дворян. Михаил Викторович участвовал в конференциях «Ономастика Поволжья», а когда не мог приехать на эти научные встречи, интересовался их ходом и содержанием докладов.

Но всё же главная любовь в его жизни – Москва. Ей он посвятил учебник «Московедение» [Горбаневский 1997], о Москве и Подмосковье опубликовал несколько книг, которые выходили солидными для нашего времени тиражами в 30 и 50 тысяч экземпляров [Смолицкая, Горбаневский 1982; Горбаневский 1985; Горбаневский 2000], о её истории, улицах и площадях не уставал искать новую информацию, с которой охотно делился читателями, а позже и пользователями Интернета, когда был создан портал «Грамота.ру». Вот что он отвечал на вопрос о происхождении наименования улицы Шаболовки: *Оно «впитало» в себя ойконим (т. е. название населённого пункта) Шаболово, подмосковного села, упоминаемого с XVII века. По селу впоследствии была названа Шаболовская слобода, располагавшаяся к северо-востоку от Донского монастыря, что и определило название улицы.*

Михаил Викторович был одним из основателей и до последних дней жизни научным консультантом портала «Грамота.ру». Им написано немало научных и научно-популярных статей о топонимии Москвы и Подмосковья. Учёный оставался верен своей любви к столице и тогда, когда у него появились другие заботы. В 2007 году вышла одна из интереснейших книг «Москва: кольца столетий» [Горбаневский 2007].

Учёного интересовало не только прошлое Москвы, но и её будущее. Он был одним из основных разработчиков закона города Москвы «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы», принятого Московской городской Думой 8 октября 1997 года [О наименовании территориальных единиц... 1997]. С 1998 по 2001 год М.В. Горбаневский был заместителем председателя Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы.

В начале своего творческого пути юный выпускник известной московской языковой спецшколы № 110 / № 25 имени Эрнесто Че Гевары (ныне № 2123 имени Мигеля Эрнандеса), в которой преподавался испанский язык (первый опыт в стране), размышлял о том, кем ему стать. Вместе с Клубом молодых археологов при Музее истории и реконструкции Москвы, руководимым известным археологом Александром Григорьевичем Векслером (1931–2016) в 1968 году он выезжал на раскопки в Дьяковском городище, расположенном на правом берегу Москвы-реки в южной части музея-заповедника Коломенское вблизи исторического села Дьяково. Статью 18-летнего юноши о новых находках во время этих раскопок опубликовал солидный журнал «Советская археология» [Горбаневский 1997].

И всё же тяга к лингвистике, к изучению языков (а испанским он владел по окончании школы прекрасно, хорошо говорил на французском языке) победила страсть к археологии, хотя позже была ещё одна публикации на археологические темы. В 1970 году Миша Горбаневский стал студентом историко-филологического факультета Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Позже была служба в Советском армии, а затем учёба в аспирантуре *alma mater*. В 1980 году Михаил Викторович защитил кандидатскую диссертацию «Лексико-семантический и словообразовательный анализ русской ойконимии (междуречья Оки, Москвы и Нары)» [Горбаневский 1980]. В 1989 году была открыта докторантura в Институте русского языка (ИРЯ) имени А. С. Пушкина. Первым докторантом стал М. В. Горбаневский [Горбаневский 1994].

В 1987 году вместе с другими общественными деятелями Михаил Викторович выступил за возвращение исторических названий городам СССР. Эта деятельность осуществлялась в рамках Советского фонда культуры (СФК), руководимого Д. С. Лихачёвым. Постепенно на карту страны и в речь её жителей усилиями М. В. Горбаневского и других деятелей СФК и местных активистов были возвращены топонимы *Санкт-Петербург, Тверь, Самара, Великий Новгород, Нижний Новгород, Екатеринбург, Сергиев Посад*. Но не всегда это удавалось сделать: не были возвращены исторические названия Вятке, Царицыну, Симбирску.

В 1994 году в ИРЯ имени А. С. Пушкина Михаил Викторович Горбаневский защитил докторскую диссертацию «Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания» [9]. В ней он выдвинул плодотворную гипотезу об имени собственном как свёрнутом тексте, которую затем развил в ряде статей [Горбаневский 2008].

Помимо Москвы, в число любимых городов М. В. Горбаневского вошла Старая Русса. Он открыл для себя этот город в 1989 году, стал здесь учредителем и главным редактором интернет-альманаха «Соборная сторона», редактором библиографического путеводителя «Ф. М. Достоевский и Старая Русса», находящегося в Центральной городской библиотеке им. Ф. М. Достоевского.

На основании встреч с рушанами в раздел «Моя провинция» книги М. В. Горбаневского «Конспект по корифею» (2001) были включены материалы об этом городе [Горбаневский 2001]. Разумеется, учёный не мог забыть о топонимическом исследовании города. В 2002 году с соавторами он написал книгу о топониме Старая Русса [Агеева, Васильев, Горбаневский 2002]. В 2005 году в соавторстве с местным краеведом М. И. Емельяновой и при содействии группы рушан была издана книга об улицах Старой Руссы, в 2010 году переиздана с дополнениями и исправлениями [Горбаневский 2010].

Старая Русса для Михаила Викторовича была связана с духовными поисками учёного. В этом городе он проводил много времени в беседах с настоятелем Воскресенского собора архимандритом Агафонгелом (Догадиным). После кончины священника была подготовлена Михаилом Викторовичем вместе с духовными чадами архимандрита книга о нём [Старорусский пастырь архимандрит Агафонгел 2005]. У М. В. Горбаневского имеются книги и о других разделах ономастики: антропонимике [Горбаневский 1984], поэтонимике [Горбаневский 1988] и др.

Михаил Викторович стоял у истоков многих важных дел в новой отечественной истории. 16 июня 1992 года он вместе с В. П. Нерознаком и другими учёными при поддержке Д. С. Лихачёва возродил Общество любителей российской словесности, которое было основано в 1811 году, но в советское время прекратило своё существование.

В 2006 году М. В. Горбаневский стал научным руководителем информационно-исследовательского центра «История фамилии» и главным редактором научно-популярной газеты «Міръ имёнъ и названій». В 2008 году он выступил инициатором создания Международной ассоциации ономатологов имени В. А. Никонова, а через два года стал её президентом. К сожалению, эта ассоциация не получила убедительного развития, как и перестала выходить газета «Міръ имёнъ и названій», однако это нисколько не обескураживало учёного. Ведь у него было много но-

вых идей и мало времени на их осуществление. 45 выпусков газеты он издал в виде книги – так старая идея было реализована в новом формате, а читатели получили замечательный материал по изучению русской ономастики [Міръ имёнъ и названій 2023].

В 2001 году, не оставляя без внимания ономастику, М.В. Горбаневский круто изменяет круг своих научных интересов и создаёт Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам и в качестве председателя правления осуществляет её регистрацию в Министерстве юстиции РФ. Гильдия получает антропонимоподобную аббревиатуру ГЛЭДИС и открывает свой сайт www.rusexpert.ru. Михаил Викторович отмечал, что основная цель Гильдии – содействие через экспертную деятельность профессиональных российских лингвистов сохранению и развитию русского языка в отечественных СМИ, деловой сфере и современном российском обществе, участие в обеспечении информационной безопасности страны.

К этому времени лингвистическую экспертную деятельность осуществляли самые разные лица, которые давали заключения на основании собственных представлений о языке и юриспруденции. Нередко выводы эксперта подгонялись под запросы заказчика экспертизы. ГЛЭДИС стала разрабатывать научные основы лингвоэкспертной деятельности и оказывать помощь юридическим и физическим лицам в проведении лингвистической и автороведческой экспертизы публикаций в печатных, эфирных и сетевых СМИ, на интернет-платформах и в соцсетях, блогах и мессенджерах. Объектом анализа становится также тексты книг, брошюр, сценариев, официальных документов (в том числе законов и подзаконных актов), товарные знаки (словесные обозначения), имена собственные. Членами Гильдии осуществляется содействие и в научно-методическом рецензировании спорных экспертных заключений, выполненных в других организациях. ГЛЭДИС регулярно издаёт тексты экспертиз, документы по лингвоэкспертной (юрислингвистической) деятельности, методические рекомендации, комментарии экспертов [Цена слова 2002; Спорные тексты СМИ и судебные иски 2005; Горбаневский, Трофимова 2021].

Можно только гадать, сколько ещё нереализованных идей унёс с собой в иной мир Михаил Викторович Горбаневский. В последнее время он жаловался на здоровье, но всегда был оптимистически настроен и каждое утро рассыпал друзьям и знакомым подобранные полезную информацию о лингвоэкспертной деятельности, новостях ономастики и лингвистики, событиях в истории страны. Когда эти подборки перестали приходить, друзья учёного почувствовали неладное, но надеялись, что это лишь недомогание. Однако вскоре пришла скорбная весть.

Пока сохраняется некоторая растерянность среди коллег и друзей. Скоропостижный уход Михаила Викторовича трудно осознать. Разумеется, основанные им дела будут продолжены. Они, конечно, будут несколько иными, чем при М. В. Горбаневским, но память о нём осталась в его книгах, в его пассионарных интервью и статьях, в деятельности его коллег. Светлая память выдающему российскому учёному, замечательному русскому человеку Михаилу Викторовичу Горбаневскому!

Библиографический список

1. Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В. Старая Русса: Тайны имени древнего города. Москва: Мельгир, 2002. – 128 с.
2. Горбаневский М. В. Гипотеза о топониме как о свёрнутом многоплановом тексте // У чистого источника родного языка: Сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / под ред. Е. В. Брысиной. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. С.145-166.
3. Горбаневский М. В. Иван да Марья: Рассказы об истории русских имён, отчеств и фамилий. Москва: Русский язык, 1984. 152 с. 2-е изд. Москва: Русский язык; Генуя: Эдест, 1987. 144 с.; 3-е изд. Москва: Русский язык, 1987. 256 с. 4-е изд. Москва: Русский язык; Дюссельдорф: Брюкен-Ферлаг, 1988. 264 с.
4. Горбаневский М.В. Имена земли Московской. Москва: Моск. рабочий, 1985. 160 с.
5. Горбаневский М. В. Конспект по корифею: Статьи, очерки, интервью. Москва: Галерия, 2001. 304 с.

6. Горбаневский М.В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ русской ойкономии (междуречья Оки, Москвы и Нары). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1980. 19 с.
7. Горбаневский М.В. Москва: кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы. Мoseva: Олимп, АСТ, Астрель, 2007. 448 с.
8. Горбаневский М.В. Москвоведение Учебное пособие для начальной и средней школы. Москва: Московский учебник-2000, 1997. 368 с.
9. Горбаневский М.В. Новые находки на Дьяковском городище // Советская археология. 1971. №1. С.236-238.
10. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. Москва: Изд-во УДН, 1988. 88 с.
11. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1994. 39 с.
12. Горбаневский М.В. Тайны московских улиц: Топонимические путешествия. Москва: Московский учебник-2000, 1997. 320 с.
13. Горбаневский М.В., Емельянова М.И. Улицы Старой Руссы: История в названиях. Москва: Медея, 2004. 384 с. 2-е изд., доп. и испр. Москва: Патриарший издат.-полиграф. центр, 2010. 352 с.
14. Горбаневский М. В., Трофимова Г. Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. Москва: ИПЦ «Маска», 2021. 176 с.
15. О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы. Комментарий доктора филологических наук, профессора М. В. Горбаневского. Москва: Норма-Инфра-М, 1998. 45 с.
16. Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. Москва: Наука, 1982. 176 с.
17. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. Москва: Престиж, 2005. 200 с.
18. Старорусский пастырь архимандрит Агафангел. Москва: Медея, 2005. 256 с.
19. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Галерия, 2002. 423 с.
20. «Міръ имёнъ и названій»: 45 выпусков научно-просветительской газеты по ономастике. 2006–2010 гг. / авт.-сост. М. В. Горбаневский, В. О. Максимов; под общ. ред. А. С. Щербак. Москва: МАСКА, 2023. 376 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Супрун Василий Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания; Волгоградский государственный социально-педагогический университет

SPIN-код: 2563-5967

e-mail: suprun@vspu.ru

Suprun Vasily Ivanovich,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods; Volgograd State Socio-Pedagogical University

SPIN code: 2563-5967

e-mail: suprun@vspu.ru

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
EVENTS AND REVIEWS

УДК 81'373.2

С.А. Попов

Воронежский государственный университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: spo@bk.ru

XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»

S.A. Popov

Voronezh State University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: spo@bk.ru

XXIII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
"ONOMASTICS OF THE VOLGA REGION"

1-3 октября 2025 года на базе факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева состоялся традиционный форум ономатологов «Ономастика Поволжья». Конференция ведет свою историю с 1967 г., когда один из основоположников отечественной ономастики, известный исследователь имен собственных В.А. Никонов (1904–1988) впервые собрал коллег-единомышленников на своей родине в Ульяновске. По задумке В.А. Никонова, конференция должна была проводиться ежегодно в разных городах Поволжья. «Столицей» «Ономастики Поволжья» в разные годы становились Горький, Пенза, Саранск, Волгоград, Казань, Ярославль, Тверь, Арзамас, Ульяновск, Кострома, Оренбург, Великий Новгород, Рязань, Саратов и др.

В этом году на конференцию было подано 125 заявок из 32 городов России и 5 зарубежных стран (Беларусь, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Киргизии). В АГУ им. В.Н. Татищева собрались представители научного сообщества из Брянска, Владивостока, Волгограда, Вологды, Воронежа, Донецка, Ишимбая, Казани, Калининграда, Костромы, Краснодара, Махачкалы, Москвы, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Пензы, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ставрополя, Сургута, Тамбова, Твери, Тольятти, Тулы, Тюмени, Улан-Удэ, Уфы, Элиста, Ярославля.

Ономастическая проблематика, как всегда, была представлена во всем разнообразии. Тематика докладов позволила выделить 16 главных тематических блоков: теория и методология современных ономастических исследований; ономастическое пространство и ономастическое поле; общая топонимика; поволжская топонимика, микротопонимика и урбанонимика; антропонимика и этнонимика; зоонимика; теонимы и мифонимы в поволжских этнокультурах; диалектная и социолектная ономастика; онимы в городской коммуникации; онимическая периферия и апеллятивно-онимическое пограничье; имя собственное в межъязыковом контексте, проблемы переводоведения; литературная и фольклорная ономастика; имя собственное в детской речи; языковая игра в ономастическом пространстве; ономастика и ономастическое краеведение в школе и вузе; ономастическое пространство Нижнего Поволжья.

жья.

На торжественном открытии конференции с приветственным словом выступили: проректор по научной и международной деятельности АГУ им. В.Н. Татищева кандидат технических наук Е.Г. Пахомова, постоянный член оргкомитета и координатор конференций «Ономастика Поволжья» доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Супрун. Приветствие президента МАПРЯЛ и РОПРЯЛ В.И. Толстого зачитала и.о. декана факультета филологии и журналистики, заведующая кафедрой русского языка АГУ им. В.Н. Татищева доктор филологических наук, доцент М.Л. Лаптева. Прозвучали также онлайн-приветствия зарубежных участников: А.М. Мезенко (Беларусь), Е.В. Сабиевой (Казахстан), Е.В. Липатовой / Д.Р. угли Абатова (Узбекистан), А.И. Аширова (Туркменистан).

На пленарном заседании с содержательными докладами выступили доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор С.А. Мызников (г. Москва) «Индикаторы мерянской топонимии и этноязыковые ареалы (по следам многолетних дискуссий)», доктор филологических наук, профессор И.Н. Кайгородова (г. Астрахань) «Астрахань в названиях – город-сад», доктор филологических наук, профессор М.В. Голомидова (г. Екатеринбург) «Полисемиотические «микротексты» в топонимическом ландшафте города», кандидат филологических наук, доцент О.В. Шкуран (г. Москва) «Формирование луганских агионимов-оиконимов как части русского сакрального ономастикона», доктор филологических наук, профессор В.И. Супрун (г. Волгоград) «Законы языковой экономии и экспрессии в русской ойкономии».

Далее конференция продолжила работу в семи тематических секциях: «Общие вопросы ономастики», «Антропонимика», «Топонимика», «Литературная ономастика», «Онимическое пространство города и региона», «Методические аспекты ономастики», «Онимы в искусстве, науке и СМИ».

К началу конференции опубликован в качественном полиграфическом исполнении сборник материалов конференции объемом 26,75 печ. л. (Ономастика Поволжья: сборник материалов XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», г. Астрахань, 1–3 октября 2025 г. / ред. колл.: В.И. Супрун, М.Л. Лаптева, О.Ю. Космачева, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2025. – 428 с.), содержащий заявленные доклады и сообщения. Сборник будет размещен в базе данных Российского индекса научного цитирования и в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Как справедливо отмечено в предисловии к этому сборнику, «За 58 лет проведения конференций «Ономастика Поволжья» появились устойчивые традиции научной встречи. Возник своеобразный клуб постоянных участников конференции, в который каждый год вливаются новые лица. Ономастика по-прежнему остается востребованной и актуальной наукой в нашей стране и в мире. Научная конференция «Ономастика Поволжья» занимает важное место в исследовании проблем имен собственных, которые необходимы человеку для полноценной коммуникации, ориентации в окружающем пространстве и обществе» (С. 11).

Организаторы ономастического форума провели для участников конференции незабываемые экскурсии по Астраханскому Кремлю и окрестностям, в музейно-культурный центр «Дом купца Г.В. Тетюшина», поездку в региональный культурный центр имени Курмангазы.

На закрытии конференции на пленарном заседании подведены итоги работы. С докладами выступили доктор филологических наук, профессор В.М. Калинкин (г. Горловка) «Имена собственные в идиолекте будетлянина», доктор филологических наук, доцент М.Л. Лаптева (г. Астрахань) «Антропонимический ландшафт современной Астрахани», кандидат филологических наук, доцент Н.В. Ланге (г. Смоленск) «Способы введения естествен-

ных и искусственных имён героев в ономастический текст (на примере произведений Е.Г. Водолазкина)», доктор филологических наук, профессор Э.А. Гашимов (г. Самара) «Лингвистический ландшафт Самары: ономастические особенности и культурные аспекты».

Затем с информацией об итогах работы выступили руководители секций. Было решено следующую научную конференцию «Ономастика Поволжья» провести осенью 2026 года в Самаре. В завершении работы конференции по сложившейся традиции флаги «Ономастики Поволжья» были торжественно переданы «столице» будущего форума ономатологов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры связей с общественностью, ре-
кламы и дизайна Воронежского государствен-
ного университета,
SPIN-код 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

Popov Sergey Alexandrovich,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Public Relations, Advertising and Design,
Voronezh State University,
PIN code 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Файл со статьей в формате .doc, .docx, .rtf должен быть назван Статья_ФИО

Статья должна включать:

1) УДК;

2) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный курсив, выравнивание по центру);

3) место работы автора, город, страну (шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив, выравнивание по центру);

4) название статьи (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (150–200 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) перевод пунктов 2–6 на английский язык;

8) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

9) библиографический список на русском языке (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

10) сведения об авторе на русском и английском языках в виде таблицы: ФИО полностью – жирным шрифтом, степень, звание, должность, место работы, SPIN-код elibrary, e-mail (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки, указывается фамилия автора работы или название издания (в случае коллектива авторов), год издания, после двоеточия приводятся номера страниц, например: [Иванов 1996 : 54–67], [Фольклор Русского Устья 1986 : 115], если издание многотомное, то ссылка оформляется следующим образом: [Достоевский 1975 : 3 : 4–6], где 3 – том издания.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине.

рине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- 1) предмет, тему, цель работы;
- 2) метод или методологию проведения работы;
- 3) результаты работы;
- 4) область применения результатов;
- 5) выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 81

C.A. Скуридина

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

**МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микротопонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топосов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в appellативно-онимное единство, имеющее autobiographical подтекст, микротопонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень. (150-200 слов).

Ключевые слова: Достоевский, микротопонимы, оним, хронотоп, «Братья Карамазовы» (5-10 слов).

S.A. Skuridina

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

**MICROTOPONYMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
«THE KARAMAZOV BROTHERS »**

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level. ..

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope, «The Brothers Karamazov».

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975 : 234].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
3. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ре-

сурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).

4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.

5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10-22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного техническо-
го университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Научное издание

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 4 (4) 2025

Издаётся с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 15.12.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 18,5. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 25 экз. Заказ № 274.
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84